

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

1962

**Хрущев
Кеннеди
Кастро**

**Как мир
чуть не погиб**

Москва
2023

УДК 94(100)''1962''
ББК 63.3(0)63
Н64

В оформлении переплета использованы фотографии:
© Валерий Шустов, Давид Шоломович / РИА Новости;
© Jonathan William Mitchell / Age Fotostock / Фотобанк Лори

Никонов, Вячеслав Алексеевич.
Н64 1962. Хрущев. Кеннеди. Кастро. Как мир чуть не по-
гиб / Вячеслав Никонов. — Москва : Эксмо, 2023. —
992 с.

ISBN 978-5-04-160866-8

Осенью 1962 года Советский Союз и США тринадцать дней находились на волосок от ядерной войны. В этой книге минута за минутой, час за часом, день за днем проанализирован самый страшный по возможным последствиям дипломатический и военный кризис, который когда-либо угрожал человечеству.

Хрущев, Кеннеди и Кастро, их правительства и военные оказались в ловушке амбиций, взаимных подозрений, угроз и эскалации вооруженной мощи. Однако нашли в себе силы остановиться за мгновения до начала боевых действий. Отозвали ультиматумы. Нащупали компромисс, благодаря которому угроза ядерного апокалипсиса была отодвинута почти на 60 лет.

Хватит ли сегодняшним политикам мудрости, чтобы при схожих рисках глобального военного конфликта воспользоваться опытом разрешения Карибского кризиса и найти путь к миру? Автор — российский историк, публицист и общественный деятель Вячеслав Никонов — рассчитывает, что его скромный труд не только станет предупреждением, но также поможет в поиске разумного выхода.

УДК 94(100)''1962''
ББК 63.3(0)63

ISBN 978-5-04-160866-8 © Никонов В.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Оглавление

Введение.....	7
Холодная война: краткий курс.....	13
Глава 1. ХРУЩЕВ.....	23
Становление.....	25
Первый секретарь.....	41
Внешнеполитический дебют.....	47
Хозяин.....	56
Ракетно-ядерный щит.....	80
На американском направлении.....	85
Глава 2. КАСТРО.....	105
Революционер.....	107
Лидер.....	120
Фидель и Советский Союз.....	130
Между Вашингтоном и Москвой.....	138
Кастро, Че и Хрущев.....	155
Глава 3. КЕННЕДИ.....	165
Звезда.....	167
Политик.....	179
Президент.....	195
Залив Свиней.....	211
Глава 4. ХРУЩЕВ И КЕННЕДИ.....	229
Стратегический (дис) баланс.....	231
Вена.....	250
Вена. День второй.....	281
Берлинская стена и гибкое реагирование.....	300
Подарки к съезду.....	322
«Мангуст».....	336
1962-й. Начало.....	344
Защитить Кубу.....	360
Глава 5. «АНАДЫРЬ».....	373
Решение.....	375
Замысел Хрущева.....	395
Подготовка.....	406
Через океан.....	422
Наши на Кубе.....	442
Лето дипломатии.....	456
Сентябрьские догадки.....	476
Октябрьская прелюдия.....	493

Глава 6. УЗНАЛИ.....	519
14 октября. Воскресенье.....	521
15 октября. Понедельник.....	524
16 октября. Вторник.....	527
17 октября. Среда.....	557
18 октября. Четверг.....	562
18 октября. Громыко в Белом доме.....	582
19 октября. Пятница.....	596
20 октября. Суббота.....	608
21 октября. Воскресенье.....	619
Глава 7. БЛОКАДА. НА ГРАНИ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ.....	629
22 октября. Понедельник. Догадки в Москве.....	631
22 октября. Ультиматум Кеннеди.....	642
22–23 октября. Беспокойная ночь в Кремле.....	653
23 октября. Вторник. «Беспрецедентные агрессивные действия».....	668
23 октября. Пятьдесят на пятьдесят.....	685
24 октября. Среда. «Если мы хотим встретиться в аду».....	705
24 октября. DEFCON-2.....	716
25 октября. Четверг. Пугают!.....	733
25 октября. На абордаж.....	743
25 октября. Да или нет?!......	750
26 октября. Пятница.....	
Война может начаться уже сегодня.....	764
26 октября. Ресторан «Оксидентал».....	780
26 октября. «Если вы такой сукин сын, как Хрущев...».....	790
Глава 8. РАЗВЯЗКА.....	801
27 октября. Суббота. Применять ядерное оружие без разрешения Москвы запрещается.....	803
27 октября. Турецкий гамбит.....	818
27 октября. U-2. Приготовиться атаковать Кубу.....	831
27 октября. Есть выход?.....	843
28 октября. Воскресенье. Ново-Огарево.....	862
28 октября. Ярко залитое солнцем утро в Вашингтоне.....	878
29 октября. Понедельник. Отступление.....	888
30 октября. Вторник. Мы пережили самый ответственный момент.....	894
31 октября. Среда. Мгновения непередаваемой горечи и печали.....	907
Финал.....	922
Закключение. Что это было?.....	965

Введение

Нас могло не быть.

Никого.

Или подавляющего большинства из живших тогда и живущих сейчас — на территории СССР, Соединенных Штатов, Кубы, Европы...

В истории человечества были трагические страницы, когда молох войны сметал человеческие жизни многими миллионами. Первая мировая и особенно Вторая мировая война — в первую очередь. Но даже в те страшные годы речь не шла о полном уничтожении целых стран и всех проживавших в них людей.

В истории человечества дважды применялось ядерное оружие: американцами в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 года. Но тогда число жертв в чудовищном атомном вихре исчислялось сотнями тысяч.

В октябре 1962 года вполне могли погибнуть сотни миллионов людей, а многие страны оказались бы просто сметенными с лица земли. А убийственные последствия ядерной войны ощутили бы немногие выжившие в ее огне в самых отдаленных уголках Земли. У меня, дошкольника, у всех, живших тогда в Москве, в других городах и поселках Советского Союза, не было шанса уцелеть.

Карибский кризис был самым опасным моментом в человеческой истории.

Дин Раск, занимавший в дни кризиса должность государственного секретаря США, утверждал: «Администрация Кеннеди имела несчастье испытать самый опасный кризис, который мир только видел, Кубинский ракетный кризис. Сверхдержавы были готовы вцепиться в глотки друг другу, национальные интересы и национальная гордость были публично поставлены на кон, ни одна из сторон поначалу не показала какого-либо желания отступить»¹.

¹ Rusk D. As I Saw It. L., 1991. P. 201

Макджордж Банди, декан школы государственного управления в Гарварде, а тогда помощник Кеннеди по национальной безопасности, писал о «беспрецедентно суровом кризисе, когда риск ядерной войны, как признается почти всеми, был самым большим за все время до и после него»¹.

По словам многоопытного британского премьер-министра Гарольда Макмиллана, ветерана еще Первой мировой, дни кризиса были самым «опасным моментом, который пережил мир с конца Второй мировой войны»².

Ведущий американский исследователь Карибского кризиса, известный гарвардский политолог Грэм Аллисон авторитетно заявляет: «История не знает других периодов, аналогичных тринадцати дням октября 1962 года, когда Соединенные Штаты и Советский Союз остановились у кромки ядерной пропасти. Никогда прежде не существовала столь высокая степень вероятности того, что такое большое число жизней неожиданно оборвется. Если бы война разразилась, она означала бы гибель 100 миллионов американцев... а также миллионов европейцев. По сравнению с этим естественные катастрофы и массовые уничтожения людей более ранних периодов истории выглядели бы незначительными»³.

Про Карибский кризис написано вроде бы довольно много.

Оставили воспоминания многие ключевые участники событий тех дней — сам Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета министров СССР Никита Сергеевич Хрущев, член Президиума ЦК КПСС Анастас Иванович Микоян, министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, посол СССР в Вашингтоне Анатолий Федорович Добрынин, помощник Хрущева Олег Александрович Трояновский. Много ярких воспоминаний от наших военных, которые непосредственно руководили военной операцией на Кубе и участвовали в ней; от легендарных разведчиков — Николая Сергеевича Леонова, Александра Семеновича Феклисова.

¹ Bundy M. Danger and survival: Choices about the bomb in the first fifty years. New York. 1988. P. 391.

² Macmillan H. Introduction // Kennedy R. Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Missile Crisis. N.Y., 1969. P. 17.

³ Allison G. T. Essence of Decision. Explaining the Cuban Missile Crisis. Boston, 1971. P. 1.

Президент Кеннеди, естественно, мемуаров не оставил: его убили через год после Карибского кризиса. Но успел написать книгу «Тринадцать дней», до того, как его тоже убили, брат президента и министр юстиции Роберт Кеннеди. Воспоминаниями поделились Дин Раск, министр обороны Роберт Макнамара, Макджордж Банди, спичрайтер президента Теодор Соренсен.

Уникальный случай — дословно известны почти все дискуссии, которые велись в Белом доме в дни кризиса на заседаниях Исполнительного комитета Совета национальной безопасности («Экскома», ЕХСОММ, от «Executive Committee»), обсуждавшего варианты действий. Сохранились их магнитофонные записи, что подарило историкам и читателям море информации. Записи были сделаны самим президентом Кеннеди. Магнитофон находился в подвальном этаже Белого дома, его техническое обеспечение осуществляли сотрудники Секретной службы — личной охраны президента. Он один (может, еще его брат Роберт) знал, что разговоры записываются и «работал на историю». Записи не полные. Когда президент не хотел, чтобы его или чьи-то слова фиксировались, он просто нажимал кнопку, и запись прекращалась. Да и потом записи и их расшифровки прошли через много рук и внимательных глаз многочисленных цензоров из государственных органов и спецслужб. Но и то, что обнародовано, — огромный объем информации, который приводится по изданию 1997 года, вышедшему под редакцией Эрнста Мэя и Филиппа Зеликова¹.

У нас изданы довольно полные сборники документов Президиума ЦК КПСС, содержащих черновые протокольные записи его заседаний, стенограммы, постановления. Конечно, это не магнитофонные записи, полноты и точности (особенно в черновых набросках секретарей) нет, но источник для анализа процесса принятия решений в Москве исключительно важный.

Огромную работу провели историки. Сын Хрущева — Сергей Никитович — выступал и как автор мемуаров из первых

¹ The Kennedy Tapes. Inside the White House During the Cuban Missile Crisis / Ed. by Ernest R. May and Philip D. Zelikov. Cambridge (Mass.) — L., 1997.

рук и как исследователь, работавший, правда, в основном в Соединенных Штатах.

В схожем амплуа выступал и долгие годы возглавлявший Институт Латинской Америки РАН Серго Анастасович Микоян, собравший и систематизировавший большое количество архивных документов.

Из трудов чисто исторических следует выделить, в первую очередь работы академика Александра Александровича Фурсенко и труды, написанные им совместно с американо-канадским автором Тимоти Нафтали. Они тщательно проштудировали американские и советские архивы, переговорили с некоторыми тогда еще здравствовавшими участниками событий и подготовили богатую документальную базу.

Карибский кризис был предметом острых исторических споров, суть которых весьма неплохо передал Сергей Хрущев: «Решение переставить местами Скали и Фомина, вложить в уста последнего предложение о выводе советских ракет с Кубы в обмен на обещание не вторгаться на остров, в сочетании со столь популярной в США идеей, что после поражения десанта в Заливе Свиней и встречи в Вене отец посчитал Кеннеди слабым, что и подтолкнуло его послать ракеты на Кубу, и с американской же концепцией, утверждающей, что постановка ракет на Кубе — заявка на изменение стратегического баланса, стало ключевым в американской мифологии Карибского кризиса: США победили, выигрывали противостояние, показали Хрущеву “кузькину мать”, заставили его отступить, забрать страшные ракеты домой, а обещание не нападать... Согласно тому же мифу, они и не собирались высаживать свои войска на Кубу.

Американские историки выстроили свою версию, она абсолютно патриотична: мы одержали верх! А вот почему российские историки и самые матерые, к примеру, автор книги “Адская игра” академик Александр Фурсенко, придерживаются американского мифа? Не понимаю. Если же поставить все с головы на ноги: ракеты завезли на Кубу, чтобы предотвратить американскую агрессию против Кубы, Белый дом пошел на попятный, отменил планы высадки своих вооруженных сил на остров (они, по последним американским данным, имели место быть), дали официальные гарантии ненападения на Кубу, а в ответ отец вывел ракеты с Кубы, как выполнившие свою

миссию. Согласитесь, здесь победителем уже становится Советский Союз»¹.

В последнее время споров немного, причем как у нас, так и в Соединенных Штатах. Там не сильно спорят, потому что уверены, что все о кризисе знают, и им все понятно.

В Америке тема Карибского кризиса весьма популярна, прежде всего потому, что она победная. Хотя были, как мы увидим, и критики Кеннеди, полагавшие, что, не прибегнув к военным средствам, он упустил блестящий шанс задушить на корню коммунистическую угрозу в Западном полушарии, а заодно и Советский Союз. И тема там популярна потому, что в США она вызывала куда большие эмоции, чем в СССР. Американцы были настолько напуганы собственной пропагандой в дни Карибского кризиса, что массово бежали из городов или из страны и рыли бомбоубежища. В американской исторической памяти это действительно важный и волнующий момент прошлого. Причем из ряда побед американского демократического добра над порочным тоталитарным злом.

В нашей стране не спорят, потому что и знают мало, и интересуются слабо. В СССР пропаганда была более аккуратной, и кризис прошел почти незамеченным, вызвав панику разве только у немногих посвященных в его детали. И как победу разрешение кризиса перестали трактовать уже с 1964 года, когда Хрущева сместили со всех его постов и отправили на пенсию. В числе его главных прегрешений называлась тогда и «военная авантюра» на Кубе. А затем фигура Хрущева надолго перестала быть привлекательной. Надо признаться, он не герой и моего романа. Хотя герой этой книги.

Для патриотов и коммунистов Хрущев остался разрушителем советской идеологии и государственности, а его поведение в дни Карибского кризиса — примером безответственности и трусости (на фоне мужества и профессионализма советских военных и самоотверженности кубинцев). Для либералов Хрущев — позитивная культовая фигура «оттепели», десталинизации и налаживания отношений с Западом. Но размещение ракет на Кубе либералы могут только осуждать как ничем не оправданную и чудовищную ошибку великого человека.

¹ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 488–489.

Так что для представителей всех идеологических течений Карибский кризис всегда казался чем-то чуждым и малоинтересным. Посему и относительно незначителен интерес к нему со стороны нашего исторического сообщества. Почти все известные исследователи Карибского кризиса уже ушли из жизни.

И еще одно обстоятельство, которое подвигло меня взяться за перо. Когда в 2022 году приближалось шестидесятилетие Карибского кризиса, я стал искать в лучших книжных магазинах Москвы книги об этом событии. Не нашел ни одной...

Сколько раз нам доводилось слышать про объективные силы исторического процесса, которые двигают поступками людей и историей. Прожив уже довольно долгую жизнь, большая часть из которой — в политике, признаюсь, что мне никогда не приходилось сталкиваться с действием объективных процессов. Известный британский историк войн Энтони Бивор сформулировал «неписаное, но важное историческое правило: неизбежности не существует»¹. И это действительно так.

Все, что происходило на моих глазах, будь то распад СССР или специальная военная операция на Украине, явилось следствием действий или бездействия очень небольшого количества людей, принимавших или не принимавших в конкретный момент времени те или иные решения, обязательные для исполнения государственными органами, прежде всего силовыми. «История в своей последней реальности творится немногими, она аристократична», — справедливо замечал наш выдающийся философ Николай Александрович Бердяев.

В случае с Карибским кризисом судьбы мира зависели от решений всего трех человек: Никиты Сергеевича Хрущева, президента Соединенных Штатов Америки Джона Фитцджеральда Кеннеди и Председателя Совета министров и Первого секретаря ЦК Коммунистической партии Кубы Фиделя Александро Кастро Руса.

Только от воли Хрущева зависело появление советских ракет с ядерными боеголовками на Кубе: никому другому в руководстве СССР, как мы увидим, такое и в голову не могло прийти. А даже если бы и пришло, что с того без решения Хрущева?

¹ Бивор Э. Гражданская война в Испании. 1936—1939. М., 2019. С. 12.

Только с согласия Кастро ракеты могли оказаться на Кубе. Откажись он, и никакой Хрущев не смог бы реализовать такой план, и никакого Карибского кризиса бы не было. Точнее, был бы другой кризис, который вовсе не гарантировал выживание Кубинской революции, коль скоро американцы уже готовы были обрушить на Остров Свободы свою военную мощь.

Только от выдержки Кеннеди зависел отказ от применения этой мощи против советских Вооруженных Сил и военных объектов на Кубе, что могло вызвать немедленную войну между СССР и Соединенными Штатами с более чем вероятной ядерной эскалацией.

А объективные факторы? Разве что «холодная война» и наличие у двух сверхдержав ядерного оружия. И то эти факторы были порождены субъективными решениями и творениями разумов отдельных личностей.

Поэтому и начнем с «холодной войны».

И с трех личностей, чьи решения и заварили всю эту кашу, и позволили нам выжить.

Хрущев. Кастро. Кеннеди.

Холодная война: краткий курс

Мир «холодной войны», пришедший на Землю после Второй мировой войны, был биполярным.

Страны, игравшие ведущую роль в определении судеб планеты до войны, были либо разгромлены, как Германия, Япония и Италия, либо заметно ослаблены, как Великобритания и Франция.

Два государства, впервые становившиеся сверхдержавами — Советский Союз и Соединенные Штаты — определяли формирование системы международных отношений, получившей название Ялтинско-Потсдамской.

И оба ставили перед собой амбициозные исторические и геополитические задачи.

СССР стал после Великой Отечественной военной сверхдержавой. Он смог создать мощнейшую производственную, научную и опытно-конструкторскую базу, которая легла в основу нашего военно-промышленного комплекса. Советский Союз обладал большим моральным авторитетом. В те годы все знали, кому человечество обязано в первую очередь своим избав-

лением от коричневой чумы. И Москва создавала пояс безопасности из дружественных государств на западе и востоке от своих границ.

В результате Второй мировой войны Соединенные Штаты — до этого экономический гигант со слабой армией, предпочитавший изоляционизм и невмешательство в дела остального, «порочного» мира — также превратились в сверхдержаву (по всем силовым параметрам) — с интересами практически в любой точке земного шара и претензиями на мировое доминирование. Страна, где проживало 7% населения мира, производила после войны 42% промышленных товаров планеты, 43% электричества, 57% стали, 62% нефти и 80% автомобилей¹. Америке все были должны. США стали крупнейшим экспортером в мире, они владели уже половиной всех морских судов на планете.

США обрели способность демонстрировать силу в любом районе планеты, к которому можно было подступиться с моря, благодаря своим авианосным ударным соединениям и морской пехоте. Еще более впечатляющим было американское превосходство в воздухе — в стратегической авиации². И, конечно, ядерный арсенал.

Все это порождало уверенность во всемогуществе США, превращении XX века в американский.

Новые огромные возможности подводили Вашингтон к идее глобального лидерства как необходимого и сильного условия поддержания международной стабильности. Известные российские американисты Владимир Олегович Печатнов и Александр Серафимович Манькин замечали: «Новое убеждение, вынесенное военно-политической элитой страны из суммарного опыта обеих мировых войн, состояло в том, что без лидерства и опеки США Старый Свет вновь станет жертвой своих периодических безумств, а спасти его от них опять придется Америке. Традиционное для заокеанской республики мессианство с его уверенностью в универсальности американских принципов и благодати американской мощи теперь впер-

¹ Гринспэн А., Вулдридж А. Капитализм в Америке. История. М., 2020. С. 313.

² Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург, 2018. С. 537–539.

вые опиралось на самый мощный в мире военно-экономический потенциал»¹.

Но для оправдания такой глобальной стратегии, обеспечения ей государственной и общественной поддержки не хватало одного — врага. Не успело Знамя Победы взвиться над Рейхстагом, как эта роль в закрытых американских военно-политических оценках стала отдаваться Советскому Союзу, хотя бы потому, что только он располагал набором характеристик, приписываемых глобальному конкуренту: положением в центре Евразии, военной мощью, неприемлемыми для США идеологией и общественным строем.

Идеи американской исключительности приобрели однозначно явную антисоветскую окраску. Против врага применимо все. Планы ядерной войны против Советского Союза, которые чуть не уничтожили человечество в 1962 году, начали разрабатываться на семнадцать лет раньше.

Еще осенью 1945 года в американском Объединенном комитете начальников штабов (ОКНШ) была подготовлена «Стратегическая концепция разгрома России» и первый конкретный план войны, получивший название «Тоталити». Он предусматривал ядерные бомбардировки 20 крупнейших городов Советского Союза, включая Москву, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов².

Концептуальным фундаментом новой глобальной политики США стала доктрина «сдерживания» коммунизма, контуры которой были заложены в феврале 1946 года в «длинной телеграмме» временного поверенного посольства США в Москве Джорджа Кеннана. Именно он создал тот демонический образ Советского Союза, который оказался столь востребованным в администрации США: от природы враждебная Западу сила, движимая идеями экспансии и нуждающаяся во внешних врагах для спасения своей тоталитарной системы. Руководство СССР воспринимает только логику силы, и поэтому сдерживать эту страну должна преобладающая сила Запада.

¹ Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2018. С. 292.

² Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2018. С. 299–301; История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. 1945–1965 годы. М., 2014. С. 36.

Сам термин «сдерживание» в переводе, сделанном для советского руководства, звучал как стратегия «удушения» Советского Союза¹. Ведущий американский журналист Уолтер Липпман выступил с серией статей, собранных в книгу под названием «Холодная война». Так появилось это понятие².

Обострение ситуации вокруг Турции после советского предложения Анкаре о «совместной обороне» проливов, встретившего решительный отказ, стало поводом для разработки в Вашингтоне плана региональной войны «Гридл», предусматривавшего бомбардировки Советского Союза с турецкой территории с использованием ядерного оружия³. В Турцию была направлена военно-морская армада, создавалось Средиземноморское командование американских ВМФ, закреплявшее постоянное американское военное присутствие на наших южных рубежах.

Соединенные Штаты наращивали также сеть аэродромов, с которых было удобно наносить удары по советской территории силами стратегической авиации, глобальную инфраструктуру военных баз. Шли интенсивные поиски союзников для сдерживания СССР по всему миру. В самой Америке заработала Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, занявшаяся очисткой госструктур от заподозренных в просоветских симпатиях.

18 марта 1947 года была озвучена доктрина Трумэна, в соответствии с которой выделялась финансовая и военная помощь Греции и Турции, над которыми якобы нависла советская военная угроза. Главной целью американской политики становилась «защита свободы и демократии», в том числе в странах Восточной Европы, «оккупированных» Советским Союзом.

Американцы начинали активно использовать то, чего не было не только у Советского Союза, но и у разоренных Европы или Азии. Деньги. 5 июня 1947 года госсекретарь Джордж Маршалл, выступая на выпускной церемонии в Гарварде, предложил кредитовать Европу. Появился «план Маршалла», при-

¹ Корниенко Г. М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 2001. С. 60–61.

² Lippman W. The Cold War. A Study in US Foreign Policy. L., 1947.

³ Очерки истории МИД России. Т. 2. М., 2002. С. 336.

стегнувший разоренную Западную Европу к американской колеснице.

26 июля 1947 года Трумэн придал законченность набору американских инструментов «холодной войны», подписав Закон о национальной безопасности. Создавалось Министерство обороны, объединившее все виды вооруженных сил, Совет национальной безопасности (СНБ) как орган для принятия решений по внешней и оборонной политике и Центральное разведывательное управление (ЦРУ), приступившее к тайным операциям за границей. В законе, как напишет глава ЦРУ Аллен Даллес, «конечно, есть секретные приложения, и они позволяют Совету национальной безопасности, а в конечном счете и президенту ставить перед управлением и другие разведывательные задачи, кроме оговоренных в законе»¹.

В условиях прекращения прямого диалога СССР и Запада в поисках симметричного ответа в Москве прежде всего занялись укреплением системы своих альянсов. С середины 1947 года СССР приступил к советизации государств Восточной Европы. В сентябре компартии Восточной Европы, Франции и Италии организовали Коминформ, «объединяющий орган, чтобы осуществлять постоянный обмен взглядами, и когда необходимо, координировать деятельность коммунистических партий».

А вскоре Берлинский кризис открыл серию прямых конфронтационных схваток Советского Союза и Запада. После того, как 7 июня Великобритания, США, Франция, Бельгия, Нидерланды и Люксембург заявили о намерении создать в нарушение ялтинских и потсдамских договоренностей в западных оккупационных зонах федеративное германское государство и ввести в нем и в Западном Берлине собственную валюту, Советский Союз объявил о закрытии железнодорожных, шоссейных, водных путей, связывавших Берлин с Западом. Запад воспринял это как агрессию. Блокада длилась 322 дня. Западные страны организовали сообщение с Берлином по воздушному мосту: самолеты взлетали и садились каждые две минуты. В берлинском кризисе Советский Союз на Западе был представлен стороной, провоцирующей напряженность, а жесткая

¹ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 16–17.

линия Трумэна в глазах общественного мнения Запада получила дополнительное обоснование.

Вашингтон активизировал ядерное планирование. В плане «Сизл» («Шипение»), разработанном к концу 1948 года, предусматривалось применение 133 ядерных бомб для ударов по 70 городам СССР (8 бомб предполагалось сбросить на Москву и 7 — на Ленинград). Почему планы ядерных бомбардировок так и не были претворены в жизнь?

Американцы располагали недостаточно большим ядерным арсеналом. На середину 1946 года США имели на руках 9 атомных бомб, годом позже — 13, а в 1948-м — 56¹. И отсутствовала уверенность, что атомная атака в принципе способна привести к «капитуляции, уничтожению корней коммунизма или критическому ослаблению способности советского руководства контролировать свой народ». Кроме того, существовало обоснованное опасение, что ответом на удар по Советскому Союзу может явиться победоносный марш Советской Армии из Центральной Европы к Ла-Маншу². Да и общественное мнение на Западе еще не созрело до того, что поддерживать идею уничтожения страны, только что принесшей свободу всему человечеству.

Символом военно-политического единства Запада и растущего долгосрочного вовлечения США в европейские дела стало образование в 1949 году Организации Североатлантического договора (НАТО). Военные блоки, направленные, так или иначе, против СССР, были созданы и в других регионах земного шара: пакт Рио-де-Жанейро, АНЗЮС. Расширялись сети двусторонних военных соглашений США с различными странами, финансово-экономической системы (МВФ, МБРР, ГАТТ, ОЭСР), в которой тоже доминировали Соединенные Штаты.

Создание НАТО ускорило закрепление «советского блока». В январе 1949 года в Москве представители СССР, Румынии, Венгрии, Болгарии, Польши и Чехословакии заявили о создании Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

¹ Холловэй Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939–1956 гг. Новосибирск, 1997. С. 302.

² История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. 1945–1965 годы. М., 2014. С. 37; Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 563–564.

В сентябре 1949 года парламентскими выборами завершилось формирование Федеративной Республики Германии. В ответ Москва приняла решение ввести в действие конституцию ГДР и создать в Берлине ее временное правительство. Разделение Германии стало реальностью.

Стратегические позиции Москвы стали более прочными после того, как в августе 1949 г. Советский Союз провел испытание собственного ядерного оружия. Президент США был неприятно удивлен и первое, что сделал, уволил директора ЦРУ Г. Хилленкойтера, который предсказывал советскую бомбу не раньше 1953 года.

Сразу же начался новый раунд военного планирования, не оставшийся незамеченным советской разведкой. К началу 1950 года ОКНШ подготовил план «Дропшот», предусматривавший уничтожение СССР в четыре этапа. Первый — шестимесячная бомбардировка 200 советских городов с использованием 300 атомных бомб и обычных средств с уничтожением 85 процентов экономического потенциала и основной части вооруженных сил. Второй — развертывание 160 дивизий США и их союзников для наступления в Восточную Европу и СССР. Третий — разгром советских сухопутных сил. Четвертый — ликвидация режима и оккупация Советского Союза. Правда, в середине 1950 года план был скорректирован (план «Шейкдаун») и предусматривал нанесение ударов «лишь» по 104 городам с применением 220 ядерных бомб¹.

«Холодная война» быстро перекинулась и на Дальний Восток, где Москва создавала западным державам максимально возможный набор проблем в их колониях и зонах особых интересов — в Индонезии, Вьетнаме, Малайе, Бирме. Но, конечно, главный контрудар наносился в Китае.

Китайская революция с советской помощью в 1949 году одержала победу. Гоминьдановцы во главе с Чан Кайши эвакуировались на Тайвань. Появилось «два Китая». США сочли законным правительство Гоминьдана, которое и было представлено в ООН. Москва, напротив, признала Китайскую Народную Республику в первый же день ее существования и разорвала отношения с правительством Гоминьдана. После

¹ История российской внешней разведки. Очерки. Т. V. 1945–1965 годы. М., 2014. С. 37–38.

подписания в 1950 году советско-китайского договора США предстояло иметь дело с двумя огромными странами, связанными взаимными гарантиями безопасности¹. С Мао также была достигнута договоренность и о совместной помощи вьетнамской армии Хо Ши Мина, который в конце Второй мировой войны оказался во главе временного революционного правительства, боровшегося как с японцами, так и французами.

Первым серьезным испытанием советско-китайского партнерства стала война на Корейском полуострове. В Корею на север на завершающем этапе Второй мировой войны вошли советские войска, а на юг — американские, что привело к разделению страны на две части. Сталин был заинтересован в том, чтобы втянуть Вашингтон в войну на Дальнем Востоке.

Москва дала «добро» на наступление северокорейской армии на Сеул, что привело к американской интервенции и китайскому ответу. Всего Пекин выставит на поле боя за всё время войны более 3 миллионов солдат, США — больше миллиона. Наземные и морские операции китайской и корейской армий прикрывал специально сформированный 64-й истребительный авиакорпус советских ВВС, в военных действиях принимало участие до 15 авиадивизий. Советскими летчиками были сбиты 1097 самолетов противника при потере 319 собственных боевых машин².

Война в Корею показала примерное равенство сил двух крупнейших сверхдержав — СССР и США. При этом Сталин сделал вывод о том, что «американцы не умеют воевать»³. В Вашингтоне же война была использована для постановки задачи достижения «абсолютного военно-стратегического превосходства над СССР»⁴. Подготовленный в 1950 году доклад СНБ-68 ставил целью создание стабильной международной системы, которая бы обеспечивала преобладающие позиции США и исключала подъем альтернативного центра силы в мире. Именно

¹ Панцов А. Мао Цзэдун. М., 2007. С. 520–527.

² Торкунов А., Денисов В., Ли В. Корейский полуостров. М., 2008. С. 82–84, 127–130, 177.

³ Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 77–79.

⁴ Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 132.

эта идея легла в основу всего доктринального мышления в Соединенных Штатах¹.

В начале 1950-х годов в США началась антикоммунистическая истерия. Пошли шпионские скандалы.

23 сентября 1950 года был принят Закон о внутренней безопасности. Теперь граждане, занимавшиеся «подрывной деятельностью», подлежали тюремному заключению по политическим мотивам, коммунистические и сочувствующие им организации должны были регистрироваться в Совете по контролю за подрывной деятельностью, а университеты, колледжи и школы были очищены от сотен преподавателей, подозреваемых в левых взглядах². Всего через различные процедуры проверки лояльности предстояло пройти 10 миллионам человек. Из библиотек изъяли около 30 тысяч наименований «подозрительных» книг.

Большое значение придавалось экономическим и торговым санкциям для создания как можно более серьезных трудностей в экономике союзных СССР стран и ослабления их промышленного и оборонного потенциала. ЦРУ и Департамент информационных исследований британского МИДа, проявив большую изобретательность, создавали антикоммунистические и антисоветские профсоюзы, либеральные и левацкие организации в Западной Европе. В Мюнхене заработало радио «Свободная Европа», издавались классические антисоветские труды, растиражированные в сотнях СМИ. В 1950 году появилась Европейская конвенция прав человека, формулировавшая новый набор идей, получивший название «европейские ценности», якобы традиционно присущие Старому Свету — демократия, свобода слова и права человека³.

Турция и Греция были приняты в НАТО в апреле 1952 года. В Великобритании пост премьер-министра вновь занял Уинстон Чер-

¹ NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950). A Report to the President Pursuant to the President's Directive of January 31, 1950.

² Вейнер Т. ФБР. Правдивая история. М., 2014. С. 184–186, 189–190.

³ Lukas S. Freedom's War. The American Crusade Against the Soviet Union. Manchester, 1999. P. 81; Berghahn V. America and the Intellectual Cold Wars in Europe. Princeton-Oxford, 2001. P. 108-151; Moyn S. The Last Utopia. Human Rights in History. Cambridge-L., 2010. P. 78–79.

чилль, реализовавший мечту английского руководства: Британия испытала собственную ядерную бомбу.

В начале 1953 года произошла смена эпох.

В январе на пост президента США впервые за двадцать лет вступил президент от республиканской партии — Дуайт Эйзенхауэр, генерал, командовавший объединенными англо-американскими силами во Второй мировой, а затем и вооруженными силами НАТО.

А 5 марта в Москве на ближней даче в Волынском скончался Сталин, определявший политику Советского Союза на протяжении трех десятилетий. На первый план в советском руководстве начал выдвигаться человек, от слов и поступков которого будет зависеть судьба планеты Земля в октябре 1962 года — Никита Сергеевич Хрущев.

Глава 1

ХРУЩЕВ

Становление

Если Эйзенхауэру тогда не надо было доказывать свое право на первенство на американском политическом Олимпе — это было определено выборами, — то Хрущеву еще только предстояло свое первенство завоевать и отстоять.

Отношение к его фигуре в нашей стране и в остальном мире весьма неоднозначно. Что вполне оправдано: Хрущев и был человеком крайне неоднозначным.

Известный писатель Андрей Битов лепил такой образ: «С этого начинается портрет Хрущева: самый лысый и самый смелый» (что неплохо звучит по-английски).

То есть портрет его и начинается с портрета: лысый, круглый, нос картошкой, оттопыренные уши, живот и косоворотка. Над ним смеялись, никто не заметил, что смех этот уже был свободой. Что это был отдых от того портрета. Смелость же скрылась за внешностью. Он за нею прятался еще при Сталине. Косоворотка, живот... это все для того гопака и арбуза, которыми он усатого развлекал. Он надолго запомнил свое унижение: он усвоил сталинский урок.

Природа помогла ему, создав его лицо. Она слепила его наспех, из катышков теста. Так детям дают слепить пирожок из остатков от настоящего пирога. И Никите пришлось учиться всему. Когда говорят о его недостаточной образованности, забывают, сколь многому он научился. Получив от природы то, что он получил: самое открытое, самое непосредственное, можно сказать, глупое лицо, — он закрыл на него, как на замок, свое сокровище: не только смелость, но и гордость, но и силу, но и волю, но и ум. То есть стал цельным человеком. Характером. Большие политики как раз и делаются из цельных людей»¹.

¹ Битов А. Самый лысый и смелый. The Baldest and Boldest // Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 15.

Федор Михайлович Бурлацкий, работавший в аппарате ЦК и имевший возможность наблюдать Хрущева, так запомнил его внешность: «Его огромный лоб, как будто бы специально освобожденный от волос по обе стороны от висков, его большой, внушительный нос, его толстые губы, его раздвоенный подбородок, наконец, руки, которые он любил держать на столе, поигрывая переплетенными пальцами, — словом, вся его большая и массивная фигура с первого взгляда внушала доверие и симпатию...

В ту пору ему, наверное, минуло лет шестьдесят, но выглядел он очень крепким, подвижным и до озорства веселым. Чуть что, он всохатывал во весь свой огромный рот с выдвинутыми вперед и плохо расставленными зубами, частью своими, а частью металлическими.

Его широкое лицо с двумя бородавками и огромный лысый череп, крупный курносый нос и сильно оттопыренные уши вполне могли принадлежать крестьянину из среднерусской деревни или подмосковному работяге, который пробирается мимо очереди к стойке с вином. Это впечатление, так сказать, простонародности особенно усиливалось плотной полноватой фигурой и казавшимися непомерно длинными руками, потому что он почти непрерывно жестикулировал. И только глазки, маленькие глазки, то насыщенные юмором, то гневные, излучавшие то доброту, то властность, — только, повторяю, эти глазки выдавали в нем человека сугубо политического, прошедшего огонь, воду и медные трубы и способного к самым крутым поворотам, будь то в беседе, в официальном выступлении или в государственных решениях»¹.

У современников и соратников Хрущев вызывал разные чувства. Анастас Иванович Микоян, старый большевик, соратник Ленина и член Президиума ЦК КПСС (так тогда называлось Политбюро) относился к Хрущеву с симпатией: «Это был настоящий самородок, который можно сравнить с неотесанным, необработанным алмазом. При своем весьма ограниченном образовании он быстро схватывал, быстро учился. У него был характер лидера: настойчивость, упрямство в достижении цели, мужество и готовность идти против сложившихся стереотипов... Был склонен к крайностям. Очень увлекался, перебар-

¹ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 13, 17–18.

щивал в какой-то идее, проявлял упрямство и в своих ошибочных решениях или капризах. К тому же навязывал их всему ЦК после того, как выдвинул своих людей, делая ошибочные решения как бы “коллективными”. Увлекаясь новой идеей, он не знал меры, никого не хотел слушать и шел вперед, как танк»¹.

Вячеслав Михайлович Молотов, еще более старый большевик и еще более давний соратник Ленина, мой дед, относился к Хрущеву резко негативно. Мои детские воспоминания о времени Хрущева: семья, во главе с дедом сидящая перед телевизором и потешающаяся над его очередной нескончаемой речью «кукурузника». Да и потом оценки дедом Хрущева я слышал неоднократно. Молотов считал его человеком не без способностей, «бывалым» руководителем, хорошим тактиком. Но он не считал Хрущева коммунистом. И не жалел эпитетов в его адрес. «Хрущев — недоразумение для партии». «Хрущевщина — буржуазный дух». «Саврас без узды», за которым бежали маленькие савраски. «Не по Сеньке шапка»².

Столь же полярны оценки современных биографов Хрущева. В работах более либеральных авторов он проходит скорее со знаком плюс. Леонид Млечин, историк и публицист, о Хрущеве высокого мнения: «Оставшийся в памяти необузданным бузотером, нелепо выглядевший, он был человеком фантастической энергии, огромных и нереализованных возможностей, непредсказуемый и неуправляемый, невероятный хитрец, но при этом живой и открытый. Он был наделен взрывным темпераментом, склонностью к новым, революционным идеям и готовностью ни с кем и ни с чем не считаясь немедленно воплощать их в жизнь»³.

Но и у либералов, как у Геннадия Васильевича Костырченко, много претензий к Хрущеву за недостаточность его реформаторских усилий: он оказался заложником «застойной» позиции — «ни сталинизма, ни демократии». Не устраивает Хрущев эстетически, вызывает вопросы его характер, «зиждившийся на антиинтеллектуализме этой личности, бравировавшей своим

¹ Мико я н А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 645.

² Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 347.

³ М л е ч и н Л. Хрущев. М., 2019. С. 7.

сермяжно-пролетарским демократизмом и грубоватым “колхозным” юмором»¹.

Историк Евгений Юрьевич Спицин — государственный — совсем другого мнения: «На наш же взгляд, который теперь, к счастью, разделяют многие мои коллеги, именно хрущевская “слякоть” и ее вдохновитель заложили базовые основы разрушения и гибели нашей великой державы и советского общественного строя в эпоху преступной горбачевской перестройки, где главной, в том числе идеологической, силой стали все недобитые “шестидесятники” во главе с двумя архитекторами этой перестройки — иудами М. С. Горбачевым и А. Н. Яковлевым»².

Того же мнения Елена Анатольевна Прудникова: «Именно при Хрущеве было положено начало тем процессам — экономическим, политическим, культурным, — которые привели нашу страну в ту глубочайшую... хм! — в общем, в то самое место, где она оказалась к концу столетия»³.

А беглый разведчик и плодовитый псевдоисторик Виктор Суворов (Резун) пошел еще дальше и суммировал его образ словами: «Один из самых страшных палачей во всей тысячелетней истории России»⁴.

Из всех основных участников драматических событий октября 1962 года Хрущев имел наиболее народное происхождение. Он вообще едва ли не единственный крестьянский сын, возглавивший великую державу (у Сталина отец был сапожником, а мать швейей).

Предками Хрущева, судя по изысканиям курских архивистов, были крепостные помещицы тайной советницы Елизаветы Федоровны Левшиной⁵.

Сам Никита Хрущев появился на свет 15 апреля 1894 года в селе Калиновка. Он вполне годился и Джону Кеннеди, и Фиделю Кастро в отцы. Его родители — Сергей Никанорович

¹ Костыренко Г. В. Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012. С. 440, 441.

² Спицын Е. Ю. Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах. М., 2021. С. 574.

³ Прудникова Е. А. Хрущев. Творцы террора. М., 2007. С. 313.

⁴ Суворов В. Кузькина мать: Хроника великого десятилетия. М., 2011. С. 32.

⁵ Ласочко Л. Откуда идет род Хрущевых // Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 13.

и Ксения (Аксинья) Ивановна — были малоимущими крестьянами, как и крестные отец и мать, окрестившие маленького Никиту в Архангельской церкви¹.

Будущий советский лидер вспоминал: «В нашей деревне Калиновка Курской губернии хозяйства были небольшими, скорее маленькими. У крестьян не было техники, только соха и плужок. Правда, соха встречалась уже редко». В 1906 году в Калиновке открылась земская школа, куда и отправился учиться маленький подпасок Хрущев.

В Калиновке Никита прожил до четырнадцати лет. «В 1908 году отец и мать нанялись в богатое имение помещика Васильченко. Я уже был подростком, мне исполнилось четырнадцать лет, и я там работал на пахоте погонщиком волов. Труд для моего возраста был тяжелым, надо было поднимать ярмо, запрягая волов в плуг. Это входило в обязанность погонщика. А не плугаря»².

Вскоре семья переехала в Юзовку — современный Донецк. Сергей Никанорович работал там в шахте. Никита сам начал осваивать рабочие профессии. Стал учеником на заводе — у него появилась «мечта научиться слесарному делу».

Его наставником в профессии стал слесарь-еврей Яков Кутиков с фабрики Инженерной компании Боссе и Генфельда, которая располагалась недалеко от шахт, в старом городе — темном районе с узкими, мощенными булыжником улочками. Эта немецкая компания занималась ремонтом сложного шахтного оборудования. «Немного поучившись, получил удостоверение и инструменты и начал ходить по цехам, чинить оборудование».

Проснулся интерес к политике, он начал читать социалистические издания. В 1912 году собирал пожертвования в помощь семьям жертв Ленского расстрела, что стало известно полиции и администрации фабрики. Хрущева уволили. Он устроился слесарем по ремонту оборудования на шахту № 31. Здесь, как рассказывал сам Хрущев, он распространял социал-демократические газеты и организовывал группы по изучению марксизма.

¹ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 36.

² Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 22.

В 1914 году перешел на машиноремонтный завод, обслуживавший десять шахт, что помогло расширить круг знакомств. «Шахтеры считали, что я хорошо говорю, и просили меня выступать от имени всех перед хозяином, когда хотели что-то от него получить, — рассказывал Хрущев. — Меня часто отправляли к хозяину с ультиматумами, потому что считали, что у меня для этого хватит смелости».

Шла Первая мировая война, но «в армию его не призвали, как шахтера или высококвалифицированного рабочего».

В 1914 году Никита Хрущев женился — на красивой, рыжеволосой Ефросинье Ивановне Писаревой. Через год у них родилась дочь Юлия, а через три дня после Октябрьской революции 1917 года — сын Леонид.

Вместе с квалификацией пришел и достаток. Много лет спустя Хрущев рассказывал зятю, что до революции зарабатывал в месяц тридцать рублей — в два-три раза больше, чем средний рабочий.

Никита Сергеевич не собирался становиться революционером, его мечтой была профессия горного инженера. Но революция поменяла планы. Большевистскими идеями его впервые увлек работавший в Юзовке Лазарь Моисеевич Каганович, которого Хрущев услышал на митинге еще в первые дни Февральской революции.

Но когда началась Гражданская война, когда обрушился голод, Никита вернулся в Калиновку. Там он заявил о себе, вступив в местный комитет бедноты (комбед), занимавшийся изъятием излишков продовольствия у более состоятельных односельчан¹.

В конце 1918-го или начале 1919 года Хрущев был мобилизован в Красную Армию. Воевал в составе 9-й армии, которая противостояла сначала Донской армии генерала Краснова, участвовала в наступлении Южного фронта на Борисоглебск, подавляла Вешенское восстание, вела оборонительные бои с войсками Деникина на Донбассе, а затем наступала в Ростово-Новочеркасской и Северо-Кавказской операциях. Война была жесточайшая, кровь лилась рекой. Армия прошла с боями около тысячи километров, а Хрущев, вступивший в партию

¹ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 57, 59, 68; Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 18, 19.

в 1918 году, проделал путь от рядового бойца до политкомиссара батальона, а затем и инструктора политотдела армии. «Уже в ту пору Хрущев знал Ворошилова и Буденного. Чаще других он вспоминал комиссара Фурманова»¹, — напишет Алексей Аджубей, зять Хрущева.

В 1919 году Хрущев приехал в Калиновку навестить жену и детей, которые жили у его родителей. Но супругу Евфросинью увидел в гробу: она умерла от тифа². Сразу после похорон Хрущев вернулся на фронт, оставив двухлетнюю Юлию и восьмимесячного Леонида на попечение родителей.

Хрущев мало рассказывал о своей военной службе в Гражданскую. Хотя мог и поведать о боевых подвигах: «Мы перешли в наступление. Шли под вражеским огнем... Загнали белогвардейских бандитов в море». Однако сам Хрущев не столько сражался на передовой, сколько занимался инженерными работами, пару месяцев провел на курсах подготовки политинструкторов, и большинство его рассказов о войне связаны с борьбой против темноты и бескультурия³.

После окончания Гражданской войны Хрущев вернулся в 1922 году в Юзовку, и «по партийной мобилизации выезжал в село, на проведение посевной кампании... Вся наша работа заключалась в том, что мы собирали крестьян и призывали их сеять хорошо и вовремя, а еще лучше — провести сверххранний сев. То, что мы говорили, сами очень плохо понимали. Речь моя была довольно примитивной, как и речи других товарищей. Я ведь никогда по-настоящему не занимался сельским хозяйством, и все мои познания основывались на том, что я видел в детстве у своего дедушки в Курской губернии. В том же 1922 году я пошел учиться на рабфак, проучился три года. Секретарем уездного комитета партии у нас был Завенягин»⁴.

В Юзовку к Никите Сергеевичу перебрались родители с Юлией и Леонидом⁵. В 1922 году Хрущев женился во второй

¹ Аджубей А. Те десять лет. М., 1989. С. 69.

² Аджубей А. Те десять лет. М., 1989. С. 44.

³ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 70.

⁴ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 23–24.

⁵ Кухарчук (Хрущева) Н. П. Моим детям и внукам // Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 17.

раз. Брак был недолгим, он не любил о нем вспоминать. Известно только имя жены — Маруся.

Зато третий брак оказался прочным. Подругой жизни стала Нина Петровна Кухарчук. Родилась она в 1900 году в селе Василев Потуржанской гмины (волости) Томашевского уезда Холмской губернии в бывшем Царстве Польском в достаточно обеспеченной семье. Три года она проучилась в сельской школе, год в Люблинской гимназии, а затем в Холмской гимназии.

Когда началась Первая мировая война, Нина продолжала еще четыре года учиться в холмском Мариинском женском училище, которое, правда эвакуировали в Одессу. Закончила его в 1919 году, какое-то время трудилась в канцелярии училища. В начале 1920 года в подполье вступила в партию большевиков, затем попала на польский фронт — как агитатор, знающий украинский язык и местные условия. А когда создавался ЦК компартии Западной Украины, ее назначили завотделом по работе среди женщин.

Затем — поездка в Москву и поступление на восьмимесячные курсы в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова. По окончании Нину направили в Бахмут (ныне — Артемовск) на Донбассе — преподавать историю революционного движения и политэкономии в губернской партшколе. А осенью 1922 года — в Юзовку, в окружную партийную школу. Там она и встретила с Никитой Хрущевым.

Нина Петровна была спокойной женщиной с твердым характером. Она родила троих детей — Раду, Сергея и Елену.

По партийной линии Хрущева повел Каганович, который и рекомендовал его секретарю Юзовского уездного комитета партии Авраамию Павловичу Завенягину, который при Хрущеве станет заместителем председателя советского правительства¹.

«После окончания рабфака в 1925 году мне не дали возможности поступить в высшее учебное заведение, — жаловался Хрущев. — Я хотел учиться, получить специальность. Имея склонность к инженерным вопросам, я мечтал поступить на факультет машиностроения. Как слесарь, я любил свою техническую профессию, любил машины, но в Юзовке мне сказали:

— Нет! Надо идти на партийную работу, потому что это сейчас главное.

¹ М л е ч и н Л. Хрущев. М., 2019. С. 20–21.

Так я стал секретарем партийного комитета в Петрово-Мариинском уезде, смешанном по профилю».

В апреле 1925 года Хрущева избрали делегатом с совещательным голосом на XIV партийную конференцию. «Это для меня было большой радостью. Главное — возможность побывать в Москве, посмотреть столицу, побывать на всесоюзной конференции, послушать и увидеть вождей... Я рано вставал и пешком шел в Кремль, чтобы прийти раньше других делегатов и занять... первые места перед трибуной. Поэтому надо было вставать пораньше и бежать туда без завтрака»¹.

В конце 1926 года Хрущева перевели на работу в юзовский окружной комитет партии, где он заведовал организационным отделом. А Нину Петровну отправили на повышение квалификации в Москву — в Коммунистическую академию имени Крупской. После чего она работала в Киевской межокружной партшколе преподавателем политической экономии².

В 1928 году Хрущева перевели на работу в Харьков, где тогда располагались правительство и Центральный Комитет компартии Украины, на должность заместителя заведующего орготделом ЦК. Заведовал отделом Николай Нестерович Демченко. Секретарем ЦК был Каганович.

Но и в Харькове Хрущев долго не задержался. «Однажды Каганович мне позвонил и говорит: "...Состоялось решение, что в Киев едет секретарем окружного комитета товарищ Демченко, а Демченко просит, чтобы вас отпустили с ним заведовать орготделом Киевского окружкома..."»

Мне работалось там хорошо и легко. Киевляне ко мне относились с большим доверием, и я бы сказал, с уважением. Имелись и трудности, было много безработных, чего в Донбассе мы не встречали»³.

Но в том же 1928 году Сталин вернул Кагановича в Москву секретарем ЦК, а затем сделал первым секретарем Московского обкома и горкома партии. Вслед за ним потянулся и Хру-

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 23—24, 25—26.

² Кухарчук (Хрущева) Н. П. Моим детям и внукам. // Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 17.

³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 35, 38, 39.

щев, который тогда воспринимался как человек Кагановича¹. Его мечтой было поступить в Промышленную академию.

«Я уехал в Москву. Там тоже встретил трудности, потому что у меня не было достаточного руководящего хозяйственного стажа... Пришлось мне побеспокоить Лазаря Моисеевича Кагановича (он был секретарем ЦК) и попросить, чтобы ЦК поддержал меня. Я добился своего: меня поддержал Каганович, и таким образом я стал слушателем Промышленной академии».

Промышленная академия, где готовили кадры руководителей индустриализации для строек и объектов первой и последующих пятилеток, считалась престижным учебным заведением. Она находилась в ведении Совнаркома, который тогда возглавлял Алексей Иванович Рыков. Хрущев появился в Промакадемии, когда сталинцы схлестнулись с бухаринцами, «правыми», одним из лидеров которых и был Рыков.

«В этой борьбе моя роль резко выделялась в том коллективе, и все это было на виду у Центрального Комитета, — вспоминал Хрущев. — Поэтому всплыла и моя фамилия как активного члена партии, который возглавляет группу коммунистов и ведет борьбу с углановцами, рыковцами, троцкистами в Промышленной академии... Через эту мою деятельность в Промакадемии меня, видимо, и узнал Сталин. Сталину, конечно, импонировало, что наша партийная организация поддерживает его. Я и сейчас считаю, что поддержка линии, выразителем которой в то время являлся Сталин, была правильной»².

Бухаринцы потерпели поражение, в конце 1930 года главой правительства стал Молотов. А Хрущева в ЦК заметили — и не только потому, что его воспринимали как человека Кагановича. По словам историка Юрия Николаевича Жукова, «счастливым лотерейным билетом» для Хрущева стало знакомство в Промышленной академии с учившейся там Надеждой Аллилуевой, которой понравился улыбчивый рубаха-парень³. Аллилуева — супруга Сталина. И она поведала мужу об активном секретаре своей парторганизации.

¹ М л е ч и н Л. Хрущев. М., 2019. С. 22.

² Х р у щ е в Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 39–40, 42, 45.

³ Ж у к о в Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С. 128.

В 1930 году группа из 6–7 первых выпускников Промакадемии во главе с секретарем парткома Хрущевым была принята Сталиным¹. Они познакомились лично. «С этого момента начинается стремительный взлет Хрущева»².

В январе 1931 года он стал первым секретарем Бауманского райкома партии, а затем Краснопресненского. Через год Хрущев стал вторым секретарем столичного горкома, где правил Каганович.

Микоян наблюдал за стремительным восхождением: «Хрущев ведь сделал карьеру в Москве за два-три года. Почему? Потому что всех пересажали. Ему помогла выдвинуться Аллилуева — она его знала по Промакадемии, где он активно боролся с оппозицией. Вот тут он и стал секретарем райкома, горкома, попал в ЦК. Он шел по трупам»³.

Каганович, занимая одновременно три важных поста — первый секретарь Московского горкома и обкома и первый заместитель Сталина в ЦК — управление Москвой с удовольствием переложил на плечи Хрущева. Благо Московский горком партии располагался на Старой площади, там же, где и ЦК ВКП (б). Каганович выделял время лишь для крупных проектов, как строительство метро или Генеральный план развития столицы.

Никита Сергеевич же занимался всем городским хозяйством вместе с председателем исполкома Моссовета Николаем Александровичем Булганиным. Они и жили в одном доме, на одной лестничной площадке, дружили семьями. Сталин и приглашал их вместе, иронично называя «отцами города». Москву активно перестраивали. Взрывами снесли стену Китай-города, Сухареву башню, Иверские ворота, вырубали все деревья на Садовом кольце. В 1935 году Политбюро приняло решение о генеральном плане реконструкции Москвы⁴.

Тогда же Хрущев сменил Кагановича на посту главы Московского обкома.

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 52.

² Суворов В. Кузькина мать: Хроника великого десятилетия. М., 2011. С. 32–33.

³ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 663.

⁴ Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 24, 25.

Хрущев проявил себя как верный сталинец. «Я всей душой был предан ЦК партии во главе со Сталиным и самому Сталину в первую очередь»¹, — напишет Хрущев в воспоминаниях.

Когда начались репрессии и показательные процессы, Хрущев был в первых рядах самых решительных борцов с «врагами народа». За три дня до окончания процесса над Зиновьевым и Каменевым в 1936 году он требовал для них смертной казни: «Всякий, кто радуется успехам нашей страны, достижениям нашей партии под руководством великого Сталина, найдет для продажных наймитов, фашистских псов из троцкистско-зиновьевской банды лишь одно слово: и это слово — “расстрел”».

После окончания процесса над троцкистами в 1937 году кульминационным пунктом их осуждения стал 200-тысячный митинг москвичей на Красной площади при 27-градусном морозе с ударным выступлением Хрущева: «Троцкистская клика — это банда шпионов и наемных убийц, диверсантов, агентов германского и японского фашизма. От этих троцкистских дегенератов исходит трупная вонь»².

30 июля вышел «оперативный приказ № 00447» НКВД о репрессировании бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов, в соответствии с которым создавались республиканские, краевые и областные тройки в составе первых секретарей партии, наркомов внутренних дел, начальников краевых и областных управлений НКВД и местных прокуроров. Эти тройки уже получали право применять любые виды наказаний — вплоть до расстрелов. Для каждой республики и области утверждались предельные цифры по каждой категории.

Но многим руководителям установленные цифры показались слишком маленькими, они просили еще. Среди таких руководителей был и Хрущев, запросивший самые большие лимиты в стране — просил причислить во вверенной ему Московской области к первой категории (расстрел) 8500 человек, а ко второй (арест на длительный срок) — 32 805. Политбюро утвердило 5 тысяч в первую и 30 тысяч — во вторую³.

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 55.

² Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 117.

³ Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД 1937—1938. М., 2004. С. 273—281.

Владимир Семичастный, который во время Карибского кризиса возглавлял КГБ, писал: «Во время сталинских репрессий Хрущеву не удалось сохранить свои руки “чистыми”. Хотя мы не раз говорили с ним о годах бесправия, он при этом никогда не останавливался на той роли, которую ему самому пришлось сыграть в те годы. Хрущев нигде и никогда не признавал своего участия в репрессиях. Но факты говорят о другом...

К началу 1938 года были репрессированы почти все секретари МК и МГК ВКП (б), большинство секретарей райкомов и горкомов партии Москвы и Московской области, многие руководящие советские, профсоюзные и комсомольские работники, сотни руководителей предприятий, специалистов, деятелей науки и культуры. Естественно, не последнюю роль сыграли и указания Хрущева, и та атмосфера, которую он создавал тогда в Московской партийной организации»¹.

Хрущев стал кандидатом в члены Политбюро.

В конце января 1938 года Сталин поменял подвергшееся репрессиям руководство Украины. Первым секретарем ЦК КПУ (б) стал Никита Сергеевич Хрущев. Репрессии шли полным ходом. Выступая 8 июня на партийной конференции пограничных войск наркомата внутренних дел Украины, он сказал: «Товарищи, исключительная любовь в народе к НКВД. Это, товарищи, особенности нашего строя. Везде органы сыска и политического сыска ненавистны, к ним народ питает ненависть, а у нас — исключительную любовь»².

На XVIII съезде в марте 1939 года Хрущев стал полноправным членом Политбюро.

В сентябре 1939 года, когда после начала Второй мировой войны и вторжения гитлеровской Германии в Польшу советские войска выдвинулись в Западную Украину и Западную Белоруссию, Хрущев приложил всю свою энергию для скорейшей интеграции вновь присоединенных украинских земель в советскую систему.

В Киеве он близко познакомился с генералом армии Георгием Константиновичем Жуковым, который с 1940 года командовал войсками Киевского особого военного округа. И с комиссаром государственной безопасности 3 ранга Ива-

¹ Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 78–79.

² Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 29.

ном Александровичем Серовым, который стал руководителем НКВД Украины. В те годы Хрущев обратил внимание и на инженера Леонида Ильича Брежнева, продвигал его вверх по партийной лестнице.

С 22 июня 1941 года Украина стала полем самых ожесточенных сражений Великой Отечественной войны. Оставаясь руководителем Украины, Хрущев стал членом Военного совета (представителем Ставки) ряда фронтов Юго-Западного стратегического направления. — Юго-Западного, Сталинградского, Южного, Воронежского и 1-го Украинского. Критики считают его лично виновным «в двух самых страшных военных катастрофах во всей мировой военной истории: поражении советских войск на земле Украины летом и осенью 1941 года и Харьковской катастрофе мая 1942 года»¹. Почитатели, напротив, пишут о том, что причиной этих поражений стало нежелание Сталина прислушаться к предложениям Хрущева.

Но никто не оспаривает большую роль Хрущева в организации обороны Сталинграда. Он находился в переднем командном эшелоне за Мамаевым курганом, потом — на тракторном заводе. И принимал участие в планировании и осуществлении операции «Уран», которая привела к окружению нацистских войск.

12 февраля 1943 года Хрущеву было присвоено звание генерал-лейтенанта. В Киев он вернулся после битвы за Днепр в ноябре 1943 года. «Город производил жуткое впечатление, — вспоминал Хрущев. — Некогда такой большой, шумный, веселый южный город, и вдруг — никого нет! Просто слышали собственные шаги, когда шли по Крещатику. Потом мы повернули на улице Ленина. В пустом городе отдавалось эхо... Постепенно стали появляться люди, возникали прямо как из-под земли. Мы поднимались с Крещатики в направлении Оперного театра... Вдруг слышим истерический крик. Бежит к нам молодой человек:

— Я единственный еврей в Киеве, который остался в живых»².

¹ Суворов В. Кузькина мать: Хроника великого десятилетия. М., 2011. С. 33.

² Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 420.

Партийное руководство на Украине вновь перешло к Кагановичу, а Хрущев стал председателем Совнаркома Украинской ССР (с 1946 года — Совета министров). «Отношения Сталина и Хрущева были противоречивыми, — замечал работавший тогда в комсомольском руководстве Украины Владимир Семичастный. — Сам факт, что после войны Сталин заменил на Украине Хрущева Кагановичем, свидетельствует о его определенном недоверии. Однако скорое возвращение смещенного на его прежнюю должность, не прерванное членство его в Политбюро ЦК партии доказывают, что конфликты между ними никогда не перерастали в открытую враждебность»¹.

На Хрущева легло нелегкое бремя восстановления разрушенной и разоренной нацистами Украины. В 1947 году он вновь был избран Первым секретарем ЦК КПУ (б).

На Западной Украине продолжалось вооруженное сопротивление фашистских коллаборационистов, бандеровцев, теперь уже поддерживаемое из-за океана. Это были не только разрозненные отряды, но и такое крупное соединение, как Украинская повстанческая армия. О масштабах операций дает представление записка Кагановича, Хрущева и Абакумова от 28 октября 1947 года, в которой сообщалось, что только «за 9 месяцев 1947 года было захвачено живыми при боевых операциях и арестовано 13 107 и убито 3 391 бандитов. Из этого числа убито и арестовано 1103 руководящих лиц ОУНовского подполья и банд... В проведении этой операции принимали участие свыше 40 000 чекистов, офицеров и солдат войск МГБ»².

Хрущев генерировал множество инициатив. В феврале 1948 года он внес предложение, поддержанное Сталиным: предоставить собраниям колхозников право высылки на 8 лет «из села за пределы Украинской ССР наиболее злостных и неисправимых преступников и паразитических элементов, на которых не оказывают необходимого влияния обычные меры воздействия и предупреждения». В июне Верховный Совет СССР распространил эти меры на всю страну. До 1953 года в Сибирь и Казахстан на спецпоселения было насильственно выселено с семья-

¹ Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 79.

² Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 248.

ми 47 тысяч «паразитов». Другая инициатива Хрущева касалась организации лагерей и тюрем строгого режима для содержания особо опасных государственных преступников (шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп) и о направлении их по отбытии наказания в ссылку на поселения в отдаленные местности СССР под надзор органов МГБ. На основании соответствующей директивы Генпрокурора и министра госбезопасности было сослано больше 20 тысяч человек¹.

В 1949 году началось «ленинградское дело», которое выбило из высших эшелонов всю питерскую прослойку руководства во главе с Алексеем Александровичем Кузнецовым.

Осенью 1949 года едва не началось «московское дело»: ПБ создало комиссию для проверки деятельности секретаря ЦК, МК, МГК и председателя Моссовета Георгия Михайловича Попова. Ему инкриминировались зажим критики и самокритики, попытки подмять под себя союзные министерства, «зазнайство и самодовольство». Попова отправили руководить министерством городского строительства. В столицу из Киева был вызван Никита Хрущев². В конце года он был вновь утвержден секретарем одновременно ЦК ВКП (б) и московской парторганизации³.

В начале 1950-х годов Сталин постепенно стал оттеснять на второй план «старую гвардию» в лице Молотова, Микояна, Ворошилова, Кагановича, что усиливало позиции Маленкова, Берии, Булганина и открывало дорогу к вершинам власти Хрущеву.

Как секретарь ЦК Хрущев отвечал теперь за сельское хозяйство. 8 марта 1950 года он опубликовал в «Правде» статью с планом укрупнения колхозов, за которой 30 мая последовало соответствующее постановление. Меры по укрупнению колхо-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1069. Л. 11; Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 250–256; В. П. Попов. Незвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьянства) // Отечественные архивы. № 2. 1993. С. 34–36;

² Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 322–325, 78.

³ Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. С. 6–7; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М., 2011. С. 240.

зов были проведены быстро: за год их количество сократилось с 252 тысяч до 121 тысячи, а к концу 1952 года — до 94 тысяч. Еще больше сокращались индивидуальные наделы крестьян, снижалась натуральная оплата труда, которая давала крестьянам возможность продавать излишки продуктов на рынках.

Но вот попытка Хрущева продвинуть на всесоюзный уровень его планы — частично реализованные в Подмосковье — ликвидации мелких колхозов и подсобных хозяйств с массовым переселением крестьян в строящиеся промышленным способом «аггородода» успехом тогда не увенчалась. Более того, пришлось каяться перед Сталиным за статью на эту тему¹. Хрущев еще получит возможность вернуться к своей затее, когда возглавит страну.

В дополнение к руководству Москвой в январе 1952 года Хрущеву поручили «наблюдение за работой ЦК КП (б) Украины».

На XIX съезде партии Хрущеву доверили сделать доклад по изменениям в Устав. При распределении ролей после съезда, ставшего для Сталина последним, Маленков оказался формально первым после него человеком в советском руководстве, Берия — вторым. Они вместе с Булганиным и Хрущевым составили четверку, которая отныне приглашалась Сталиным на Ближнюю дачу и на ночные ужины.

Был Хрущев у Сталина и в ночь на 1 марта 1953 г. Через 2 дня Сталина не стало — инсульт.

Хрущев председательствовал на совместном заседании всех высших государственных и партийных органов, на котором был сформирован новый состав власти, когда Сталин еще не испустил последнее дыхание. Маленков — глава правительства, Хрущев — секретарь ЦК партии, Берия — глава объединенных МГБ и МВД, Молотов — министр иностранных дел, Булганин — министр обороны.

Первый секретарь

Среди наследников Сталина не было противников десталинизации режима. «Пережив многочисленные унижения и страх за свою судьбу при жизни Сталина, все они отвергали саму воз-

¹ Отечественные архивы. № 1. 1994. С. 44.

возможность новой диктатуры сталинского типа, были заинтересованы в формировании нового баланса власти, основанного на относительном равноправии членов Политбюро»¹, — считает историк Политбюро Олег Витальевич Хлевнюк.

Теоретически на первую роль могли претендовать четверо — Маленков, Берия, Хрущев и Молотов.

Дмитрий Трофимович Шепилов, один из самых пронительных и информированных свидетелей эпохи, считал, что «по всенародному и всепартийному мнению, единственным достойным преемником И. Сталина был В. Молотов. Но Молотов сам не проявлял ни малейших намерений встать у руля государственного корабля... Это облегчило задачу Хрущева»².

Федор Бурлацкий задавался вопросом: «Почему опытный аппаратчик Маленков и хитроумный лис Берия решили включить в «тройку консулов» (по примеру Цезаря и Наполеона) Хрущева? Ответ для меня совершенно очевиден: они недооценили его. Напомню фразу, которую любил повторять Макиавелли: “Брут стал бы Цезарем, если бы притворился дураком”. Хрущев притворился, — ну не то чтобы дураком, но достаточно простоватым человеком, деятелем на подхвате, не лидером»³.

Но вскоре Хрущев решительно повел борьбу за первенство в стране.

Уже 14 марта 1953 года Пленум ЦК по его предложению освободил Маленкова от обязанностей секретаря ЦК, имея в виду нецелесообразность совмещения функций председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК КПСС. «Руководство Секретариатом ЦК КПСС и председательствование на заседаниях Секретариата ЦК КПСС возложить на секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева».

Затем настала очередь Берии, который был арестован в Кремле, а затем исключен как враг партии и советского народа из рядов КПСС и предан суду. «Одержав верх над Берией, Хрущев сразу вырвался вперед, обеспечивал себе приоритет-

¹ Хлевнюк О. Сталин и Молотов. Единоличная диктатура и предпосылки «олигархизации» // Сталин. Сталинизм. Советское общество. М., 2000. С. 288.

² Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 249–250, 252.

³ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 61.

ное положение в партийной иерархии, — подтверждал Алексей Аджубей. — После расстрела Берии Хрущев даже внешне очень изменился, стал более уверенным, динамичным»¹.

Хрущев прекрасно чувствовал механизмы властвования, настроения аппарата, который становился его главным козырем. Система номенклатуры — назначения на десятки тысяч ключевых позиций в государственном и партийном аппарате — оказалась теперь в руках Хрущева. Он быстро выдвигал на руководящие посты своих людей.

Шаг за шагом он максимизировал свои полномочия. На пленуме ЦК неожиданно и как бы мимоходом Маленков вдруг заявил:

— Президиум ЦК предлагает, товарищи, утвердить первым секретарем Центрального Комитета товарища Хрущева. Требуются ли пояснения этого дела?

— Нет»².

Шепилов замечал: «Отныне любой сколько-нибудь существенный политический, международный, хозяйственный, культурный вопрос до его постановления в правительстве должен был быть рассмотрен в ЦК... И теперь, сделавшись первым секретарем ЦК, Хрущев просто надел уже разношенные и удобно подогнанные Сталиным валенки и потопал в них дальше»³.

У Хрущева была репутация крепкого, хорошего хозяйственника, партийного практика, он вызывал к себе симпатию народным красноречием и простодушием. Николай Байбаков, многолетний руководитель Госплана, писал: «Не числилось за Никитой Сергеевичем ни громких всенародных деяний и заслуг, ни теоретических работ, только голод на Украине, о котором старались не помнить, как и о сдаче Киева в 1941 году. Зато бытовало мнение — крепок, ухватист, хороший хозяйственник, то есть типичный партийный практик, умеет вызывать к себе симпатию простой речью и обхождением, располагал к себе и внешний облик: простецкое лицо и жесты, простодушие как знак добропорядочности. И то, что он словоохотлив не в меру, тороплив в делах — это мы тоже знали.

¹ Аджубей А. И. Те десять лет. М., 1989. С. 132.

² Жуков Ю. Тайны Кремля. Сталин. Молотов. Берия. Маленков. М., 2000. С. 649.

³ Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 293.

Но, видимо, в нас, в нашей социальной психологии жило скрытое желание человеческой простоты, распахнутости и новизны, поэтому и старались не замечать ни грубости его характера, ни авантюристичности его решений. Может быть, и хватит с нас непреклонности и суровости вождей, постоянного, почти на пределе напряжения сил»¹.

Хрущев взял на вооружение метод улаживания коллег и подчиненных. Зарплату в государственных и партийных органах повысили в три-четыре раза. Льготы в виде казенных дач и пайков, автотранспорта и т.д. заметно расширились. Устанавливался строго нормированный рабочий день, никаких ночных бдений, как при Сталине. На Воробьевых горах недалеко от смотровой площадки были построены особняки, получившие в народе название «Заветы Ильича». Сделаны они были по одному проекту: двухэтажные, в каждом примерно восемь комнат, отдельный гараж. Жилые корпуса в Кремле были предназначены под снос — на их месте начиналось строительство стеклянной коробки Дворца съездов.

Огромным преимуществом Хрущева окажется его участие в созданной 5 марта тройке Президиума ЦК по «приведению в должный порядок» бумаг Сталина. Маленков вскоре после этого покинул пост секретаря ЦК, Берия был репрессирован, а его бумаги, как и весь архив Сталина, оказались в руках Хрущева. Его люди работали с документами дено и ношно, собирая помимо прочего пространные досье на каждого из коллег. Хрущев имел полную свободу распоряжения этими досье. В 1955 году он подпишет акт об уничтожении 11 мешков с протоколами Политбюро и отчетами МГК и ЦК Компартии Украины времен его руководства столицей и республикой об арестах врагов народа — на всех этих документах была его личная подпись². С этого момента он мог смело разоблачать преступления Сталина и других его соратников.

Писал Хрущев с ошибками, но говорил бойко. Готовя доклад, он вызывал стенографистку и диктовал. «Гениальные мысли приходили Хрущеву непрерывно... Вот почему доклады Хрущева, все, без единого исключения, были так рыхлы по содержанию и невероятно велики по размерам — 5, 6, 8, 10

¹ Байбаков Н. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 109.

² Волкогон Д. Семь вождей. Кн. 1. М., 1995. С. 260.

газетных полос. А читались на совещаниях, пленумах, съездах они по 7–10 или даже 12 часов»¹. Анекдот тех лет: «Вопрос армянскому радио: можно ли завернуть в газету слона? Ответ: можно, если в газете опубликовано выступление Хрущева».

Хрущев был и мастером импровизаций, которые затем по стенограммам оперативно редактировались многочисленным штатом спичрайтеров, экспертов и литературных редакторов. Поскольку они доходили до советской публики уже в таком отредактированном виде, большой опасности внутри они не представляли.

Хрущев распространял свое влияние на все новые сферы политики постепенно, выступая со все новыми инициативами.

«Яблоки Лесничего, сирень Колесникова, торфокомпост Лысенко, мульчирование почв, предложенное учеными Тимирязевской академии, гидропоника, торфо-перегнойные горшочки, квадратно-гнездовой способ посадки картофеля, позже — кукуруза, убежденность в спасительной силе идей Прянишникова о поддержании плодородия земли неорганическими удобрениями и многое, многое другое постоянно завораживало его. Если учесть его деятельную натуру, необычайный напор, с которым он брался за дело, то естественно, что не все и не всегда оказывалось приемлемым, не всегда вело к той пользе, на которую он рассчитывал, но берусь утверждать: единственной его целью было — улучшить жизнь»², — писал Аджубей.

Решающими звеньями подъема сельского хозяйства объявлялись то удобрения, то увеличение посевов гороха, то поливное земледелие с рисоводством. Серьезной причины дезорганизации сельского хозяйства стала кукурузная эпопея.

Сегодня мало кто спорит, что освоение целины было авантюрой. Только в 1954–1958 годах на это была потрачена почти треть всех средств, выделенных на сельское хозяйство. За это время старопахотные районы центральной России, оказавшиеся забытыми, ухудшили свои показатели³.

¹ Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 281.

² Аджубей А. Те десять лет. М., 1989. С. 36–37.

³ Томилин В. Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 86–91.

Овцеводство было уничтожено не только в Казахстане, но и в Центральной России, где оно существовало испокон веков, давая людям мясо, валенки и полушубки.

Не случайно, что вскоре пришлось раскрыть государственные хлебные резервы. Государственные запасы зерна постоянно сокращались, использованные резервы превышали государственные закупки¹.

Празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией Хрущев превратил едва ли не в единоличное триумфальное мероприятие. Ему не терпелось преподнести Украине подарок с царского плеча.

Так появился на свет Указ от 19 февраля 1954 года о передаче Крымской области из РСФСР в состав УССР. К этому времени позиции Хрущева уже заметно окрепли. «И все растущий круг фаворитов уже услужливо называл его тем отвратительным и зловещим именем, которое перекочевало из сталинской эпохи — “хозяин”», — писал Шепилов.

Кроме того, была группа вопросов, по которым поначалу Хрущев импровизаций не допускал, поскольку в них не разбирался. К их числу, безусловно, относилась и внешняя политика. Прежде Хрущев не только не участвовал в обсуждении внешнеполитических вопросов. Шепилов вспоминает обсуждение международной тематики на Политбюро при Сталине: «Вдруг он остановился против Хрущева и, пытливно глядя на него, сказал:

— Ну-ка, пускай наш Микита что-нибудь шархнет...

Одни заулыбались, другие хихикнули. Всем казалось невероятным и смешным предложение Хрущеву высказаться по международному вопросу».

Внешняя политика была прерогативой Молотова. Как глава правительства, нарком и министр иностранных дел он имел отношение ко всем важнейшим международным вопросам на протяжении десятилетий. Других членов Президиума ЦК в тот момент за пределами нашей страны не смогли бы различить ни по именам, ни по лицам. «В течение сравнительно долгого времени Хрущев не вмешивался в вопросы внешней политики и не высказывался по ним. Он признавал абсолютный при-

¹ Г а й д а р Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 156.

оритет в этой сфере В. М. Молотова и испытывал даже чувство своеобразного почтительного страха перед сложностью международных проблем...»¹.

Внешнеполитический дебют

Администрация Эйзенхауэра, в которой госсекретарем стал Джон Фостер Даллес, старший брат главы ЦРУ Аллена Даллеса, была жестким оппонентом. США по-прежнему оставались на гребне экономического могущества и рассчитывали переделать весь мир по собственному образцу, остановив распространение коммунистических идей по планете.

В своей инаугурационной речи президент заявил, что видит свое предназначение в борьбе за освобождение и безопасность «всего мира... рисовода Бирмы и производителя пшеницы в Айове, пастуха в Южной Италии и жителя Андских гор»².

Своего апогея достигает «маккартизм». В общей сложности 10 млн. человек прошли проверку по различным программам «лояльности», и только из государственных органов к середине 1954 года были уволены около 7 тысяч служащих. Компартию США законом объявили «агентом иностранной враждебной державы» и лишили прав политической организации.

Госсекретарь Даллес, писал американский историк Дэниел Макинерни, «будучи строгим моралистом и глубоко религиозным человеком, трактовал окружающий мир как арену борьбы двух начал — добра и зла. И он намеревался не просто сдерживать врагов (понимай: силы зла), а нанести им сокрушительное поражение. Идея простого сдерживания коммунизма не удовлетворяла Даллеса, он мечтал полностью “низложить” коммунизм и “освободить” поработанные народы»³.

На смену стратегии сдерживания коммунизма приходила доктрина «освобождения», подкрепляемая расширением американского военного присутствия, массивным экономическим и культурным натиском. Республиканская администра-

¹ Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 247–273.

² Соок В. W. The Declassified Eisenhower: A Startling Reappraisal of the Eisenhower Presidency. N.Y., 1984. P. 173.

³ Макинерни Д. США. История страны. М. — СПб, 2011. С. 531.

ция добавила методы пропагандистского, психологического воздействия — усилиями радиостанции «Свободная Европа», эмигрантских организаций и т.д.

Приверженность идеям «глобальной ответственности» США в полной мере отразилась в теории «вакуума сил». Согласно ей, в тех районах мира, откуда в результате национально-освободительной борьбы были изгнаны «старые» колониальные империи, образуются пустоты, которые призваны заполнить США. Эта теория легла в основу «доктрины Эйзенхауэра».

Аллен Даллес объяснял логику американской политики: «Ставя в международных отношениях силу выше права, коммунисты вынуждают нас принимать меры к отражению их агрессивных акций, где затрагиваются наши жизненные интересы. Обращения к их разуму и заклинания соблюдать принципы международного права на коммунистов не действуют. А мы не можем чувствовать себя в безопасности, если позволим Советам и их сателлитам использовать тактику “салями”, широко разрекламированную Ракоши в Венгрии, когда у свободного мира отбирают одну небольшую часть территории за другой, словно аккуратно нарезав колбасу на тонкие кусочки. Более того, мы не можем согласиться с мыслью о том, что в случае “освобождения” коммунистами по советскому рецепту какой-либо территории она навечно останется за пределами свободного мира и потеряет возможность когда-нибудь вырваться из коммунистической империи»¹.

Против СССР и его союзников действовали все более жесткие экономические санкции. И не исключалось применение против СССР ядерного оружия.

«Моим чувством всегда было и остается сейчас, — писал Эйзенхауэр в мемуарах, — что для Соединенных Штатов было бы невозможным выполнять военные обязательства, которые мы на себя приняли по всему миру (не рискуя превратиться в государство гарнизонного типа), если бы мы не владели атомным оружием и не применяли его, когда это необходимо»².

¹ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 382.

² Eisenhower D. White House Years. Mandate for Change. 1953–1956. Garden City (N.Y.), 1963. P. 180.

На инструктаже, проведенном командованием стратегической авиации (КСА) в марте 1953 года, предполагалась возможность задействования для одновременного нападения на СССР 150 бомбардировщиков Б-36 и 585 бомбардировщиков Б-47 с европейских, азиатских и американских баз, которые могли бы пустить в ход 600–750 бомб для подавления станций раннего предупреждения. Советский Союз должен был стать «грудой дымящихся и зараженных радиацией руин»¹.

Уверенность в преимуществе в ядерном вооружении и авиационных средствах его доставки лежала в основе принятия доктрины «массированного возмездия», которую Даллес впервые изложил 12 января 1954 года: «Основным является решение полагаться главным образом на большую способность к мгновенному ответному удару средствами и в местах по нашему собственному выбору»².

То есть речь шла о том, чтобы в случае любого конфликта с Советским Союзом или Китаем в любой точке земного шара немедленно прибегать к массированному ядерному удару по СССР или КНР. «В климате, который царил в администрации Эйзенхауэра, было сложно выдвинуть предложения об ограниченной войне, чтобы это удовлетворило людей, принимающих решения. Ограниченная война предполагала Корею, идея, которая отвергалась и официальными лицами, и общественностью»³, — замечал генерал Максвелл Тейлор, возглавлявший тогда штаб сухопутных сил США.

Доктрина «массированного возмездия» имела для СССР тот плюс, что сильно пугала европейцев, на что обращал внимание подававший большие надежды молодой политолог Генри Киссинджер: «Поскольку наша военная доктрина угрожает превратить любую войну во всеобщую ядерную, она неизбежно глубоко тревожит наших союзников, затрагивая либо их права, либо их жизненные интересы, и они делают все возможное, чтобы помешать нам предпринять какие бы то ни было действия, чреватые втягиванием их в конфликт»⁴.

¹ Холловой Д. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956 гг. Новосибирск, 1997. С. 428.

² The New York Times. January 13, 1954.

³ Taylor M. Swords and Plowshares. N.Y., 1972. P. 171.

⁴ Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N.Y., 1957. P. 237.

Тем не менее доктрина «массированного возмездия» была включена в стратегическую концепцию НАТО (МС 14/2, принятую Североатлантическим советом в мае 1957 года), которая призывала к полномасштабному ядерному ответу на любую советскую атаку, независимо от того, собиралась ли Москва применять ядерное оружие или нет¹.

В 1956 году Джон Фостер Даллес охарактеризует американскую стратегию в 1950-е годы как «балансирование на грани войны».

Резко возросла активность спецслужб. Принятый в декабре 1954 года документ СНБ-5412 разъяснял полномочия ЦРУ при проведении операций по «шпионажу и контрразведке за рубежом»: «создание и использование в своих целях трудноразрешимых проблем для международного коммунизма... дискредитация идеологии и престижа международного коммунизма и уменьшение силы его партий и других элементов... сокращение международного коммунистического контроля над любыми районами мира... создание подпольного сопротивления и содействие тайным и партизанским операциям, обеспечение активности этих сил в случае войны». Все «тайные операции» рекомендовалось проводить с таким расчетом, чтобы «ответственность за них правительства США не была явной... и в случае обнаружения правительство Соединенных Штатов могло с правдоподобностью отрицать какую-либо ответственность за них». В качестве методов подобных операций СНБ-5412 предлагал использовать «пропаганду; политические действия; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж и контрсаботаж, меры по разрушению и поощрению к эмиграции; подрывную деятельность против враждебных государств или групп, включая помощь подпольному сопротивлению, партизанским и эмигрантским группам; поддержку националистических и антикоммунистических элементов... планы и операции клеветы»².

Директивы СНБ претворялись в жизнь, во многом превосходящая те операции, которые Соединенные Штаты будут осу-

¹ Nitze P. From Hiroshima to Glasnost. At the Center of Decision. N.Y., 1989. P. 195.

² Cook B. The Declassified Eisenhower. A Divided Legacy. Garden City, 1981. P. 182–183.

цествлять на Кубе после победы там революции во главе с Фиделем Кастро. Биограф Эйзенхауэра Стивен Амброз писал: «Под непосредственным управлением Аллена Даллеса и при поддержке Эйзенхауэра ЦРУ осуществляло тайные операции по всему миру. Наиболее успешными и яркими были операции в Иране в 1953 году и в Гватемале в 1954 году, а некоторые, как, например, в Венгрии в 1956 году, закончились полным провалом. Тем не менее тайные операции оставались чуть ли не главным оружием Эйзенхауэра в “холодной войне”»¹.

Аллен Даллес авторитетно подтверждал свое участие: «Мо-саддык в Иране и Арбенс в Гватемале пришли к власти нормальным путем, а не в результате государственного переворота... Поначалу и тот и другой скрывали намерение открыть доступ коммунистам в свои страны. Когда же такие цели стали очевидными, мы оказали поддержку антикоммунистическим элементам в обеих странах. В первом случае — лицам, поддерживавшим шаха, в другом — группе гватемальских патриотов. Все сошло удачно, и коммунистическая опасность была устранена. Правда, правительства, находившиеся у власти в Иране и Гватемале, формально не просили нас о помощи»².

Соединенные Штаты также заметно расширяли сеть своих военно-политических союзов, ничуть не скрывая их антисоветскую направленность.

Известный историк Пол Кеннеди справедливо замечал: «С расширением членства в НАТО в 1950-е годы США фактически пообещали “защищать почти всю Европу и даже некоторые части Ближнего Востока — от Шпицбергена до Берлинской стены и до восточных границ Турции”».

Однако это было лишь началом американского перенапряжения сил. Пакт Рио и особое отношение с Канадой означали, что США взяли на себя ответственность по обороне всего западного полушария. Тихоокеанский пакт безопасности (АНЗЮС) добавил обязательства в юго-западной части Тихого океана. Конфронтация с Восточной Азией в начале 1950-х годов привела к подписанию нескольких двусторонних соглашений, по которым США обязались помогать странам тихоокеанского

¹ Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 446.

² Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 364–365.

региона — Японии, Южной Кореи, Тайваню и Филиппинам. В 1954 году они были подкреплены учреждением СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии), по которому США вместе с Великобританией, Францией, Австралией, Новой Зеландией, Филиппинами, Пакистаном и Таиландом пообещали взаимную поддержку для отражения агрессии в этом регионе.

На Ближнем Востоке США выступили главным инициатором еще одной региональной организации — Багдадского пакта 1955 года (позже превратившегося в Организацию центрального договора), в рамках которого Великобритания, Турция, Ирак, Иран и Пакистан объединились против подрывной деятельности и нападения. В других частях Ближнего Востока США заключали или готовили особые соглашения с Израилем, Саудовской Аравией и Иорданией — либо из-за прочных иудео-американских связей, либо в соответствии с «доктриной Эйзенхауэра» (1957), предполагавшей помощь арабским государствам¹.

В результате «пактомании Даллеса» США оказались во главе четырех военно-политических блоков, охватывавших кроме них самих еще 39 стран мира, не считая множества двусторонних военных договоров. Расширялась система военных баз, из предназначения которых в США не делали большого секрета: «Европейские и азиатские базы были особенно важны в 1950-е годы, поскольку представляли собой форпосты, с которых американские стратегические бомбардировщики могли наносить удары по сердцевине коммунистического монолита»², — замечали американские аналитики.

Вместе с тем в отношениях между СССР и Западом в 1950-е годы были заметны и некоторые позитивные подвижки.

После смерти Сталина разворот в советской внешней политике произошел достаточно резко, и инициатором его выступал МИД во главе с Молотовым. Этот курс пользовался поддержкой всего состава Президиума ЦК и был реализован задолго до того, как Хрущев стал хоть как-то интересоваться вопросами внешней политики³.

¹ Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург, 2018. С. 580–581.

² Kegley Ch., Willkopf E. American Foreign Policy. Pattern and Process. N.Y., 1982. P. 101.

³ Roberts G. Molotov. Stalin's Cold Warrior. Wash., 2012. P. 132–133.

Соцстранам — которых, конечно, не предполагали спускать с короткого поводка — был рекомендован резкий политический маневр, который должны были повторить шедшие в Москве перемены: переориентация на производство товаров широкого потребления, проведение широкой политической амнистии и т.п.

Произошла демилитаризация системы советского управления в Восточной Германии и Австрии.

Летом 1953 г. были сделаны первые шаги к нормализации межгосударственных отношений с Югославией.

Уже через две недели после смерти Сталина — 19 марта 1953 года — правительство СССР утвердило курс на прекращение войны на Корейском полуострове. Со своей стороны, главнокомандующий американскими войсками в Корее генерал Риджуэй утверждал, что наступление на север, к границам Манчжурии обойдется США в 350–400 тысяч убитыми и ранеными.

В июле 1953 года соглашение о перемирии было подписано. 31 июля войска двух коалиций, демонтировав оборонительные сооружения, отошли от линии непосредственного боевого соприкосновения на 2 км, образовав таким образом демилитаризованную зону шириной в 4 км вдоль всей границы КНДР и Республики Корея — в 62 км от Сеула и в 215 км от Пхеньяна¹.

СССР восстановил дипломатические отношения с Грецией, отказался от территориальных притязаний к Турции. За один 1953 год были заключены торговые договоры с 13-ю странами, среди которых были не только Франция, Швеция, Дания, Норвегия, но также Иран и становившаяся важным партнером Москвы Индия. СССР активно поддержал инициативы создания Движения неприсоединения, у истоков которого стояли индийский премьер Джавахарлал Неру и индонезийский президент Сукарно.

Центральным вопросом в отношениях Москвы и Запада оставался германский. По советскому плану Германия должна была стать единым миролюбивым и демократическим государством, что предполагалось достичь путем переговоров о заключении мирного договора, который гарантировал бы нейтральный, вне-

¹ Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли В. Ф. Корейский полуостров: Метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 167.

блоковый статус страны; союзные оккупационные войска подлежали выводу. Западный план включал требования проведения общегерманских свободных выборов и признания права Германии вступать в любые организации, в том числе и в НАТО.

Признаки перелома тенденции к конфронтации были заметны на Берлинском совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании, США и Франции в январе-феврале 1954 года, где Молотов выступил с инициативой создания общеевропейской системы коллективной безопасности. В заявлении советского правительства от 31 марта 1954 года была высказана идея возможного членства СССР в НАТО.

В апреле-мае 1954 года на Женевском совещании по вопросам урегулирования в Индокитае с участием министров иностранных дел Советского Союза, США, Великобритании, Франции, Китая было достигнуто соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Правда, Даллес демонстративно покинул конференцию, не подписав итогового документа и заявив, что США будут «уважать» ее итоги, но не более того.

Пометилась перспектива первых шагов по контролю над ядерной сферой в декабре 1954 года. Генассамблея ООН приняла резолюцию об учреждении Международного агентства по контролю за атомной энергией (МАГАТЭ).

В это время Хрущев считал себя готовым к тому, чтобы лично вступить на международную арену. Поводы появились в связи с контактами по партийной линии.

В августе 1954 года в Москву — проездом в Китай — прибыла делегация лейбористской партии во главе с Клементом Эттли и Эньюрином Бивеном. Англичане дали очень высокие оценки интеллекту и аргументации Маленкова. Но Хрущев вызвал, мягко говоря, недоумение. На английского посла в Москве Хейтера он произвел впечатление человека, «невоспитанного, нахального, болтливого, невыдержанного, ужасающе невежественного в вопросах внешней политики». «Быстрый, но не умный, — суммировал Хейтер, — как молодой бычок, который, если ему указать направление, непременно достигнет своей цели, снося все на своем пути»¹.

¹ Таубман В. Khrushchev. The Man and His Era. N.Y. — L., 2003. P. 334–335.

При Сталине за рубеж из высшего руководства выезжали в основном только Молотов и Микоян. Сам Сталин на посту Генсека ездил только в Тегеран и Потсдам. Теперь уже Хрущев и его коллеги с азартом неопитов бросились осваивать новую для себя сферу, не испытывая необходимости в какой-либо профессиональной поддержке.

Постепенно Хрущев освоился, позволяя потоку сознания литься по любой проблеме. Импровизации на внешнеполитические темы стали представлять настоящий кошмар для МИДа, особенно когда на выступлениях присутствовали иностранные корреспонденты, немедленно передававшие на ленты все более новые и все более смелые внешнеполитические инициативы первого секретаря с использованием все более захватывающей лексики. При этом поначалу трудно было предположить, что Хрущев проявит не бóльшую терпимость к чужому мнению, чем его предшественник.

Из партийного аппарата пошла атака на Маленкова за бюрократизм в правительственных органах, и на январском пленуме ЦК 1955 г. он был снят с поста Председателя Правительства. Премьером стал Булганин. Затем удар был нанесен по Молотову, которого сначала обвинили в ошибках в теории социализма, а затем — в противодействии полной нормализации отношений с Югославией.

В 1955 году, пренебрегая позицией Франции, американцы взяли курс на интеграцию ФРГ в НАТО. США помогали Западной Германии в создании ядерной промышленности, поставляя ядерное топливо, специальное исследовательское оборудование и готовя кадры.

В Москве началась работа по подготовке концепции договора о коллективной обороне. Вторая конференция восточноевропейских стран прошла в Варшаве 11–14 мая 1955 года после того, как боннский парламент ратифицировал соглашение о вступлении Западной Германии в НАТО. Организация Варшавского договора стала альтернативой НАТО.

«Создавая этот пакт, мы хотели оказать давление на Запад и показать, что с социалистическими странами нельзя разговаривать языком силы, такие времена давно прошли. Если вы создали военный блок НАТО, то мы в ответ создаем Организацию Варшавского договора... Предлагали много раз (и в беседах с государственными деятелями Запада, и в официальных

документах) ликвидировать наш Варшавский пакт, если Запад ликвидирует НАТО»¹, — утверждал Хрущев. Заключительная статья Варшавского договора действительно гласила, что он утратит свою силу в случае создания в Европе системы коллективной безопасности.

25 января 1955 года указом Президиума Верховного Совета было прекращено состояние войны между СССР и Германией. В ходе советско-австрийских переговоров в Москве 12–15 апреля были сняты спорные вопросы о правах СССР на бывшую германскую собственность в Австрии, а Кремль дал «добро» на вывод из Австрии всех оккупационных войск и подписание Государственного договора. Австрийский премьер вспоминал слова Хрущева: «Вы знаете, господин Рааб, это первый раз в моей жизни, когда я сижу рядом с настоящим капиталистом»². 15 мая в венском дворце Бельведер Молотов — вместе с коллегами из США, Англии, Франции и Австрии — поставил свою подпись под договором о восстановлении независимой и демократической Австрии.

Только в середине 1955 года, когда Западная Германия была принята в НАТО и в ответ образовалась ОВД, СССР окончательно примет концепцию «двух Германий», отказавшись от идеи воссоединения страны. Тогда Советским Союзом была выдвинута идея созыва совещания на высшем уровне в Женеве в целях улучшения международной атмосферы и обсуждения осложнявших ее спорных проблем.

Хозяин

В 1955 году на пути к вершине у Хрущева оставались досадные препятствия в лице Маленкова и Молотова. 22 января 1955 года Первый секретарь вынес вопрос о Маленкове на рассмотрение Президиума ЦК. Ему инкриминировались забюрократизированность в работе Правительства и близость с Берией. Новым главой правительства стал Булганин, давний друг Хрущева.

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2, М., 2016. С. 13–14.

² Таубман W. Khrushchev. The Man and his Era. N.Y. — L., 2003. P. 349.

7 февраля 1955 г. было принято решение о создании Совета Оборона Союза ССР как постоянно действующего органа для рассмотрения вопросов обороны страны и Вооруженных сил. Вопрос о председателе теперь решился однозначно — Хрущев.

Для того чтобы отодвинуть Молотова, Хрущев объявил центральным для советской внешней политики вопрос о сближении с Югославией — именно потому, что глава МИД выступал последовательным критиком Тито, который вырезал всю просоветскую часть компартии Югославии и всячески заигрывал с НАТО. Экзекуция Молотова на Пленуме состоялась в июле 1955 года.

С этого времени Хрущев активно взялся за кадры МИДа, в массовом порядке наводняя его работниками партийных органов, знавших о дипломатии исключительно со страниц центральных газет.

Идею созыва совещания в верхах — вопреки позиции США — поддерживали Англия и Франция. После долгих колебаний Эйзенхауэр принял решение все-таки отправиться в Женеву. Перед отъездом он заверил, что не допустит «второй Ялты», и предостерег американцев от «глупых ожиданий, будто мир может быть будто по волшебству излечен одним совещанием»¹. Британскую и французскую делегации возглавили премьеры — Энтони Иден и Эдгар Фор.

Первая за десятилетие встреча глав великих держав вызвала колоссальный интерес. Улицы Женевы были заполнены зеваками, многие из которых специально приехали туда ради такого знаменательного события. Советской делегацией на правах премьера руководил Булганин, в ее состав входили Хрущев, Молотов, Громыко, а также маршал Жуков — на правах фронтового соратника Эйзенхауэра.

Сама конференция, открытые заседания которой проходили в зале заседаний прежней Лиги Наций в Пале де Насьон, из которого открывался отличный вид на Женевское озеро и горы, оказалась довольно скучной и свелась к обмену политическими заявлениями. Повестка дня — воссоединение Германии, европейская безопасность, разоружение, контакты между странами Востока и Запада.

¹ Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. 1955. Wash., 1957. P. 575.

Булганин предложил текст договора о европейской безопасности, который должен быть заключен между НАТО и странами Варшавского договора и предусматривал немедленный отказ от ядерного оружия. В планы западных держав ничего подобное не входило.

Громько вспоминал, что заметное оживление вызвало напоминание Булганина об инициативе СССР по вступлению в НАТО: «Как бы там ни было, но ни тогда, ни позже какого-либо формального ответа на свое предложение в Женеве мы так и не получили»¹.

Самым примечательным предложением Эйзенхауэра в Женеве стал план «открытого неба», предусматривавший наблюдательные полеты друг над другом, который Хрущев расценил как схему легализации шпионажа без желания двигаться в сторону сокращения вооружений.

Вечером 22 мая российская делегация устраивала прием. «Атмосфера была расслабленной и легкой, — записал глава британского МИД Макмиллан. — Я все сильнее чувствовал, что Булганин, хотя и номинальный глава, имел небольшое значение и что Молотов был уже «большим человеком». Хрущев — для меня загадка. Как может этот толстый, вульгарный человек, с поросячьими глазками и бесконечным потоком речи быть реальным правителем — наследником царей — миллионов людей в этой огромной стране?»²

Видный американский дипломат Чарльз Болен назвал Женеву «одной из самых бесплодных и разочаровывающих встреч»³. Единственным конкретным решением стало соглашение о том, что здесь же в Женеве в октябре пройдет конференция министров иностранных дел.

Конференция началась 26 октября с представления тремя западными странами совместного плана по вопросу воссоединения Германии и европейской безопасности. Молотов в ответ предложил проект договора о коллективной безопасности. Оставался несогласованным только один вопрос: общегерман-

¹ Громько А. А. Памятное. Новые горизонты. Кн. 1. М., 2015. С. 484.

² Macmillan H. Autobiography. Vol. 3. Tides of Fortune. N.Y., 1969. P. 620–622.

³ Bohlen Ch. Witness to History. 1929–1969. N.Y., 1973. P. 386.

ских выборов. Это была точка наибольшего сближения позиций Советского Союза и западных держав с Ялты в 1945 году.

У Трояновского, который переводил переговоры, «сложилось впечатление, что, добиваясь объединения Германии, западные делегации готовы были пойти на дальнейшие серьезные уступки советской стороне, которая могла бы получить гораздо больше того, что она получила в результате объединения Германии в 1990 году. Виной тому во многом личные амбиции. Вероятно, Хрущев просто не хотел, чтобы Молотов, отставка которого была уже предрешена, заработал под занавес какие-либо лавры... Когда на конференции министров был объявлен перерыв, Молотов и Громыко отправились к Хрущеву, который в это время отдыхал в Крыму... Однако после разговора с Хрущевым оба вышли от него понурые и злые»¹.

А Хрущев и Булганин занялись Востоком. Их азиатское турне — в Индию, Бирму и Афганистан — длилось почти два месяца, толпы людей собирались посмотреть на советское руководство. Возвратившись, первый секретарь заявил на заседании Президиума: «В Индии — нечто похожее на “керенщину”. Будет обостряться борьба. Компартия будет расти».

Москва впервые заявляла себя как серьезный игрок на Ближнем Востоке, который до этого момента рассматривался западными странами как своя политическая вотчина.

Макмиллан сделал явно не устроившие западную дипломатию выводы: «Они вступают в контакты с Сирией, Саудовской Аравией, Ливией и другими странами. Это действительно начало нового наступления на Ближнем Востоке, пока Европа сдерживается “духом Женева”, а Дальний Восток временно стабилизирован»².

Поставки вооружений на Ближний Восток открывали новое обширное поле для конфронтации с Западом. Хрущев поведает египетскому лидеру Насеру: «Лучшая оборона — нападение. Я сказал, что нам необходима новая, активная дипломатия, поскольку невозможность ядерной войны означает, что борьба между нами и капиталистами будет теперь вестись другими

¹ Трояновский О. А. Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 2017. С. 174.

² Macmillan H. Autobiography. Vol. 3. Tides of Fortune. N.Y., 1969. P. 636–637.

средствами. Я не авантюрист... Но мы должны поддержать новые освободительные движения»¹.

На Президиуме ЦК 13 февраля 1956 года было принято решение: внести на Пленум ЦК КПСС предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности и утвердить докладчиком Н. С. Хрущева». Как отмечал историк Рудольф Германович Пихоя, «грубо нарушалась традиция подготовки не только съезда, но и вообще сколько-нибудь крупного партийного мероприятия: утверждался доклад, текста которого в это время вообще не существовало. Его еще предстояло написать»².

К началу съезда над текстом секретного доклада еще работали две команды спичрайтеров. Окончательный текст — авторский, хрущевский.

Бурлацкий полагал: «Надо было обладать натурой Хрущева — отчаянностью до авантюризма, надо было пройти через испытания страданием, страхом, приспособленчеством, чтобы решиться на такой шаг»³.

Секретный доклад Хрущева произвел эффект разорвавшейся ядерной бомбы. «Как было не верить ему? Конкретные, жуткие факты, имена, названные им, безусловно проверены и точны, — вспоминал присутствовавший в зале Николай Байбаков. — И все ж что-то настораживало — особенно какая-то неестественная, срывающаяся на выкрик нота, что-то личное, необъяснимая передержка. Вот Хрущев, тяжело дыша, выпил воды из стакана, воспаленный, решительный... Факты замельчили, утрачивая свою значимость и остроту... Изображаемый Хрущевым Сталин все же никак не совмещался с тем живым образом, который мне ясно помнился. Сталин самодурствовал, не признавал чужих мнений? Изошренно издевался? Это не так. Был Сталин некомпетентным в военных вопросах, руководил операциями на фронтах “по глобусу”? И опять — очевидная и грубая неправда... Человек, возглавлявший страну, построивший великое государство, не мог быть сознательным его губителем... В сарказме Хрущева сквозила нескрываемая

¹ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 389.

² Пихоя Р. Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000. С. 125.

³ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 65.

личная ненависть к Сталину. Невольно возникла мысль — это не что иное, как месть Сталину за вынужденное многолетнее подобострастие перед ним»¹.

5 марта было принято решение ознакомить с докладом «всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников»². Резонанс превзошел все ожидания. «Десталинизация общества дополнялась другой важной составляющей: происходит своего рода “десакрализация власти”. Хрущев выпустил джинна из бутылки — замахнувшись на своих противников мечом политических разоблачений, он разрушил, сам того не желая, ту идеологическую дисциплину и единомыслие, которые были неотъемлемой частью коммунистической идеологии»³, — замечал Рудольф Пихоя.

Секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС, сразу же переставший быть секретным, нанес мощнейший удар по внешнеполитическим позициям Советского Союза и мирового коммунистического движения, спровоцировал ряд серьезнейших кризисов. «Секретную речь Хрущева, несомненно, можно назвать самым опрометчивым и самым мужественным поступком в его жизни, — пишет Уильям Таубман. — Поступком, после которого советский режим так и не оправился — как и сам Хрущев»⁴.

Общественное сознание было буквально взорвано, от монолитного единства советского народа не осталось и следа. Первой взорвалась Грузия. Стреляли: 20 убитых, 60 раненых, 381 арестованных — в основном школьники и студенты. Митинги продолжались под крики «Кровь за кровь». 50-тысячная толпа митинговала в Гори, осаждали горотдел милиции⁵.

Советские патриоты-коммунисты теряли почву под ногами. Но и либералы были недовольны — недостаточностью размежевания с советским прошлым и настоящим. «Предпринятое

¹ Байбаков Н. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 118, 119.

² Известия ЦК КПСС. № 3. 1989. С. 166.

³ Пихоя Р. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945–1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 13.

⁴ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 303.

⁵ Козлов В. Политические волнения в Грузии после XX съезда КПСС // Отечественная история. № 3. 1997. С. 33, 43–49; Молотов. Маленков. Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А. Н. Яковлева. М., 1998. С. 753.

Хрущевым развенчание культа личности носило дозирован- ный, непоследовательный и противоречивый характер, — пи- шет Костырченко. — Да и саму эту кампанию он инициировал, во-первых, преимущественно ради того, чтобы застраховать номенклатуру от повторения прежнего “беспредела” госбезо- пасности, во-вторых, дабы дискредитировать и добиться низ- вержения своих политических конкурентов, заклеянных им как “антипартийная группа”, и только в-третьих, чтобы повы- сить уровень благосостояния рядовых граждан, несколько рас- ширив их социальные (не политические!) права... Вот почему либеральная интеллигенция, которая поначалу с энтузиазмом восприняла официальные декларации о восстановлении “со- циалистической законности”, потом все более скептически от- носилась к подобной риторике, призванной камуфлировать продолжавшееся (пусть и в меньших масштабах) попрание го- сударством гражданских прав и свобод»¹.

И уже очень скоро доклад перестал быть секретом для миро- вого общественного мнения.

В ярости был Мао. Ведь он только что направил приветствие в адрес съезда, где пел дифирамбы партии Ленина-Сталина, ко- торое с трибуны съезда под бурные аплодисменты зала зачи- тал представлявший КПК Джу Дэ. «Он направил на нас меч, выпустил из клеток тигров, готовых разорвать нас... Сталина можно было критиковать, но не убивать»². В это время Мао пришел к окончательному выводу, что Хрущев губит дело Ле- нина. Уже в XXI веке в годы правления Си Цзиньпина высту- пление Хрущева на XX съезде расценивалась как катастрофи- ческая ошибка.

В Париже громили помещения общества «Франция — Рос- сия», оскорбляли и избивали его активистов, из его правления вышли все члены (за исключением Жан-Поля Сартра).

Зато многие были просто в восторге. Например, Аллен Дал- лес, который напишет: «Судя по кратким сообщениям, по- явившимся в прессе, можно было заключить, что выступле- ние нового советского лидера длилось долго. Таковую речь не мог произнести экспромтом даже Хрущев, известный свои-

¹ К о с т ы р ч е н к о Г. В. Тайная политика Хрущева: власть, интел- лигенция, еврейский вопрос. М., 2012. С. 438, 439.

² Т а у б м а н У. Хрущев. М., 2008. С. 371.

ми пространными импровизированными тостами и реплика-ми. Значит, речь была написана и отпечатана, и, конечно, не в единственном экземпляре. А раз так, то текст, несомненно, разослали по многим адресам. Оставалось лишь добыть один из таких экземпляров.

Так началась охота нашей разведки за этим документом, представлявшим исключительный интерес для свободного мира. В конце концов текст был найден, и очень далеко от Москвы... Я всегда вспоминаю об этом, как об одном из самых моих крупных успехов за все время службы в разведке. Полный текст документа опубликовал государственный департамент. Секрет Кремля стал известен всему миру»¹.

Как пишет историк американских спецслужб Тим Вейнер, «потом в течение многих месяцев секретная речь Хрущева передавалась по ту сторону железного занавеса по радио “Свободная Европа” — через медиамашину ЦРУ стоимостью 100 миллионов долларов. Более 3 тысяч дикторов из числа эмигрантов, а также авторов, инженеров и их американских надзирателей заставляли радио вещать в эфире на восьми языках по девятнадцать часов в сутки».

Алан Даллес на частном самолете за два месяца облетел резидентуры ЦРУ во всем мире — Лондон, Париж, Франкфурт, Вена, Рим, Афины, Стамбул, Тегеран, Дахран, Дели, Бангкок, Сингапур, Токио, Сеул, Манила, Сайгон, — где давал рекомендации по более полному доведению содержания секретного доклада Хрущева до населения всей планеты². Ни одна речь в истории человечества — ни до, ни после — не распространялась так широко.

Теперь уже в Кремле думали, как отыграть назад. В апреле 1956 года решением ЦК был распущен целый ряд парторганизаций, в которых слишком откровенно обсуждали решения XX съезда.

Летом 1956 года в письме ЦК КПСС сообщалось, что «враги партии использовали внутрипартийную демократию для борьбы против партии», что «под флагом борьбы против культуры личности доходят до отрицания роли руководителей вооб-

¹ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 138–139.

² Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. М., 2013. С. 138–141.

ще». По всей стране покатались аресты тысяч человек, за которыми следовали весьма суровые приговоры суда за «клевету» на советскую действительность и «ревизионизм». Осужденных ждали длительные сроки либо в тюрьме, либо в психиатрической больнице¹.

Однако загнать джинна обратно в бутылку было уже невозможно, да это и не отвечало интересам Хрущева, обострявшему конфликт внутри Президиума ЦК.

В конце мая Хрущев снял Молотова с поста министра иностранных дел, чтобы не омрачать визит Тито в Москву. На освободившуюся должность был назначен Дмитрий Шепилов, до того дипломатической работой не занимавшийся.

Если и были намерения подать разоблачением Сталина сигнал к смягчению напряженности с США, то эффект оказался прямо противоположным. Предложения о советско-американской встрече на высшем уровне были отвергнуты и, как считает Таубман, «одной из причин сопротивления Даллеса стал секретный доклад Хрущева. Если, как полагал американец, одной из причин советских реформ стала жесткая позиция Америки, то давление следовало продолжать»². Нагляднейшей демонстрацией давления стал полет разведывательного самолета U-2 над Москвой и Ленинградом 4 июля 1956 года — как раз в то самое время, когда Хрущев со своими коллегами отмечал День независимости на приеме в американском посольстве. Попал ли сам Хрущев в кадр в тот день, неизвестно, но все военные объекты обеих столиц были хорошо видны на проявленных фотографиях³.

Идея проведения тотальной разведки с воздуха над всей территорией Советского Союза еще с конца 1940-х годов овладела умами американских стратегов. Поначалу это были аэростаты. Ученые определили, что на больших высотах ветры дуют устойчиво с запада на восток. Значит, можно запустить воздушный шар из Европы, и теоретически он опустится где-то в районе Японии. Аэростаты снабдили фотоаппаратурой, магнитофонами для записи радиосигналов, приемниками радио-

¹ Наумов В. П. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. № 4. 1997. С. 32–33.

² Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 389.

³ Beschlos M. Mayday: Eisenhower, Khrushchev and the U-2 Affair. N.Y., 1986. P. 121–122.

излучения, приборами для взятия проб воздуха и действительно массово запустили над Советским Союзом. Далеко не все воздушные шары долетали до места назначения, многие из них обнаруживали на земле или на деревьях изумленные лесники в тайге и труженики сельского хозяйства на полях. Часть аэростатов сбивали. Поначалу Москва реагировала крайне резко: заявляли протесты, демонстрировали шпионскую аппаратуру на специальных выставках, проводили на эту тему пресс-конференции. Аэростаты продолжали летать.

С 1954 года в Соединенных Штатах началась разработка высотного самолета-разведчика. Опытный образец был готов в феврале 1955 года и получил название U-2. Отправлять его в полет над СССР поначалу опасались¹.

Но Эйзенхауэр решил, что ценная информация, которая могла быть получена средствами воздушной разведки, стоила возможных политических издержек. Откровенничал Аллен Даллес: «Нам требовалась информация для составления различных военных программ, в частности ракетной. Ее нельзя было разработать без свежих сведений о планах Советского Союза в этой области. Пришлось бы гадать о характере и размерах угрозы внезапного ракетно-ядерного удара Советов, поставившего бы под вопрос само существование Соединенных Штатов... Возникшая в пятидесятые годы ракетная гонка приняла серьезный характер, и полеты U-2 помогли нам получить необходимую информацию о прогрессе Советов в этой области»².

И вот 4 июля 1956 года U-2, стартовав из немецкого Висбадена, пролетел над Польшей и Белоруссией, сделал два круга над Москвой, а затем ушел в сторону Ленинграда и пересек границу в обратном направлении в районе Прибалтики. С этого дня разведывательные полеты американских самолетов над территорией СССР стали регулярными — только в течение первой недели их было шесть. Ни истребителей, ни ракет, способных достать их на той высоте, на которой они летали, у Москвы не было³.

¹ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 127–128.

² Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 320.

³ Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 482.

Сергей Хрущев писал об отце: «Он не раз говорил, что бы почувствовал президент США, заслуженный генерал, прославивший человеком чести, Дуайт Эйзенхауэр, если бы мы послали свои самолеты на Вашингтон или Нью-Йорк.

— Это была бы война, — в запале восклицал отец.

В его глазах этот полет — оскорбление национальной гордости нашего народа, демонстративное нежелание американцев считаться с нашим суверенитетом... Отец жаждал отмщения»¹.

Сам Хрущев подтверждал: «Как ни форсировали моторы истребителей, мы не могли добраться до этих “летунов”, которые летали, как говорится, посмеиваясь над нашими усилиями, наносили нам моральное оскорбление. Это еще больше нагнетало напряженность между нашими странами, доводило нас, как говорится, до белого каления...»².

Но Аллен Даллес только вошел во вкус. Посетовав на то, что советское руководство ограничивает критику преступлений Сталина внутренней политикой, Даллес подчеркивал: преступления против всего человечества, связанные с порабощением стран Восточной Европы, были ничуть не менее чудовищными, а потому необходимо полностью восстановить их суверенитет. Западные спецслужбы и пропагандистская машина заработали на полную мощь, находя отклик в умах многих восточноевропейцев.

После секретного доклада Хрущева застрелился лидер польских коммунистов Болеслав Берут. Для участия в его похоронах в Варшаву прибыл сам Хрущев, в присутствии которого пленум Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) принял решение ознакомить все парторганизации с секретным докладом. Реакция была острой: повсеместно обвиняли СССР в провале Варшавского восстания в 1944 году, в расстреле польских офицеров в Катыни, требовали вывода из Польши советских войск. Начались демонстрации с лозунгами «Долой коммунизм!», переросшие в столкновения с силами правопорядка. 70 человек было убито, 500 ранено. VII пленум ПОРП потребовал восстановления в партии ранее арестованного за

¹ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 131.

² Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 581.

правый национализм Владислава Гомулки и сделать его главой партии. Москва пригрозила вводом войск, но в результате удовлетворилась обещаниями польских руководителей сохранить социалистический выбор и не выходить из Варшавского договора.

Польский пример и американские спецслужбы вдохновили венгров. Лидеры коммунистов Матьяш Ракоши и Андраш Хегедюш оказались под огнем критики как сталинисты и ретрограды со стороны сторонников Имре Надя. 23 октября в Будапеште состоялась 100-тысячная студенческая демонстрация, переросшая в антиправительственное вооруженное восстание.

Сергей Хрущев писал о венгерских событиях: «Это была хорошо продуманная политика Джона Фостера Даллеса. Американцы выигрывали при любом повороте событий. Если Советы проявят непростительную для великой державы нерешительность, откажутся от применения силы, то Венгрия сама, без каких-либо усилий со стороны, упадет к ним в руки..»

ЦРУ, Аллен Даллес, через свои радиостанции всячески подстрекали венгров к восстанию. По всем “голосам” вещали: “Американские войска на подходе, стоит вам начать, и вас в беде не оставят...”¹.

Заседание Президиума ЦК КПСС с обсуждением ситуации в Венгрии проходило, когда в Будапеште шел штурм здания радио и сносили памятники Сталину. Хрущев высказался за ввод войск. 4 ноября советские войска силами 12 дивизий начали «операцию Вихрь», и в течение недели сопротивление протестующих было сломлено. Потери со стороны венгерских повстанцев составили более 20 тысяч убитыми и ранеными, Советской Армии — почти 2 тысячи. Это еще больше накалило отношения СССР с Западом и привело к политическому и моральному урону для Москвы.

В апреле 1956 года была прекращена деятельность Коминформа с пояснением о том, что братские партии найдут новые полезные формы для установления контактов. Это было сделано в первую очередь для того, чтобы не омрачать отношения с Тито. Связи с Югославией были восстановлены в полном объеме, но это не привело Белград ни в СЭВ, ни в ОВД.

¹ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 156.

Социалистический лагерь трещал по швам на радость Западу. Джордж Кеннан, автор доктрины сдерживания, не без удовольствия напишет в мемуарах: «Когда в период с 1957 по 1962 год противоречия между коммунистическими партиями Китая и Советского Союза, пребывавшие до того в скрытом состоянии, прорвались на поверхность и приняли форму главного конфликта между двумя режимами, ситуация в международном коммунистическом движении резко изменилась. Коммунистические партии, находившиеся не только за пределами Восточной Европы, могли теперь ориентироваться на два, а если считать Белград, то и на три полюса. Такая свобода выбора сделала для них возможным приобретение независимости во многих отношениях. Ни тот, ни другой центры коммунизма не могли уже добиться полного дисциплинарного контроля за ними, опасаясь бросить их в руки другой стороны»¹.

Но Хрущев продолжал вбивать в него все новые клинья. «Он стал критиковать румынского руководителя Георгиу-Дежа, распекал албанских лидеров Энвера Ходжу и Мехмета Шеху, начал поучать умнейшего Тольятти. Но больше всех его начал раздражать со временем именно Мао Цзэдун... Дело дошло до разнуданной брани в адрес китайского лидера и прямых оскорблений китайского народа в многотысячных аудиториях»², — возмущался Шепилов. Мао, в свою очередь, характеризовал советского лидера как ревизиониста, отказывающегося от марксизма-ленинизма.

Ревизионистом, но уже в другом смысле — сторонником ревизии сложившегося в мире статус-кво — считали Хрущева и на Западе. Со все большей легкостью Хрущев размахивал ядерной дубинкой. «Хрущевский ядерный шантаж поражает своей бесхитростностью и вместе с тем агрессивностью»³, — писал историк Владислав Зубок.

Киссинджер утверждал: «Никита Хрущев не мог позволить американской сфере влияния процветать без проблем. Он стал бросать вызов Западу в таких местах международной арены,

¹ Кеннан Дж. Воспоминания американского посла в СССР. М., 2022. С. 262.

² Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 384.

³ Зубок В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 233.

которые Сталин всегда считал стоящими за пределами границ советской сферы интересов, из-за чего “горячие точки” советско-американского соперничества передвинулись за пределы Европы. Первая из этих «горячих точек» должна была возникнуть в результате... Суэцкого кризиса 1956 года»¹.

В ночь на 30 октября вооруженные силы Израиля вторглись в Египет на фронте от Средиземного моря до Акабского залива. Через сутки английское и британское правительства предъявили Израилю ультиматум с требованием прекратить военные действия, отвести войска от Суэцкого канала и предоставить возможность его оккупации англо-французскими войсками, угрожая в противном случае интервенцией. 31 октября англо-французская авиация бомбила позиции египетских войск вдоль канала, а через несколько дней последовала высадка и сухопутных войск. Однако блицкриг не получился, война затягивалась.

Хрущев был полон решимости. Свидетельствовал Шепилов: «Хрущев — человек невыдержанный, у него часто преобладало увлечение моментом, он сразу: “Война! Война!”...

— Да что, мы не разобьем этих говнюков? — вскипает Хрущев. Подумаешь там, Англия, Франция»².

Он надиктовал письмо, которое 5 ноября Булганин отправил Идену: «Что будет с Великобританией, если ее атакуют более сильные государства, обладающие всеми видами современного оружия массового поражения?» Возражал против англо-франко-израильской интервенции и Эйзенхауэр. Когда же 6 ноября под его давлением было заключено соглашение о прекращении огня, Хрущев весь светился от радости, будучи уверенный в том, что это сработал его ядерный шантаж³.

А возражения Шепилова против резкости Первого секретаря в дни Суэцкого кризиса станут причиной его скоростной отставки с поста министра иностранных дел. Главой МИД стал Андрей Андреевич Громыко.

Суэцкий кризис имел серьезные последствия и для западного мира. Известный дипломат и аналитик Пол Нитце, который

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 2021. С. 507.

² И примкнувший к ним Шепилов. Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 163.

³ Public Papers of the President of the United States. 1956. Wash., 1958. P. 1060; Таубман У. Хрущев. М., 2008. P. 394–395.

в дни Карибского кризиса будет заместителем министра обороны США, писал: «Суэцкий кризис 1956 года разделил Британию и опрокинул ее премьер-министра Энтони Идена, но кризис, как оказалось, объединил Францию. В Париже на Соединенные Штаты смотрели как на предателя своих союзников. Франция решила действовать самостоятельно, защищая свои интересы в будущем. Ее ядерная программа была подстегнута этим решением, и дополнительный импульс был придан формированию европейского Общего рынка. Поэтому после этого единственная вещь, которую Шарль де Голль, обретший президентство во Франции в 1958 году, хотел от Соединенных Штатов — технологическая помощь в ядерной программе»¹. Не получив эту помощь, Франция еще больше отдалась от США.

Советский Союз устремился к созданию системы своего глобального влияния, делая основной упор на поддержку антиколониальных национально-освободительных движений по всему миру. Борьба за образование национальных демократических государств рассматривалась как этап на их пути к социализму. С конца 1950-х годов. Советский Союз оказывал помощь в строительстве металлургических заводов в Индии, Асуанской гидроэлектростанции в Египте, начал активные поставки оружия в развивающиеся страны. С финансовой и технической помощью СССР при Хрущеве в разных странах мира было построено около 6 тысяч предприятий.

Неожиданный подарок Хрущев преподнес Западу в ноябре 1956 года, произнеся очередную историческую фразу, которую очень хорошо расслышал и использовал Аллен Даллес: «Его ставшая широко известной всему миру реплика “Мы вас похороним”, брошенная западным дипломатам на приеме в польском посольстве 18 ноября 1956 года в Москве, была опущена в сообщениях советской прессы, хотя услышали ее многие»².

Сам Хрущев объяснял свои слова так: «Как-то, за пару лет до приезда в США, я допустил неосторожное выражение в отношении Америки, сказав, что мы “закопаем” врагов революции. Вражеская пропаганда подняла мои слова на щит: мол, Хрущев, советские люди хотят закопать народ Соединенных Штатов».

¹ Nitze P. From Hiroshima to Glasnost... N.Y., 1989. P. 179.

² Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 95–96.

тов Америки. Так они использовали в своих целях брошенную мной фразу. На пресс-конференции по приезду в США, когда мне поставили этот вопрос, я разъяснил: мы никого не собираемся закапывать, враждебный буржуазный класс будет закопан самим рабочим классом Соединенных Штатов. Это внутренний вопрос каждой страны»¹.

Руководителей страны не могло не волновать то, как менялся стиль советской дипломатии, ее содержание, процесс принятия решений.

Новый стиль советской дипломатии описывал и Шепилов: «Когда сложилась система личной власти Хрущева, все процедурные условности были отброшены, весь арсенал дипломатических средств был перевернут вверх дном. По крупнейшим и очень мелким вопросам стал, в конце концов, выступать почти исключительно один Хрущев. Причем выступал он чуть ли не ежедневно (а то и несколько раз в день), где придется и как придется. Совершенно не учитывались при этом значение вопроса, которому посвящено выступление, и его возможный международный резонанс... Покрылись паутиной апартаменты для дипломатических приемов МИДа. Работники МИДа стали забывать нормы дипломатического этикета. Хрущев стал сам принимать всех приезжих гостей — нужных и не столь нужных. Местом приемов стал исключительно Большой Кремлевский дворец, куда по велению Хрущева сопровождали его не только все члены Президиума и секретари ЦК, но и скопом валили все члены ЦК, министры, депутаты Верховных Советов, артисты и писатели, генералы и маршалы. Все дипломатические приемы превратились в широчайшие пиршества»².

В 1957 году Хрущеву пришлось выдержать острейшую политическую битву. Назревал серьезный конфликт внутри высшего руководства страны, связанный также с недовольством социально-экономической политикой Хрущева и его стилем руководства.

«После XX съезда последние остатки былой скромности Хрущева исчезли — как говорится, “шапка на ём встала торчком”. Почувствовав себя “вождем”, он, во-первых, перестал ста-

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 497;

² Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 244–245.

рательно готовить вопросы к заседаниям Президиума. Коллективность в руководстве была грубо нарушена, а главное — это приводило к грубым ошибкам в существе политического и экономического руководства»¹, — замечал Каганович. Ворошилова не устраивало, что Хрущев «на заседаниях обрушивался на товарищей, в том числе и на меня, если я или другой кто-либо выступит с тем или иным замечанием, идущим вразрез с мнением тов. Хрущева»².

Еще одно поле для конфликтов появилось, когда в начале 1957 года Хрущев приступил к реформам в управлении, которые по радикальности могли сравниться разве что с петровскими. 28 января 1957 года на заседании Президиума ЦК было заявлено о самой кардинальной экономической реформе за столетия: переходе от отраслевой системы управления к никогда не использовавшейся территориальной.

В соответствии с законом одновременно упразднялись 10 общесоюзных и 15 союзно-республиканских министерств. Всего же в ходе реформы ликвидировали 141 министерство, подчиненные им предприятия были переданы региональным Советам народного хозяйства (СНХ)³. Совнархозы представляли собой коллегиальные органы, руководившие одновременно многими отраслями промышленности на подведомственной территории. При этом все вертикали управления народным хозяйством были уничтожены.

Становился очевидным провал аграрных реформ. «Укрупняли колхозы, забрасывали деревни, делая их пустующими, вместо деревенского хлеба и молока, свежего и всегда под рукой, решили завозить из города, — писал Микоян. — И, конечно, начались перебои с подвозом. Появились очереди за хлебом и молоком в деревне — это раньше представить было невозможно!»⁴

Решающими звеньями подъема сельского хозяйства объявлялись то удобрения, то увеличение посевов кукурузы и го-

¹ Каганович Л. Памятные записки. М., 1996. С. 510.

² Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 263–264.

³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Т. 1. М., 2003. С. 990.

⁴ Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 649.

роха, то поливное земледелие и рисоводство. 22 мая 1957 г. Н. С. Хрущев без согласия с Президиумом ЦК вбросил лозунг «Догнать и перегнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения».

Отношения внутри партийной верхушки резко обострились. Речь шла не столько о взглядах Хрущева, сколько о нежелании терпеть самодурство. Шепилов свидетельствовал: «Все начали говорить, что дальше так нельзя, мы так пропадем. Наступило такое время, когда что-то нужно было делать. Страна, партия, торговля, экономика — все рушится, все куролесится, со всеми переругался, с Китаем порвал»¹.

Президиум ЦК (на стороне Первого секретаря был только Микоян) предъявил Хрущеву обвинения в самоуправстве, в принятии единоличных решений, непродуманных шагах в области экономической политики, в произнесении не согласованного на Президиуме доклада на XX съезде. Должность Первого секретаря предлагалось упразднить для восстановления коллективного руководства, Хрущева назначить министром сельского хозяйства. Однако Первому секретарю и его сторонникам в секретариате ЦК удалось затянуть ход обсуждения.

С помощью партийного аппарата тайно собрали в Москве членов ЦК, чью доставку организовали военные во главе с маршалом Жуковым. Семичастный напишет: «Решающую роль в победе Хрущева сыграла, конечно, поддержка его армией и КГБ — Жуковым и Серовым»². На экстренном июньском Пленуме 1957 года Хрущев, получивший поддержку местной партийной элиты и аппарата ЦК, одержал верх над большинством Президиума ЦК. Молотов, Каганович, Маленков, а также «примкнувший к ним» Шепилов были осуждены как антипартийная группировка и потеряли свои посты. Был также освобожден от обязанностей Председателя Верховного Совета СССР Ворошилов, его место занял Брежнев, возглавлявший ранее парторганизацию Казахстана.

Вскоре в опалу попал Жуков. «Он сыграл активную роль в подавлении инициативы молотовско-маленковской взбунтовавшейся группы, — напишет Хрущев. — Но когда Жуков вошел в состав Президиума ЦК, то стал набирать такую силу,

¹ Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 388.

² Семичастный В. Е. Беспокоемое сердце. М., 2002. С. 94.

что у руководства страны возникла некоторая тревога. Члены Президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении переворота, захвата им личной власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о бонапартистских устремлениях Жукова»¹. Его отправили с визитом в Албанию и Югославию и в его отсутствие 19 октября собрался Пленум, на котором выгнали из Президиума, ЦК и с поста министра обороны.

После снятия Жукова Хрущев предпочел не делать министром обороны популярного в народе военачальника. «Было много кандидатов, которых можно было утверждать на освободившийся пост министра обороны, — замечал Семичастный. — Однако министром не стали ни Конев, ни Рокоссовский, ни Еременко, ни Баграмян. Военные заслуги человека, сменившего Жукова — Родиона Яковлевича Малиновского, — были на порядок ниже. Но он еще при Жукове стал заместителем министра обороны и пользовался благосклонностью Хрущева. В сравнении с другими он был не столь амбициозен, но достаточно умен. Отличался он и тем, что умел создавать вокруг себя хорошие человеческие отношения. И при этом его авторитет не мог угрожать авторитету самого Хрущева»².

«Малиновский оставался прежде всего военным, и он это часто подчеркивал... Как с трибуны, так и в ходе бесед с товарищами Малиновский не скупился на крепкие слова по адресу тех, кто стал ковать оружие против Советского Союза»³, — писал Громыко.

Сам Андрей Андреевич Громыко остался министром иностранных дел. Экономист по образованию, он несколько лет возглавлял посольство в Вашингтоне, а затем работал заместителем главы МИДа. «Назначение Громыко на пост главы советской дипломатии имело для Хрущева много выгод. Сравнительно быстро оба нашли общий язык. Хрущев не был в области дипломатии слишком силен, а умный Громыко гарантировал стабильность общего толкования внешней поли-

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 1. М., 2016. С. 662.

² Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 95–96.

³ Громыко А. А. Памятное. Новые горизонты. Кн. 1. М., 2015. С. 494.

тики и сохранение профессиональных кадров. Громыко занял свое место и никоим образом не мог служить угрозой позициям Хрущева. Андрей Андреевич не входил в состав Президиума ЦК и в случае возникавших разногласий не оказывал принципиального сопротивления»¹, — замечал Семичастный.

За годы своего правления Хрущев неоднократно реформировал спецслужбы.

Первый председатель собственно КГБ СССР (до этого спецслужбы носили другие названия и имели другую структуру), многоопытный генерал армии Иван Александрович Серов, который сыграл большую роль в вознесении Хрущева на вершину власти, уже пребывал фактически в опале.

В декабре 1958 года Серов неожиданно был назначен начальником Главного разведывательного управления (ГРУ) и заместителем министра обороны по разведке, что было очевидным понижением. Во главе КГБ был поставлен первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Николаевич Шелепин, к которому Серов, судя по его воспоминаниям, не испытывал, мягко говоря, никаких теплых чувств. Следует заметить, что служба внешней разведки КГБ и Главное разведывательное управление (ГРУ) Министерства обороны в принципе находились в непростых отношениях.

На посту начальника ГРУ Серов уже не пользовался былым влиянием. Да и сотрудниками военной разведки он воспринимался как инородное тело. «Он умеет арестовывать, допрашивать и расстреливать», — говорили они о Серове. На него посыпались клеветы. В январе 1960 года в ЦК КПСС на имя Хрущева поступила жалоба на «непартийное» поведение Серова, подписанная секретарем парткома ГРУ И. А. Большаковым. Серову инкриминировалось игнорирование работы парткома и его решений².

Не сложились у него отношения и с руководством Министерства обороны. Серова угнетала необходимость подчиняться одновременно и начальнику Генштаба, и министру обороны, тогда как еще недавно он считался ближайшим соратником Хрущева. Теперь их встречи были редки. Первый секретарь

¹ Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 257.

² Петров Н. В. Иван Серов — председатель КГБ. М., 2021. С. 410–411.

впервые принял Серова в качестве начальника ГРУ 31 декабря 1959 года. Встреча длилась всего 20 минут, Серов успел лишь вкратце изложить предложения об объединении разведывательных усилий ГРУ и КГБ. Хрущев их одобрил. После этого прошло несколько заседаний под председательством Сулова и с участием Брежнева, Малиновского и Шелепина, по итогам которых предложения Серова были выхолощены. ЦК КПСС решением от 7 апреля 1960 года вместо объединения заграничных аппаратов КГБ и ГРУ призвал лишь к координации их действий.

Но КГБ и ГРУ не только не координировали свои действия, но и соперничали, и зачастую радовались неудачам друг друга.

Как сознавался Семичастный, «между представителями Министерства обороны и КГБ существовало многолетнее противостояние. Причиной была военная контрразведка». Она была Третьим управлением КГБ и не подчинялась Министерству обороны. «Я не знаю ни одного генерала, который с радостью позволял бы заглядывать в его планы и приказы»¹.

Серов не без злорадства писал о череде измен и провалов в разведке КГБ в 1961 году. «В 1961 году изменил Родине офицер КГБ, который вместе с женой ушел в Западную Германию сразу же после награждения его орденом Красного Знамени “за выполнение особого задания”. Затем изменил Родине подполковник КГБ, работавший резидентом в Финляндии, который вместе с женой и ребенком ушел к американцам»². Речь шла о Богдане Сташинском, награжденном орденом за убийство Степана Бандеры в Мюнхене в 1959 году, и о сотруднике резидентуры КГБ в Хельсинки А. М. Голицыне. Сожалел Серов только о том, что у Шелепина «не упал ни один волос с головы за эти провалы»³.

В июне 1961 года было созвано совещание руководителей КГБ и ГРУ с участием и некоторых резидентов. «Тем не менее заметного улучшения отношений не произошло. В ГРУ по-прежнему смотрели на КГБ как на контролирующую организацию. И действительно, военная контрразведка КГБ и ее особые

¹ Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 214.

² Петров Н. В. Иван Серов — председатель КГБ. М., 2021. С. 582.

³ Серов И. А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016. С. 558–559.

отделы имели прямые обязанности надзирать за ГРУ, так как они являлись неотъемлемой частью Советской армии, а за армией чекисты следили всегда»¹.

В октябре 1961 года Серов участвовал в работе XXII съезда КПСС лишь в качестве делегата с совещательным голосом. Его не оставили в ЦК нового созыва. Зато Шелепин пошел на повышение, став секретарем ЦК, а затем и председателем Комиссии партийного контроля ЦК КПСС.

С 13 ноября 1961 года во главе КГБ оказался бывший руководитель украинского и советского комсомола Владимир Ефимович Семичастный, представитель хрущевского молодняка, не имевший до этого какого-либо опыта работы в спецслужбах.

О Семичастном Серов писал, что «характерная особенность у нынешних молодых руководителей — это показная любезность и внутреннее враждебное поведение... Откуда эта гадость у них взялась». В другом месте воспоминаний Серов называл Семичастного «наглым ничтожеством»². «Дело Пеньковского», о котором речь пойдет ниже, еще больше рассорит КГБ и ГРУ.

В целом в годы правления Хрущева роль и самостоятельность военно-силового и внешнеполитического истеблишмента в системе советской власти была резко понижена. Был принят новый принцип: руководители силовых структур — военного ведомства и КГБ, министр иностранных дел — не должны входить в состав Президиума ЦК.

В высших военных и дипломатических кругах не осталось никого, кто мог бы сказать «нет» Хрущеву в его начинаниях.

Устранение «антипартийной группы» сделало Хрущева беспрекословным единоличным правителем. Байбаков замечал изменения в стиле руководства: «После того как Пленум ЦК вывел из состава Президиума Молотова, Маленкова, Кагановича, власть Хрущева неимоверно усилилась, ему уже никто не мешал верховодить, принимать важные государственные решения келейно, в узком кругу. Хрущев отвергал все, что хоть как-то могло затмить его роль в руководстве партией и страной... Хрущев стал делать то, что ему хотелось»³.

¹ Петров Н. В. Иван Серов — председатель КГБ. М., 2021. С. 414.

² Серов И. А. Записки из чемодана... М., 2016. С. 562, 572.

³ Байбаков Н. К. Собрание сочинений. Т. 5. М., 2011. С. 276.

В 1958 году Хрущев совместил посты главы партии и правительства, став еще и председателем Совета Министров СССР.

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров подтверждал: «Манера Хрущева держаться уже в 1959 году была совсем иной, чем та, которую я наблюдал на заседаниях Политбюро в 1953–1955 годах... Тогда он явно старался быть в тени. Теперь же с видимым удовольствием был на первом плане, задавал выступающим острые вопросы, иногда перебивал их, давая часто понять, что последнее слово принадлежит ему. На меня он тогда произвел впечатление умного, истинно крупного человека, быть может чересчур самонадеянного и податливого на лесть... и с недостатком общей культуры...»¹

Интересно, но очень похожую мысль высказал известный итальянский журналист, много лет проработавший в Москве спецкором «Униты», и политик Джузеппе Боффа: «Наслоения заимствований из прошлого опыта развития Советского Союза приводили к тому, что для манеры мышления Хрущева был характерен явный эклектизм в том смысле, что различные моменты этого исторического опыта складывались в его суждениях в причудливые комбинации, не будучи подвергнуты отбору зрелого осмысления, который характерен для подлинной культуры мысли. Одна черта поражала многих, кто близко знал этого человека: в его культуре сочетались и чередовались озарения острой и могучей мысли и тяжелые пробелы невежества, элементарные, упрощенные представления и способность к тончайшему психологическому и политическому анализу»².

Петр Ефимович Шелест — один из руководителей компартии Украины — запишет в дневнике в январе 1960 года: «К сожалению, но факт — постепенно создается культ Хрущева, и в этом прежде всего повинны наши идеологи и пропагандисты из центра. Откуда идет вся эта “кислая закваска”. Больше всех стараются Суслов и Пономарев, да не отстают и другие “деятели”. Очевидно, придет время, и будем снова говорить о культе и разоблачать его. Во что же остается верить?»³

¹ Сахаров А. Д. Воспоминания. Полное издание в одном томе. М., 2019. С. 215.

² Цит. по: Аджубей А. И. Те десять лет. М., 1989. С. 307–308.

³ Шелест П. Е. Да не судимы будете. Дневники и воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 2016. С. 148.

Вторым человеком в стране становилась новая фигура — Фрол Романович Козлов. На 14 лет моложе Хрущева, он начал трудовой путь разнорабочим на текстильной фабрике, затем окончил политехнический институт с дипломом инженера-металлурга. В 1939 году стал парторгом металлургического завода, а с 1940-го и почти до конца войны работал секретарем горкома партии в Ижевске, одном из главных центров оборонной промышленности. Поработав в аппарате ЦК партии, Козлов отправился вторым секретарем в Куйбышевский обком, а в 1950 году — сразу первым в Ленинградский горком. С 1953 года в его подчинении оказывается уже не только вторая столица, но и вся Ленинградская область. В 1958 году Козлов стал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, то есть самого Хрущева. С 1960 года еще и секретарем Центрального Комитета КПСС, де-факто вторым¹.

Микоян был о нем весьма низкого мнения: «Козлов был немудрым человеком, просталински настроенным, реакционером, карьеристом и нечистоплотным к тому же. Интриги сразу заменили для него подлинную работу. Вскоре после того, как Хрущев перевел его в Москву из Ленинграда, выведя из-под острой критики и недовольства им Ленинградской партийной организации, роль Козлова, введенного в ЦК КПСС, стала возрастать. Он был большой подхалим. Видимо, разгадал в Хрущеве слабость к подхалимам...»²

«Хрущев же не просто любил, а обожал ездить за границу»³, — замечал Бурлацкий. 13 июля 1959 года журнал «Тайм» поместил фотографию Козлова с вопросом «Не он ли сменит Хрущева?» А в Советском Союзе в этом никто и не сомневался. Фрол Романович и так правил во время многочисленных отлучек Хрущева по стране и миру.

География зарубежных визитов Хрущева была впечатляющей. Польшу, Венгрию, Болгарию, Румынию, ГДР, Чехословакию, Монголию он посещал чуть ли не ежегодно. Кроме того, он побывал в Китае, дважды во Франции, дважды в США,

¹ Суворов В. Кузькина мать: Хроника великого десятилетия. М., 2011. С. 201

² Микоян А. И. Так было. Размышления о минувшем. М., 2014. С. 658.

³ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 177.

в Югославии, Польше, ГДР, Швейцарии, Иране, Гане, Индонезии, Гвинее, Афганистане, Судане, Египте, Алжире, Бирме, Таиланде, Индии, несколько раз в Финляндии и это еще не все. Хрущев предпочитал многодневные визиты, с осмотром достопримечательностей, посещением заводов, ферм, университетов, концертов, катаниями на слоне. А затем следовали ответные визиты, и Хрущев уделял много времени встречам с каждым из гостей. Были еще многочисленные поездки по стране и встречи с трудящимися. Так что у Козлова находилось время поруководить страной¹.

Ракетно-ядерный щит

Уверенность Хрущева в собственных силах заметно выросла и в результате впечатляющих успехов в создании советского ракетно-ядерного щита.

Его, как и Эйзенхауэра с Джоном Фостером Даллесом, все больше вдохновляла идея большего упора на средства ядерного сдерживания, что помимо прочего помогло бы сократить расходы на обычные вооружения, в чем Хрущев стремился.

Хрущев был сторонником идей разоружения и сокращения советской военной машины. Он считал, что СССР, располагая уже достаточно большим потенциалом ответного ракетно-ядерного удара, мог позволить себе гораздо более компактные вооруженные силы. Реформа управления экономикой, связанная с созданием совнархозов, привела к децентрализации управления оборонной промышленностью, часть военного производства передавалась гражданским предприятиям.

Армия в итоге была сокращена с пяти с лишним до двух с половиной миллионов человек. Была ликвидирована советская военно-морская база в Финляндии, выведены войска из Китая, вдвое сокращена группа войск в ГДР.

Именно годы пребывания Хрущева у власти привели к сплочению военно-промышленного комплекса как корпоративной группы, которая совместными усилиями боролась против сокращения оборонных расходов.

¹ Суворов В. Кузькина мать: Хроника великого десятилетия. М., 2011. С. 82–84.

Большое влияние на него оказали встречи с Сергеем Павловичем Королевым, который продемонстрировал ему возможность создать средства доставки ядерного оружия до территории США. На тот момент наша немногочисленная стратегическая авиация дотягивала до американских союзников в Западной Европе и до Аляски, но не более того.

«Отец пришел в восторг от того, что он увидел у Королева, — рассказывал сын Хрущева Сергей, сам инженер-ракетчик. — Наконец-то проклятая проблема, казалось, находила решение. Противостояние американцам, с чувством полнейшей безнаказанности окружившим нашу страну своими базами, становилось не только в принципе возможным, но осуществимым в ближайшем будущем. Пусть сегодня им кажется, что они могут позволить себе делать что ни заблагорассудится: засылать шары с разведывательной аппаратурой, самолеты, устраивать маневры в опасной близости от наших границ. Долго мы этого не потерпим. Мы заставим относиться к себе с уважением, а тогда и разговоры о разоружении пойдут на другой, куда более серьезной основе. Переговоры равного с равным значительно эффективнее, чем сильного со слабым»¹.

В августе 1955 года правительство заявило о сокращении численности вооруженных сил на 640 тысяч человек. Хрущев, поддержанный Жуковым и вопреки возражениям адмирала Кузнецова, решил отказаться от программы наращивания военно-морского флота, сочтя его анахронизмом в эпоху ядерного оружия².

На следующий год Сергей Павлович стал руководителем крупнейшего проектно-конструкторского предприятия с мощным КБ, проектными, экспериментальными и технологическими подразделениями и крупного опытного завода. Хрущев возложил на новую организацию и персонально на ее руководителя и одновременно Главного конструктора Королева основную роль в завершении работ по межконтинентальной ракете — Р-7, «семерке» — двухступенчатой с жидкостными ракетными двигателями конструкции Валентина Петровича

¹ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 89.

² Bromage В. Molotov: The Story of an Era. L., 1956. С. 240; Холловой Д. Сталин и бомба... Новосибирск, 1997. С. 432.

Глушко, которая станет подлинным прорывом и в космонавтике, и в военном деле.

Полным ходом пошло строительство первоочередных объектов полигона в районе Байконура. Космодром построят в безлюдной казахстанской степи всего за два с половиной года в условиях сорокаградусной жары, сорокаградусных морозов и буйных ветров, военные строители¹.

В США внимательно отслеживали оборонные возможности и ракетную программу Советского Союза. Аллен Даллес рассказывал: «В 1954 году были получены сведения, что Советский Союз начал производство межконтинентальных тяжелых бомбардировщиков дальнего радиуса действия, сравнимых с нашими “Б-52”... Производство самолетов не увеличивалось столь быстро, как мы предполагали. Стали накапливаться данные, что эксплуатационные качества бомбардировщика оказались низкими. Где-то в 1957 году советские лидеры приняли решение резко сократить производство таких самолетов. Однако появились данные об успешном развитии русской программы строительства межконтинентальных ракет, что, естественно, вызвало нашу озабоченность...

В первые десять лет после окончания войны мы мало знали о советской ракетной программе... И лишь когда мы стали применять новые технические средства разведки, а с 1956 года получать фотоснимки с помощью самолетов U-2, в руки заждавшихся аналитиков начала поступать достоверная информация»².

Тем не менее советский космический прорыв не был предсказан американской разведкой.

21 августа 1957 года, сотрясая землю и воздух, Р-7 вновь уходит ввысь. Королев принимал поздравления министра обороны Жукова. Ракета поразила цель на Камчатке.

27 августа ТАСС сообщил об успешном запуске сверхдальней межконтинентальной многоступенчатой баллистической ракеты. Специально для американской аудитории было добавлено: «Полет ракеты проходил на очень большой, еще до сих пор не достигнутой высоте... Полученные результаты по-

¹ Романов А. Королев. М., 1990. С. 232–233.

² Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 268–271.

казывают, что имеется возможность пуска ракет в любой район земного шара». Наиболее эффективное средство доставки ядерного оружия — межконтинентальная баллистическая ракета — впервые появилась на вооружении Советского Союза. Неуязвимость США уходила в прошлое.

Чтобы быть более доходчивыми, в Советском Союзе, в подмосковном ОКБ под руководством Романа Анисимовича Туркова, заместителя Королева, ударными темпами создавали три искусственных спутника Земли¹. Запуск первого из них 4 октября 1957 года вызвал в США эффект разорвавшейся бомбы: Эйзенхауэр признавал: «Советское научное достижение было впечатляющим. Могущество силы, способной поднять спутник такого веса, было полной неожиданностью для нас»².

Новая ситуация делала угрозу «массированного возмездия» нереалистичной. «Послевоенная эра кончается, — с разочарованием признавал вскоре после запуска спутника Уолтер Липпман, — величайшая реальность, с которой мы должны сейчас примирить наше мышление, заключается в том, что мы являемся равной, а не верховной силой»³.

— Что обнаружат американцы, если когда-нибудь окажутся на Луне? — поинтересовался журналист у известного физика и создателя атомной бомбы Эдварда Теллера.

— Русских, — мрачно ответил тот⁴.

Самодовольная спесь с американцев слегка спала. Аллен Даллес признал: «В наше время Соединенным Штатам брошен вызов группой стран, проповедующих иную жизненную философию, другое мировоззрение, правительства которых настроены к нам враждебно. Это само по себе открытие не новое. Мы и раньше сталкивались с подобными вызовами. Теперь изменилось то, что мы впервые стоим лицом к лицу с противником, обладающим военной мощью и способным нанести разрушительный удар непосредственно по Соединенным Штатам. В век ядерных ракет это может быть сделано в течение часов

¹ Романов А. Королев. М., 1990. С. 240–241.

² Eisenhower D. The White House Years. Waging Peace. 1956–1961. Garden City, 1965. P. 205.

³ The New York Herald Tribune. February 4, 1958.

⁴ Leuchtenberg W. The American President: From Teddy Roosevelt to Bill Clinton. Oxford, 2015. P. 356.

и даже минут, причем на приведение в состояние готовности нам будет отпущен минимум времени»¹.

Однако американцы тут же ударились в другую крайность: началась паническая кампания по поводу «ракетного отставания» США, что требовало немедленного ответ в виде резкого увеличения военных расходов. И первую скрипку в этой кампании играли разведка, Пентагон и военно-промышленный комплекс.

США резко увеличили инвестиции в экономику знаний. Конгресс объявил состояние «чрезвычайной ситуации в образовании»: среди прочих шокирующих откровений выяснилось, что 75% школьников не изучали физику вовсе. Белый дом ввел новую должность: специальный советник президента по вопросам науки и технологии. Через год Конгресс принял Закон об образовании в области национальной обороны². А за ним и Закон об авионавтике и исследовании космического пространства, в соответствии с которым было создано Национальное управление по авионавтике и исследованию космического пространства (НАСА)³.

Американцы раскроют сверхсекретный объект на Байконуре, когда его еще называли по ближайшему населенному пункту Тюра-Тамом (а Байконуром, расположенным гораздо дальше, его назовут для конспирации). U-2, стартовавший с Пешаварского аэродрома в Пакистане, приземлился в Бодо в Норвегии. По фотографиям в ЦРУ удалось даже построить объемную модель полигона со всеми сооружениями⁴. Аллен Даллес был счастлив: «В определенной степени успех, достигнутый нашим самолетом-разведчиком, можно было бы сравнить лишь с добычей технической документации непосредственно из советских учреждений и лабораторий агентурным путем»⁵.

¹ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 83.

² Гринспен А. Капитализм в Америке. История. М., 2020. С. 324.

³ Римини Р. Краткая история США. М., 2018. С. 361.

⁴ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 185

⁵ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 116–117.

Но Советский Союз создавал все больше поводов к тому, чтобы в Соединенных Штатах крепло ощущение «ракетного отставания». 2 января 1959 года первое рукотворное небесное тело — автоматическая станция «Луна-1» — навсегда покинуло поле земного тяготения. Чтобы вырваться из плена Земли, она летела со скоростью 11 км в секунду — на 3 км быстрее, чем та, что вынесла на орбиту первые спутники. Первый «Лунник» не попал в Луну, промчавшись в непосредственной близости от нее и став первой искусственной планетой в Солнечной системе.

Но уже 14 сентября 1959 года второй советский «Лунник» доставил на поверхность спутника Земли — в район Моря Ясности — вымпел с гербом Советского Союза. 7 октября человечество смогло впервые заглянуть на обратную сторону Луны, которую обогнула станция «Луна-3» и сорок минут ее фотографировала с расстояния в 60–70 тысяч километров. Расшифровка фотоснимков дала возможность выявить 107 объектов — кратеров, морей, талассоидов — и начать работу над лунным глобусом¹.

Каждый новый советский космический успех оборачивался в США все новыми обвинениями Эйзенхауэра в растущем «ракетном отставании». В числе наиболее ярких критиков был влиятельный сенатор от Массачусетса Джон Кеннеди.

На американском направлении

На самом же деле Соединенные Штаты вовсе не сидели сложа руки, а стремительно наращивали свой ракетно-ядерный потенциал. Биограф Эйзенхауэра Амброз утверждает: «Эйзенхауэру достался по наследству арсенал, состоящий из 1,5 тысячи ядерных устройств мощностью от нескольких килотонн до нескольких десятков мегатонн. Если в 1959 году в арсенале насчитывалось 6 тысяч или около этого атомных бомб, то это означает, что Комиссия по атомной энергии за шесть лет пребывания у власти администрации Эйзенхауэра произвела 4,5 тысячи атомных бомб, или более двух бомб за один день. Способность Америки нанести удар по России была устрашающей»².

¹ Романов А. Королев. М., 1990. С. 284–285, 295–296, 297–298.

² Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 449.

При этом, как отмечал генерал Тейлор, вопрос о том, как много ядерного оружия будет достаточно, никогда «не находил ответа с точки зрения стратегической необходимости, ответ давало только количество денег, выделяемого на него в бюджете»¹.

Взаимные опасения Москвы и Вашингтона создавали почву для переговоров по контролю над вооружениями. Начались переговоры о запрещении ядерных испытаний, хотя оставались принципиальные вопросы, по которым договориться не получалось. Главным среди них был вопрос о контроле за соблюдением соглашения о подземных испытаниях малой мощности, для обнаружения которых американцы требовали создания большого количества наблюдательных пунктов на территории нашей страны. Советские представители, ведущим из которых был Громыко, считали, что эти пункты окажутся лишь центрами шпионажа.

Американское военное руководство, правые политики от обеих партий, большинство СМИ, значительная часть экспертов, особенно сам Теллер, считали переговоры бесперспективными и настаивали на возобновлении испытаний и укреплении военной мощи страны. В годы президентства Эйзенхауэра Пентагон и так съедал 6 из каждых 10 федеральных долларов, а вооруженные силы выросли до 3,5 млн. человек².

Но на заседаниях СНБ от президента беспрестанно требовали увеличить военные расходы. Эйзенхауэр по мере сил сопротивлялся этому давлению, поддерживаемый и новым госсекретарем, опытным дипломатом Кристианом Гертером, назначенный на этот пост в 1959 году после смерти Джона Фостера Даллеса. Когда военные запросили шесть новых подводных лодок с ракетами «Поларис» на борту, Эйзенхауэр даже поинтересовался:

— Сколько раз мы должны уничтожить Россию?³

К концу 1950-х годов Соединенные Штаты располагали более чем миллионом солдат в тридцати странах, состояли в четырех оборонительных союзах и активно участвовали в пятом, имели соглашения о взаимной обороне с 42 странами, являлись членом 53 международных организаций и предоставляли воен-

¹ Taylor M. Swords and Plowshares. N.Y., 1972. P. 172.

² Гринспен А. Капитализм в Америке. История. М., 2020. С. 325.

³ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С.342.

ную и/или экономическую помощь почти сотне стран по всему земному шару¹.

И США не желали терпеть ослабление своего влияния где бы то ни было. Особенно болезненно в Вашингтоне воспринимали перспективу утраты своих позиций в Берлине, который был разделен на зоны оккупации СССР, США, Англии и Франции и вокруг которого постоянно возникали конфликты. Киссинджер замечал: «Поразительно, но несмотря на совершенно очевидный четырехсторонний статус города, не были выработаны не вызывающие двусмысленных толкований договоренности по доступу в город»².

Хрущеву явно претило западное присутствие в центре ГДР. «Хрущев не мог понять, почему Соединенные Штаты и их союзники по НАТО так упорно сопротивляются дипломатическому признанию ГДР и в целом закреплению послевоенных границ, — писал Бурлацкий. — Он видел в этом не только проявление традиционной для американцев политики силы, но и недооценку советской мощи... Именно в Германии были сосредоточены самые большие вооруженные силы НАТО и Варшавского договора. Поэтому Берлин был своеобразным барометром международного климата»³.

В советской ноте от 27 ноября 1958 года содержалось требование к западным державам в течение шести месяцев начать переговоры о заключении мирного договора с Германией и придании Западному Берлину статуса «вольного города». В случае отказа Москва грозила подписать сепаратный мирный договор с ГДР и передать правительству Вальтера Ульбрихта свои права на соблюдение особого статуса Берлина и гарантии доступа представителей западных держав в Западный Берлин. В марте 1959 года на территории ГДР были размещены два советских ракетных дивизиона, оснащенных ядерными боеголовками.

Американцы и англичане еще готовы были в принципе обсуждать эти вопросы, но германский канцлер Конрад Аденауэр и французский президент де Голль категорически возражали против каких-либо переговоров, способных изменить статус Берлина⁴.

¹ Steel R. Pax Americana. N.Y., 1977. P. 134.

² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 2021. С. 554.

³ Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 194–195.

⁴ Nitze P. From Hiroshima to Glasnost... N.Y., 1989. P. 196.

Но вот прошел срок объявленной Хрущевым даты подписания мирного договора с ГДР — 27 мая, — но ничего не произошло. На следующий день Эйзенхауэр встретился с Громыко, прибывшим в Вашингтон на похороны Джона Фостера Даллеса. Президент пригласил советского министра на ланч в Белый дом, где говорил о необходимости найти пути «к лучшему состоянию наших отношений»¹.

В июле 1959 года в Москву прилетел вице-президент США Ричард Никсон. Его сопровождали брат президента Милтон Эйзенхауэр и адмирал Хаймэн Риквер, отец американского атомного подводного флота. В аэропорту их встречал Фрол Козлов. Встречи в Кремле начались в кабинете Ворошилова, председателя Верховного Совета, потом гостя отвели в кабинет Хрущева. Когда американцы вошли, Никита Сергеевич демонстративно рассматривал модель спутника, отправленного на Луну. «Я чувствовал, что он находится в раздраженном состоянии, — вспоминал Никсон. — Он все время оглядывал меня с ног до головы, как портной может оглядывать клиента, чтобы сшить ему костюм, или, скорее, как похоронных дел мастер оглядывает будущего покойника, чтобы подобрать ему гроб».

Хрущев был недоволен тем, что американский Конгресс принял резолюцию в поддержку стран, «порабощенных Советским Союзом».

— Эта резолюция воняет! — восклицал он, стуча по столу.

24 июля 1959 года состоялись знаменитые «кухонные дебаты». Хрущев сам приехал на открытие американской выставки в Сокольниках. Он заговорил о том, что Советский Союз желает жить в мире, но готов защитить себя в случае войны. Обещал, что Советский Союз через семь лет достигнет уровня развития Соединенных Штатов:

— Когда мы догоним вас и станем вас обгонять, мы помашем вам рукой. Если вы захотите, мы остановимся и скажем — пожалуйста, догоняйте нас.

Никсон козырял изобилием бытовых товаров, производимых в Америке. Хрущев ответил, что лучше иметь одну модель стиральной машины, чем много разных.

Никсон заметил:

¹ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 351.

— Не лучше ли сравнивать качества наших стиральных машин, чем мощь наших ракет? Разве не такого соревнования вы хотите?

— Да, мы хотим такого соревнования! — согласился Хрущев. — Это ваши генералы кричат о ракетах, а не о кухонной утвари, это они грозят нам ракетами, это они хорохорятся, что могут стереть нас с лица земли. Но этого мы, конечно, никому не позволим сделать. А тем, кто попытается, мы покажем, как говорят у нас в России, кузькину мать. Мы сильны, мы можем побить вас¹.

Никсон передал советскому лидеру приглашение Эйзенхауэра посетить США в сентябре.

«Признаюсь, я сначала даже не поверил, — скажет Хрущев. — Это произошло так неожиданно, мы вообще не были подготовлены к этому. Наши отношения были тогда столь натянутыми, что приглашение с дружеским визитом главы Советского правительства и Первого секретаря ЦК КПСС казалось просто невероятным! Но факт оставался фактом: Эйзенхауэр пригласил правительственную делегацию, и я ее возглавлял»².

22 июля поступил ответ Хрущева: он собирался совершить десятидневную поездку и побывать в различных районах страны. Еще до визита были подписаны соглашения о расширении экономического и культурного обмена, о спортивных контактах. В августе 1959 года ядерные ракеты из ГДР были выведены на советскую территорию.

Руководители европейских стран были настолько обеспокоены предстоявшим визитом Хрущева в США, что Эйзенхауэр, дабы развеять их опасения касательно возможного сговора с СССР, предпринял в конце августа турне с посещением Бонна, Лондона и Парижа, где заверил Аденауэра, Макмиллана и де Голля, что переговоры с советским лидером никак не угрожают атлантической солидарности³.

В октябре 1959 года состоялся первый в истории визит советского лидера в США, который стал самой высокой точкой в отношениях СССР и Запада за все десятилетие правления

¹ Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 370–373.

² Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 470.

³ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 353.

Хрущева. Киссинджер замечал: «Советский правитель путешествовал по Соединенным Штатам с 15 по 27 сентября 1959 года, вызвав такую же общественную эйфорию, которую породила четырьмя годами ранее Женевская встреча на высшем уровне. И вновь встреча двух глав правительств подчеркнула собственно атмосферу, нежели суть, как это символизировалось лозунгом “дух Кэмп-Дэвида”... Чаше всего положительным следствием визита называлось то, что советский лидер предположительно лучше узнает пригласивших его хозяев»¹.

18 сентября Хрущев выступил в Нью-Йорке на заседании Генеральной Ассамблеи ООН с предложением о полном разоружении всех государств в течение четырех лет, заявил о готовности продолжать переговоры по проблеме запрещения ядерных испытаний. 25–27 сентября Хрущев гостил у Эйзенхауэра в Кэмп-Дэвиде. Президент и его семья тут же получили приглашение посетить СССР в следующем году.

На пленарном заседании XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Хрущев вынес на рассмотрение Декларацию о всеобщем и полном разоружении. 21 ноября было подписано советско-американское соглашение о научно-культурном обмене, 1 декабря — договор об использовании Антарктики в мирных целях.

Перед ответным визитом Д. Эйзенхауэра в Москву решено было созвать конференцию четырех государств на высшем уровне в Париже.

В 1959 году в частной беседе Эйзенхауэр, при котором ракеты среднего радиуса «Юпитер» с ядерными боеголовками были установлены в Турции, заметил, что «в военном отношении эти действия можно приравнять к размещению советских ракет средней дальности на Кубе или в Мексике». Он также признавал, что если бы подобным образом повел себя Советский Союз, США сочли бы необходимым прибегнуть к военной силе». Эйзенхауэра удивляло, что Хрущев во время визита в США не выражал протестов по этому поводу.

Напротив, вдохновленный визитом Хрущев фонтанировал все новыми мирными инициативами. На заседании Президиума ЦК 1 февраля 1960 года он предлагал:

— Мы сейчас завоевали очень высокое признание ракетной страны с ядерными зарядами. Мы внесли предложение, оста-

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 2021. С. 567.

новившись на завершающем этапе разоружения. Поэтому нас стараются упрекнуть, что мы де, мол, не сокращаем вооружение, а перевооружаемся на новом, более высоком техническом уровне, сохраняем ядерное оружие и ракеты с тем, чтобы весь мир держать под ударом ракет.

Давайте иметь запасную позицию: мы готовы в первую очередь начать разоружение за счет уничтожения ракет, ядерного вооружения бомбардировочной авиации и ликвидации военных баз на чужих территориях. Это, собственно, разоружение всех военных союзов, потому что — что значит ликвидировать базы? Это полетят НАТО, СЕАТО, СЕНТО. А этого нам и надо, это наша заветная мечта...

Я считаю, что эта позиция найдет отклик у американского обывателя. Ведь он сейчас дрожит — первый раз в жизни начал дрожать, потому что появились баллистические ракеты, появилась межконтинентальная ракета, которая может достигнуть американских городов.

— Им на голову может бомба упасть, — согласился Микоян. — Такого еще не было¹.

Но западные страны не спешили разоружаться. 13 февраля 1960 года прошло первое испытание французской атомной бомбы. «Франция сумела доказать, что она способна самостоятельно, без иностранной помощи, совершить ряд научных, технических и промышленных подвигов, необходимых для создания атомного оружия, потому что — увы! — это было необходимо, и что она действительно обрела свою независимость»², — с удовольствием писал де Голль в мемуарах.

Впрочем, это не помешало официальному визиту Хрущева во Францию 23 марта — 3 апреля, когда были заключены соглашения о сотрудничестве СССР и Франции в области торговли, науки и культуры. И впервые между СССР и западной страной было подписано соглашение по атомным вопросам³.

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. М., 2015. С. 439—440.

² Г о л л ь Ш. де. Мемуары надежд. Обновление, 1958—1962. М., 2000. С. 198.

³ К о р с а к о в а Н. Л. Французская дипломатия и Кубинский кризис. М., 2006. С. 61.

Мирные инициативы Москвы планировалось обсудить на саммите четырех великих держав в Париже. Однако возникли новые обстоятельства. Американцы для чего-то под саммит активизировали полеты U-2. 16 апреля самолет разведки, миновав советские системы ПВО, благополучно пролетел над территорией СССР, что вызвало взрыв негодования Хрущева.

И еще больший взрыв вызвало известие о новом полете, которое Хрущев получил, собираясь на Первомайский парад на Красной площади: «Когда 1 мая рано утром раздался звонок (а я отлично помню этот день) и я поднял трубку, министр обороны Малиновский доложил мне:

— Со стороны Афганистана, явно из Пакистана, американский самолет U-2 следует в сторону Свердловска.

Я ответил:

— Надо отличиться и сбить этот самолет!

— Да, я уже отдал приказ, будет сделано все возможное, чтобы его сбить, — ответил Родион Яковлевич¹.

Шпионский рейд в праздничный день был бесспорной провокацией.

Для полета U-2 –24-го по очереди — был выбран ранее уже опробованный маршрут: из пакистанского Пешавара в Тюра-Там, оттуда, сфотографировав по ходу несколько военных аэродромов, к Свердловску, точнее, Челябинску-40, комбинату «Маяк», центру атомной промышленности. Далее — Плесецк, где, по данным ЦРУ, строилась стартовая площадка для межконтинентальных ракет, Северодвинск с его судовой верфью, где строили атомные подводные лодки, и Североморск, главная база Северного флота. Оттуда — на аэродром Бодо в Норвегии. За штурвалом сидел опытный пилот Фрэнсис Гэри Пауэрс, ранее летавший над СССР. Пройдя над Тюра-Тамом, его U-2 на высоте двадцати километров взял курс на Свердловск.

И здесь впервые для американцев коса нашла на камень. Расчету противовоздушной обороны майора Воронова наконец-то удалось то, что никому не удавалось до него. В 8.53 по московскому времени в небе вспыхнула огненная точка, и через несколько секунд до земли донесся негромкий хлопок взрыва. Цель исчезла с экранов радаров. Пауэрсу повезло. Пущен-

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 581–582.

ная Вороновым зенитная ракета С-75 не попала в самолет, она взорвалась чуть сзади. Самолет не взорвался, у него оторвало крылья.

Приземлившегося на парашюте Пауэрса подобрал водитель проезжавшего мимо «Москвича», который и отвез американского шпиона в контору совхоза. Там с него сняли необходимый для высотных полетов скафандр. Вскоре подоспели бойцы Воронова и сотрудники местного КГБ, которые увезли Пауэрса в Свердловск¹.

На Красной площади парадные колонны военной техники уже сменились демонстрантами. «День стоял прекрасный, солнечный, — запомнил Хрущев. — Демонстрация проходила с большим подъемом, настроение у всех было очень радостное. Вдруг появился маршал Бирюзов, который тогда командовал противовоздушной обороной страны... Бирюзов на ухо доложил мне, что самолет U-2 сбит, а летчика взяли в плен, сейчас его допрашивают»². Бирюзов выслушал поздравления и с высоко поднятой головой отошел к другим военачальникам на правое крыло трибуны.

Сергей Хрущев вспоминал: «Отец приехал после праздника домой чрезвычайно довольный. Он ощущал себя наконец-то отомстившим давнему обидчику... Он решил поиграть с американцами в прятки, не сообщать поначалу об уничтожении самолета, подождать, что они начнут выдумывать, а уж затем, разоблачив их, отыграться за все годы унижения... Отец рассчитывал: когда он докажет, что U-2 нарушил нашу границу, президенту придется извиниться за своих подчиненных»³.

Первое желание официального Вашингтона — отмолчаться. Что он и делал. Хрущев продолжил игру. В выступлении перед Верховным Советом он сообщил только о факте нарушения нашей границы и сбитии самолета советскими ПВО. Американцам пришлось вступить в игру, сделав ответный ход. В сообщении Госдепартамента, затем развитом и уточненном НАСА, говорилось, что «один из самолетов типа U-2, предна-

¹ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 312–316.

² Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 582.

³ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 318–319.

значенный для научно-исследовательских целей... пропал без вести... когда его пилот сообщил, что он испытывает затруднения с кислородом и находится над озером Ван в районе Турции».

Хрущев готов был продолжать игру, которая явно доставляла ему удовольствие. Однако все испортил замминистра иностранных дел Яков Александрович Малик, который в подпитии на приеме проболтался, что Пауэрс жив и его допрашивают, послу Швеции, который немедленно перезвонил послу США. КГБ это отследило. Продолжать игру больше не имело смысла.

Хрущев взял слово в заключительный день работы Верховного Совета, и по пунктам опроверг американскую версию с «исследовательским самолетом над Турцией». Для убедительности привел выдержки из допроса Пауэрса. «Мы приказали доставить обломки самолета в Москву для публичного обозрения в Парке культуры и отдыха имени Горького, — вспоминал Хрущев. — Народ валом валил, чтобы не только посмотреть, но и пощупать эти обломки... Я решил поехать на выставку: меня тянуло посмотреть... Собралась различная публика, набежали иностранные корреспонденты, да и наши там присутствовали. После осмотра корреспонденты стали задавать мне вопросы. Я вынужден был высказаться напрямую. Беседа с ними доставила мне удовольствие, так как у меня было желание еще раз выразить свое возмущение и заклеить агрессора»¹.

Теперь уже американцам было невозможно отрицать очевидное. Аллен Даллес рассказывал о моральных терзаниях в Вашингтоне: «Еще более серьезным был вопрос об ответственности правительства. Для исполнительной власти занять позицию, что подчиненные ей лица подготовили и провели, мол, на свой собственный страх и риск такую операцию без санкции сверху было бы равносильно признать безответственность правительства, отсутствие контроля за действиями нижестоящих учреждений, чреватými крупным ущербом для нашей национальной политики. Согласитесь, правительство попало бы в труднейшее положение. Попытка замолчать все это дело, по моему мнению, не имела никаких шансов на

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 583, 585.

успех и была бы равносильной нашему признанию совершившегося факта»¹.

Президент инстинктивно стремился дистанцироваться от инцидента.

7–8 мая последовали сумбурные заявления Госдепартамента и Министерства обороны, которым мало кто поверил. Известный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон замечал: «Столица выглядит печальной, сбитой с толку в водовороте обвинений по адресу администрации в некомпетентности и недобросовестности... США поймали, когда они занимались шпионажем над СССР, а затем попытались скрыть это, выпустив вводящие в заблуждение официальные заявления»².

Первым удар на себя принял председатель подкомитета Палаты представителей по разведке Кларенс Кеннон, одновременно подставивший и Эйзенхауэра. Кеннон 10 мая заявил:

— Самолет выполнял официально разрешенную шпионскую миссию. Расходы на нее покрывались из фонда, утвержденного Конгрессом по рекомендации бюджетного комитета. Операция была одобрена Федеральным бюджетным бюро и получила согласие президента США.

Кеннон рассказал также, что полеты над территорией Советского Союза начались еще четыре года назад:

— Мы убедительно продемонстрировали, что свободные люди перед лицом угрозы самого жестокого и преступного деспотизма в состоянии, не нарушая конституции Соединенных Штатов, защитить свою страну и сохранить мировую цивилизацию³.

На следующий день — 11 мая — Эйзенхауэр провел пресс-конференцию. Ответы на вопросы он предварил заявлением:

— Разведка является неприятной, но жизненной необходимостью.

«Тем самым впервые в истории высшим государственным деятелем было признано, что его страна занимается шпионской деятельностью, что он осведомлен о ней, одобряет ее и руководит

¹ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 323–324.

² Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 362–363.

³ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 422–424.

ею»¹, — пишут российские биографы Эйзенхауэра. А его американский биограф Элтон Ли считал: «Соединенные Штаты были пойманы на шпионаже, вралли об этом, а потом только усугубили ошибку, изменив политические заявления на обратные»².

Хрущев кипел от негодования: «Явно неразумное выступление, если не сказать больше. Глупое выступление. Но оно состоялось. Так президент сам лишил себя возможности выгородиться из пикантной истории перед встречей в Париже... Нас буквально распирало возмущение, и мы использовали все публичные возможности для разоблачения агрессивной линии. Теперь мы не щадили и президента, потому что он сам подставил свой зад, и мы раздавали американцам пинки, сколько угодно и как только возможно».

Приближалось время Парижского саммита. Для президента Шарля де Голля это был момент долгожданного возвращения Франции на центральное место в мировой политике. «Это был настоящий реванш после унижений, нанесенных Франции в Ялте и Потсдаме: Франция, приглашающая другие великие державы на совещание в Париже, таким образом становилась “столицей великих держав”, организующей их встречи на высшем уровне! — пишет президент Французской Академии Элен Каррер д’Анкос. — Все силы прилагались, дабы обеспечить успех Парижской конференции»³. Хрущев испортит обедню.

«Наступил день отлета, — вспоминал Хрущев. — Мы отправились в Париж на самолете Ил-18, очень хорошем и по внешнему виду, и по техническим качествам... Нам нанесено оскорбление, а мы идем на совещание? И во мне созрела мысль: пересмотреть первоначальную направленность наших документов, особенно декларации, с которой мы хотели выступить при открытии встречи. Надо поставить США ультимативные условия: они должны извиниться за нанесенные нашему государству оскорбление. Нужно потребовать от президента взять обратно свое заявление, в котором он оставлял за США право

¹ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 363.

² Alton Lee R. Dwight D. Eisenhower. Soldier and Statesman. Chicago, 1981. P. 314.

³ Каррер д’Анкос Э. Генерал де Голль и Россия. М., 2019. С. 103.

на разведывательные полеты над чужими территориями, чего суверенные государства никому делать не позволяют... Мы не отказались от совещания при условии, если США в лице президента извинятся за допущенное ими нарушение суверенитета нашей великой Родины — Советского Союза. Помимо принесения извинений президент должен отказаться от своего заявления и дать нам заверения, что разведывательные полеты над территорией СССР впредь не будут производиться»¹.

Бурлацкому было известно, что «уже перед самым вылетом в Париж Хрущев собрал на аэровокзале заседание Президиума ЦК КПСС и предложил отменить все подготовленные ранее предложения и документы, мотивируя тем, что обстановка для соглашения неблагоприятна со всех точек зрения. Огромный труд дипломатов, партийных работников, военных и других служб, затраченный на проработку советских позиций, пошел насмарку»².

До начала совещания Хрущев встретился с де Голлем и Макмилланом. «Я высказал им обоим свое недовольство позицией США, свою непримиримость. Де Голль и Макмиллан убеждали меня не требовать извинений: США — великая страна, ее президент не может делать такое публичное заявление, и его нельзя вынуждать. Но я парировал сей аргумент, сказав, что мы тоже не маленькая страна, тоже считаем себя великой державой, тем более что мы не сможем согласиться, чтобы великая страна наносила оскорбления хотя бы и малым странам»³.

Хрущев по-настоящему разбушевался. «Сначала он проводит перед своим посольством на улице Гренель импровизированную пресс-конференцию, за которой следует многолюдная встреча с общественностью, превратившаяся в митинг, во дворце Шайо. Множество коммунистов и столько же антикоммунистов пришло, чтобы соответственно приветствовать и оскорбить его. Еще немного, и встреча с общественностью вылилась бы в драку. “Добродушный мужик” перевоплотился в разъяренного доктринера, выкрикивавшего:

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 585, 586–588.

² Бурлацкий Ф. М. Никита Хрущев. М., 2003. С. 183.

³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 588.

— Если остатки фашистских недобитков будут “укачь” против нас, как это делали гитлеровские разбойники, и будут опять готовить нападение, то мы их “укнем” так, что они костей не соберут!

Присутствие рядом с Хрущевым заставшего Малиновского заставляло поверить в эти угрозы»¹.

Прилетев на саммит в Париж 14 мая, Эйзенхауэр узнал, что Хрущев уже сделал заявление: если президент не осудит шпионские полеты, не обещает прекратить их, не накажет виновных, Советский Союз откажется от участия в конференции. Президент немедленно заявил своей свите:

— Полагаю, никто не надеется, что я намерен ползти на коленях к Хрущеву.

Затем Эйзенхауэр встретился с де Голлем, который проинформировал, что в разговоре с ним Хрущев упомянул об американских военных базах в Турции и Японии, на которых базируются самолеты U-2 и по которым СССР мог бы нанести ракетный удар. На что Эйзенхауэр мрачно ответил:

— Ракеты могут лететь в обоих направлениях².

На следующий день министр обороны США Томас Гейтс для чего-то привел в состояние боеготовности все американские вооруженные силы в мире³, что совсем лишило Хрущева остатков миролюбия.

Развязка наступила, как только утром 16 мая конференция открылась. «Зашли в зал, стали заходить туда и другие делегации, — вспоминал Хрущев. — Первой вошла делегация Англии. Мы поздоровались, и тут же вошла делегация США. Ее члены сразу же последовали на свои места и сели, поприветствовав нас наклоном головы. Мы это поняли так: “Вас видим, но руки не подаем, находимся в состоянии конфликта и даже психологической войны”.

Еще до начала совещания я обратился к президенту де Голлю за разрешением выступить с заявлением. Мы хотели предъявить свои ультимативные условия и от того, как примет их

¹ Каррер д'Анкосс Э. Генерал де Голль и Россия. М., 2019. С. 105–106.

² Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 364.

³ Alton Lee R. Dwight D. Eisenhower. Soldier and Statesman. Chicago, 1981. P. 315.

делегация США, зависело, будем ли мы принимать участие в совещании. Я зачитал заявление. Переводчик Суходрев все точно перевел...»¹

Де Голль в качестве хозяина открыл конференцию. Закончив вступительную речь, он намеревался предоставить первое слово Эйзенхауэру, о чем было предварительно условлено. Но тут советский лидер уже не выдержал и потребовал слова себе. Де Голль взглянул на Эйзенхауэра. Тот утвердительно кивнул. Хрущев приступил к обвинительной речи в отношении обнаглевших американцев, все больше распаляясь. Де Голль повернулся к Суходреву и произнес:

— В этом помещении отличная акустика, мы все хорошо слышим председателя, ему нет смысла повышать голос.

Хрущев чуть понизил тон и подошел к завершению речи, не просто потребовав извинений:

— В создавшейся обстановке советские люди не смогут принять президента США с должным гостеприимством.

То есть аннулировал приглашение Эйзенхауэру посетить СССР.

Эйзенхауэр ответил, что, если его не ждут в Советском Союзе, об этом можно было просто сказать. Он отказался извиниться за полеты U-2, но заявил, что не собирается их возобновлять². Хрущева это не устроило. Советская делегация поднялась с мест и направилась к дверям. Непонятно, кому это было нужно.

Де Голль и Макмиллан пытались добиться возобновления переговоров. «Инициативу в продолжении совещания проявил де Голль, — вспоминал Хрущев. — Через министра иностранных дел он передал нам, что три западные делегации соберутся без нашего участия, обсудят нашу декларацию и определят свое отношение к ней... Настроение у меня было боевое, наступательное и приподнятое, хотя я знал, что США не согласятся на горькую пилюлю, которую мы приготовили и заставляем их проглотить... Так у нас появился незапланированный свободный день... В Париже есть что посмотреть».

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 589.

² Alton Lee R. Dwight D. Eisenhower. Soldier and Statesman. Chicago, 1981. P. 315.

Эйзенхауэр твердо решил, что извиняться не станет, хотя французы и англичане его к этому подталкивали. Конференция завершилась, толком не начавшись. «Уже после того, как было решено, что совещание не состоится, я по долгу вежливости съездил к Макмиллану, — замечал Хрущев. — Тот не мог ни защищать позицию США, ни осуждать своего союзника и только доказывал, что мы слишком много потребовали: надо было принять во внимание положение президента, который не в состоянии извиняться публично... Мы любезно распрощались с Макмилланом. То была моя последняя встреча с ним. Потом я нанес визит генералу де Голлю... Я чувствовал, что де Голль больше сожалеет о случившемся»¹.

Хрущев даже не подозревал, насколько. 21 мая посол Франции в США Эрве Альфан записал в дневнике, что де Голль «плохо понимает, как такой великой страной, как Россия, может управлять столь вульгарный человек, который дает пресс-конференции в амбарах и на тротуарах, говорит, как извозчик, и пренебрегает собственным достоинством»². Похоже, имелась в виду импровизированная пресс-конференция, которую Хрущев устроил 17 мая прямо на тротуаре у посольства СССР на улице Гренель.

«На этом закончился наш медовый месяц в отношениях с Соединенными Штатами»³, — констатировал Хрущев.

Отношения США и СССР вновь резко обострились.

В сентябре 1960 года Хрущев во второй раз поехал в Нью-Йорк. На сей раз, естественно, уже без приглашения со стороны Эйзенхауэра — как глава советской делегации на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Человек, не искавший легких путей, Хрущев решил отправиться в Америку морем. Вместе со всей делегацией 9 сентября он погрузился в Калининградском порту на лайнер «Балтика», который до известных событий носил имя «Вячеслав Молотов»⁴. Путь занял десять дней, которые Хрущев провел,

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 590, 592.

² Цит. по: Корсакова Н. Л. Французская дипломатия и Кубинский кризис. М., 2006. С. 62.

³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 594.

⁴ Млечин Л. Хрущев. М., 2019. С. 381.

занимаясь делами, расслабляясь на палубе и потешаясь над членами делегации, страдавшими от морской болезни.

Американцы сделали все, чтобы продемонстрировать, насколько им неприятен визит Хрущева. Заранее уведомили, что советской делегации, включая главу партии и правительства, запрещается без специального разрешения покидать пределы даже не города Нью-Йорка, а его конкретного района — Манхэттена. В качестве места пребывания определили здание советской миссии при ООН.

Хрущев рвался в бой, намереваясь начать с самых злободневных вопросов, связанных с происками Соединенных Штатов и судьбами национально-освободительного движения.

Год 1960-й войдет в историю как год Африки, год триумфа национально-освободительных движений, которые с восторгом поддерживались Советским Союзом. Борьба против колониализма облегчалась тем обстоятельством, что европейские метрополии сдавали свои глобальные позиции, а обе сверхдержавы — СССР и США — по разным причинам выступали против колониализма. Впрочем, у Америки это получалось похуже. «Как бы Америка ни отмежевывалась от европейского колониализма, — признавал Киссинджер, — оказалось, что американских руководителей, к величайшему их огорчению, воспринимают в развивающихся странах как полезных вспомогательных помощников из империалистического лагеря, но не как настоящих партнеров»¹. Так что для Советского Союза это была крайне выигрышная тема.

В первое послевоенное десятилетие антиколониальные выступления в Африке еще жестоко подавлялись — восстание Мау-Мау в Кении, волнения во Французском Камеруне, в Нигерии или на Юге Африки. В 1957 году британцы создали первый прецедент, предоставив независимость своей самой развитой колонии — Золотому Берегу, переименованному в Гану, которую возглавил Кваме Нкрума. В 1960 году сразу 17 колоний обрели независимость, а ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Совещание коммунистических и рабочих партий в конце года отметит, что «крушение системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения пред-

¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 2021. С. 510.

ставляет собой второе по своему историческому значению после образования мировой социалистической системы явление в современном мире... Народы Советского Союза, неизменно поддерживающие национально-освободительное движение, считают своим интернациональным долгом оказывать всемерную моральную и материальную поддержку народам, борющимся за избавление от империалистического и колониального гнета, за независимое национальное развитие»¹.

Но Африка моментально превратилась в поле для «холодной войны». Первый конфликт произошел в Конго. Эта бывшая колония Бельгии получила независимость в июне 1960 года. Однако почти сразу сепаратистские силы, поддержанные из Брюсселя и других западных столиц, бросили вызов правительству Патриса Лумумбы и захватили контроль над провинцией Катанга. ООН направила в Конго миротворцев, но те не спешили поддерживать правительство Лумумбы, и он обратился за помощью к США и СССР. Вашингтон, подозревавший Лумумбу в прокоммунистических симпатиях, напротив, поддержал его соперников. Помощь же Москвы ограничилась поставками вооружения, продовольствия и медикаментов, которые вскоре прекратились после закрытия воздушного пространства над Конго по решению ООН. К сентябрю 1960 года ситуация в Конго обострилась до предела. Все стреляли во всех. Лумумба и его сторонники теряли одну позицию за другой. В этих условиях Хрущев готовил атаку на ООН и ее Генерального секретаря Дага Хаммаршельда, которого не без оснований считал проводником политики США.

Советский лидер намеревался поставить вопрос о Конго первым на Генассамблее. Эйзенхауэр не отказал в себе в удовольствии нанести иезуитский опережающий удар. «Балтика» с Хрущевым прибывала в Нью-Йорк 19 сентября, Генассамблея начинала работу 20-го. Американская делегация в ООН предложила провести предварительно еще одну, Чрезвычайную, сессию со следующей повесткой дня: прием новых членов в ООН и положение в Конго. Открыть ее решили 17 сентября.

Делегации, отправлявшиеся в ООН не столь экзотическим способом, как Хрущев, могли просто поменять свои авиаби-

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 3, М., 2015. С. 137.

леты. А пассажиры «Балтики» попали в западню. Им оставалось следить за ходом чрезвычайной сессии ООН по Конго по радио.

19 сентября «Балтика» подошла к одному из не самых комфортабельных причалов нью-йоркского порта. Никаких официальных лиц и ковровых дорожек, как годом раньше. У трапа встречали советские сотрудники ООН, жители нашей колонии. Впереди дети с букетами цветов и толпа корреспондентов.

«Недружественные проявления настраивали отца на боевой лад, — замечал Сергей Хрущев. — Он считал, что подобная реакция империалистов свидетельствует о том, что он занимает правильные позиции... На заседаниях Генеральной Ассамблеи отец не терял времени даром, активно участвовал в продолжавшейся две недели дискуссии, выступал с заявлениями, брал слово по процедурным вопросам, заявлял протесты. По его мнению, он вел себя, как заправский западный парламентарий».

История с ботинком сколь знаменита, столь и запутана. Я насчитал как минимум с десяток версий. Сергей Хрущев, предпринимавший специальные раскопки по этому вопросу, выяснил следующее.

Это был не ботинок, а сандалия.

Никаких кино- или фото-свидетельств стучащего по столу башмаком Хрущева не существует. Есть только фотография «Ассошиэйтед пресс». «На ней запечатлен спокойно сидящий на своем месте отец; вот только на попугае, как раз перед табличкой “Советский Союз”, лежит наделавшая столько шума коричневая сандалия».

Версия самого Никиты Сергеевича из его мемуаров — решил постучать туфлей по попугаю в знак протеста против выступления представителя фашистского франкистского режима — не подтверждается другими очевидцами. Сандалия появилась во время выступления филиппинского представителя, сравнившего социалистический лагерь с концлагерем, когда ирландский председательствующий Фредерик Боланд не обратил внимания на желание Хрущева сделать замечание по ведению заседания¹.

¹ Хрущев С. Н. Никита Хрущев. Рождение сверхдержавы. М., 2019. С. 342–345; 347–351.

Хрущев на Генассамблее произнес большую, как водится, речь о предоставлении независимости колониальным народам и о разоружении. Эйзенхауэр ограничился краткой речью, в основном посвященной помощи освободившимся от колониализма странам Африки, и лишь в двух словах затронул проблемы разоружения и освоения космоса.

Личные отношения между американским и советским лидерами достигли в то время столь высокого градуса неприязни, что Эйзенхауэр не просто отказался встретиться с Хрущевым. После безбожно раздутого прессой случая с ботинком он даже заявил госсекретарю Гертеру, что если бы обладал полной властью, «нанес бы удар по России, пока Хрущев находится в Нью-Йорке»¹.

Но удар, находясь в Нью-Йорке, пусть и ассиметричный, нанес сам Хрущев. Именно там он впервые встретился с лидером кубинской революции и самой знаковой фигурой в Латинской Америке.

С Фиделем Кастро.

¹ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 366.

Глава 2

КАСТРО

Революционер

Советский Союз долгое время мало интересовали латиноамериканские дела. «Когда говорят о том, что становление биполярной системы произошло в первые послевоенные годы, имеют в виду прежде всего Европу, — справедливо подчеркивают Печатнов и Манькин. — Оттуда этот процесс достаточно быстро, но не одновременно стал распространяться на другие регионы земного шара. В начале 50-х годов в зоне биполяризации оказался Дальний Восток, затем настала очередь Юго-Восточной Азии, стран Магриба и Ближнего Востока. Позднее, на рубеже 50–60-х годов, в сферу биполяризации попали Тропическая Африка и зона Карибского бассейна»¹.

Страны Латинской Америки впервые вступили на арену глобальной политики, когда большинство из них стали участниками антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

Вместе с США войну державам «оси» в декабре 1941 года объявили страны Центральной Америки и Эквадор, а позднее — Мексика, Бразилия, Боливия, Колумбия. Последней в войну вступила Аргентина, до февраля 1945 года поддерживавшая Германию. Бразильские войска воевали на итальянском фронте, мексиканская авиаэскадрилья участвовала в боях с Японией на Филиппинах и Тайване. Именно в тот период было положено начало военно-политическому союзу латиноамериканских государств с США, закреплённому созданием в 1942 г. Межамериканского совета обороны со штаб-квартирой в Вашингтоне. Из 50 первоначальных членов созданной в 1945 году ООН 20 представляли Латинскую Америку.

Война усилила и влияние левых сил. В Чили, Эквадоре, Коста-Рике, на Кубе коммунисты входили в правительства и были представлены в парламентах 12 стран. Это не могло не беспокоить США, которые предприняли энергичные усилия

¹ Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2018. С. 387–388.

к тому, чтобы развернуть Латинскую Америку вправо. В сентябре 1947 года Соединенные Штаты и двадцать стран континента подписали Межамериканский договор о взаимопомощи — договор Рио-де-Жанейро. Он был дополнен созданием на межамериканской конференции в Боготе в 1948 году политического союза в виде Организации американских государств (ОАГ), в числе задач которой было противодействие «коммунистической опасности».

В апреле 1947 года были удалены из правительства и репрессированы чилийские коммунисты. За этим последовало физическое преследование коммунистов по всей Латинской Америке — тысячи были арестованы и убиты. Репрессии привели к восстаниям и гражданским войнам в Колумбии, Парагвае, Коста-Рике; эти выступления были подавлены войсками. В результате поддержанных США военных переворотов в конце 1940-х — начале 50-х годов были установлены диктаторские режимы в Перу, Венесуэле, Панаме, Боливии, на Кубе. В 1954 году в Парагвае на 35 лет утвердилась диктатура генерала Стресснера.

Военные перевороты и диктатуры усиливали роль армии, антикоммунизм зашкаливал. К середине 50-х нормальные дипломатические отношения с СССР поддерживали только Мексика, Аргентина и Уругвай. Получила распространение теория «географического предопределения», согласно которому США являются лидером и путеводной звездой для всего Западного полушария, а советские происки обречены на неудачу.¹ ОАГ в Каракасской декларации 1954 года подтвердила одной из основных целей противодействие распространению коммунизма в Новом Свете². США буквально втаскивали страны континента в «холодную войну».

Однако солидарность с Вашингтоном была отнюдь не автоматической. Во время Корейской войны лишь Колумбия направила в Восточную Азию небольшой контингент. И многие латиноамериканские политики были возмущены, когда план Маршалла был предложен европейцам, а не южным соседям.

¹ Строганов А. И. Латинская Америка: Страницы истории XX века. М., 2011. С. 46.

² Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 469.

Континент становился заметным и в мировой экономике, хотя по большей части как источник сырья и продовольствия для Соединенных Штатов и поле деятельности транснациональных корпораций. В 1960 г. на долю США приходился 81% иностранных инвестиций в латиноамериканские страны, Британии — 13%. Бизнес-империя Рокфеллеров контролировала производство сахара и производство никеля на Кубе; Морганы — финансы, электроэнергетику, связь, производство сигар на той же Кубе, энергетику, телефонную сеть, медные рудники в Чили; Меллоны — чилийские железорудные месторождения и т.д. «Юнайтед фрут компани» владела миллионами акров лучших сельхозугодий на Кубе, в Гватемале, Гондурасе, Коста-Рике, Панаме, Эквадоре, Колумбии, Гаити, Никарагуа, Доминикане и Ямайке. Крупными акционерами «Юнайтед фрут» выступали и высшие руководители США, включая обоих братьев Даллесов — государственного секретаря и директора ЦРУ.

«Неудивительно, что любая попытка латиноамериканских государств поставить под свой контроль природные ресурсы и тем самым ограничить доходы иностранного капитала и нейтрализовать сотрудничавшие с ним местные политические силы приводила к общенациональным конфликтам, революциям и переворотам, в которых внешний фактор часто играл решающую роль»¹, — пишет латиноамериканист Евгений Александрович Ларин.

Когда в Гватемале к власти на выборах пришел леворадикальный политик полковник Хакобо Арбенс и был принят закон, по которому «Юнайтед фрут» потеряла 1,4 млн. акров земли, перешедших 138 тысячам крестьянских семей, США приравняли этот акт к объявлению войны. Правительство Арбенса было объявлено коммунистическим и представляющим угрозу континентальной безопасности. «В 1954 году мы раскрыли тайные транспорты оружия из Чехословакии в Гватемалу, — утверждал Аллен Даллес. — При этом суда были буквально набиты до отказа. Это был сигнал, и достаточно острый, что Советы оказывают массивную военную помощь коммунистическому режиму в латиноамериканской стране, расположенной недалеко от наших южных границ»². В соседних

¹ Всемирная история. Т. 6. Кн. 2. М., 2018. С. 405.

² Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. Р. 206.

Гондурасе и Никарагуа американцы организовали «армию освобождения» во главе с К. Кастильо Армасом, которая вторглась на территорию Гватемалы. Арбенс и его сторонники были вынуждены покинуть страну.

Национально-реформистские режимы, делавшие упор на внутреннее и суверенное развитие своих стран и покушавшиеся на собственность американских корпораций, тоже вызывали раздражение в Вашингтоне. Вскоре произошел переворот в Гондурасе, в затем и в Бразилии, где военные свергли правительство Варгаса. По схожему сценарию потерял власть в Аргентине в 1955 году Перон.

Но в целом для администрации Эйзенхауэра отношения со странами к югу от границ США не были основным приоритетом. Его биограф Стивен Амброс писал: «После 1954 года, когда ЦРУ поддержало свержение правительства Арбенса в Гватемале, Соединенные Штаты в большей или меньшей степени игнорировали Латинскую Америку, поскольку Эйзенхауэр и Даллес концентрировали свое внимание на Европе, Среднем Востоке и Азии. Администрация и в особенности ее эксперт по делам Латинской Америки Милтон Эйзенхауэр призывали к оказанию большей экономической помощи региону, но получить фонды на эти цели от Конгресса... было трудно»¹.

А в это время поддерживаемые США диктаторские режимы трещали под натиском левых сил. Пали проамериканские диктаторские режимы Одриа в Перу в 1956 году, Рохаса Панильи в Колумбии в 1957 году, Переса Хименеса в Венесуэле в 1958-м.

Отношение к США и американцам в Латинской Америке было довольно скверным. Как напишет один известный американский журналист, «они ненавидели нас, потому что платили за займы, полученные от нас; потому что частные инвесторы из США делали их зависимыми от нас, выводили баснословные прибыли и нечестно конкурировали с их компаниями; потому что их бедные вырастали в ненависти к своим богатым, а поскольку США были богаты, то ненавидели и нас; потому что мы требовали реформ, которые были ненавистны богатым, и они испытывали к нам те же чувства»².

¹ Амброс С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 445.

² Martin E. Kennedy and Latin America. Lanham (N.Y.), 1994. P. 5–6.

Настала пора и для Кубы, где американцы чувствовали себя почти как дома при диктаторе Фульхенсио Батисте. Куба была страной одной экспортной культуры — сахара. Она производила 5,5 млн тонн сахара, 40% производства принадлежало американцам.

28 предприятий сахарной отрасли владели 153 тысячами кабальерий земли (1 кабальерия равняется 13,4 га), или 22,5% всех обрабатываемых площадей на острове. Еще 10,7% — 73 тысячи кабальерий — приходилось на сорок скотопромышленников. Всего же 68 компаний и физических лиц владели 10% всей территории Кубы и 53% земель, годных для обработки. Остальные земли не использовались. Крупнейшие латифундисты и головные офисы их компаний находились в Нью-Йорке.

Экономика Кубы сводилась, таким образом, к экспорту сахара и импорту всего остального из США. Даже бананов: кубинские бананы вывозились компанией «Юнайтед фрут» в США, а на Кубу той же компанией, но втрое дороже поставлялись бананы из Гватемалы. Более 70% говядины и 60% зерновых также закупали США. Для сохранения монокультурности американцы закупали сахар по цене выше мировой — это делало невыгодными другие виды производства. К 1959 году на США приходилось 71,4% экспорта Кубы¹.

Впрочем, существовали и другие виды бизнеса, связанные с развлечением американцев — игорная индустрия, публичные дома. Можно вспомнить эпизод из «Крестного отца», когда дон Корлеоне за ночь оставил в одном из казино Гаваны миллион долларов. Американские инвесторы также владели на острове коммунальными предприятиями, большинством нефтеочистительных заводов.

Главным образом благодаря прямым американским инвестициям Куба стояла на втором месте по показателю уровня жизни среди стран Латинской Америки. По уровню грамотности она вообще была впереди всех².

Фидель Алехандро Кастро Рус родился 13 августа 1926 года (или 1927 года) в семье эмигранта из Испании Анхеля Кастро Руса. Рядовой земледелец, тот постепенно разбогател, стал

¹ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 248–250.

² Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., 2016. С. 26.

скупать окрестные земли, создал на них плантацию сахарного тростника — одну из самых крупных в провинции Орьенте.

Мать Фиделя Лина Рус Гонсалес поначалу работала у него кухаркой. Систематического образования ни отец, ни мать не получили. Родители сочетались законным браком, когда Лина родила ему пятого ребенка (всего у них будет семеро детей). Причина столь затянувшегося романа без брака заключалась в том, что Анхель уже был женат, а первая супруга долго не давала ему развод.

Фидель рос в прекрасном доме в большой семье. Разночтения в годе появления на свет маленького Фиделя объяснялись тем, что родители, желая отправить сына поскорее в приходскую школу, приписали ему один год, и его приняли учиться не в шесть, а в пять лет. Так что по документам он был 1926 года рождения, а на самом деле 1927-го. Хотя Фидель и был младше одноклассников, вскоре он стал одним из лучших учеников. Увлекался спортом, стал неплохим бейсболистом. Его отличали фотографическая память, целеустремленность, амбициозность и склонность к протесту. Говорили, что в тринадцатилетнем возрасте он примкнул к работникам плантации его отца, когда те забастовали.

Школу Кастро закончил с отличием и в 1941 году поступил в престижный иезуитский колледж Белен, где отметился бунтарским нравом и участием во всех студенческих драках. Продолжил обучение Фидель в 1945 году на юридическом факультете Гаванского университета, где помимо учебной литературы увлекся книгами об истории освободительного движения в Латинской Америке и трудами Хосе Марти. Хотя читал и Ленина, Сталина, Троцкого, Муссолини и Гитлера. Марксизм-ленинизм его тогда интересовал мало.

Университетский диплом Фидель получил в 1950 году, и занялся частной юридической практикой, заслужив вскоре известность «народного адвоката»: он давал правовые консультации бесплатно тем, кто не мог себе их позволить. Политическую карьеру Фидель начал в Партии кубинского народа («Ортодоксов») и даже попытался стать ее кандидатом на выборах в парламент. Но добиться выдвижения не смог: руководство партии сочло его взгляды чересчур радикальными.

11 марта 1952 года на Кубе произошел военный переворот, и власть захватил Батиста. Законодательная власть перешла к совету министров, парламентаризм стал неактуален.

Кастро подготовил иск в гаванский суд против Батисты с обвинениями за нарушение конституции и захват власти. В ходе разбирательства Фидель заявил:

— Логика подсказывает мне, что если существует правосудие, Батиста должен понести наказание. И если Батиста не наказан, а остается хозяином государства, президентом, премьер-министром, сенатором, генералом, военным и гражданским начальником, исполнительной властью и законодательной властью, владельцем жизней и состояний, значит, правосудия не существует... Если это так, заявите об этом открыто, снимите ваши мантии, подайте в отставку¹.

Суд, естественно, не подал в отставку, а отклонил иск.

Известный британский историк Эрик Хобсбаум считал: «Фидель Кастро был достаточно типичной политической фигурой для Латинской Америки: сильный, харизматичный молодой человек из хорошей землевладельческой семьи, с неопределенной политической программой, но готовый личным примером подтвердить свою верность борьбе с тиранией. Даже его лозунги (“Родина или смерть”, первоначально “Свобода или смерть”, и “Мы победим”) напоминают лозунги более раннего периода антиколониальной борьбы: броские, но неопределенные»².

Партия «Ортодоксов» распалась. Фидель вступил на путь революционной борьбы с режимом Батисты. Группировавшаяся вокруг 26-летнего адвоката молодежь организовала несколько повстанческих групп, которые 26 июля 1953 года совершили атаку на казармы Монкада в Сантьяго-де-Куба и казарму в Баямо в надежде дать толчок общенациональному восстанию. Нападение провалилось, многие участники штурма погибли. Фиделя арестовали и посадили в тюрьму города Бониатико, в одиночную камеру. Военный трибунал проходил с 21 сентября в здании Дворца правосудия, где Фидель и произнес знаменитую речь на три с половиной часа, в которой клеймил режим Батисты и призывал народ к вооруженной борьбе против тирании:

¹ Гайдар Т. А. Грозы на юге. Репортажи о революции. М., 1984. С. 23–24.

² Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2020. С. 493–494.

— Что касается меня, я знаю, что тюрьма будет для меня тяжелым испытанием, каким не была никогда ни для кого другого. Она полна для меня угроз, низкой и трусливой жестокости. Но я не боюсь тюрьмы, так же как не боюсь ярости презренного тирана, который отнял жизнь моих 70 братьев! Вынесите ваш приговор! Он не имеет значения! История меня оправдает!¹

Кастро получил 15 лет тюремного заключения. Но в тюрьме он пробыл только 22 месяца. Под давлением кубинской и международной общественности, в том числе американского посла, заговорщики были амнистированы.

Кастро эмигрировал в Мексику. Там он нашел немало единомышленников. Среди них был аргентинский врач Эрнесто Че Гевара, бежавший в Мексику из Гватемалы после свержения Арбенса. «Мне пришлось покинуть эту страну, переживая горечь поражения, испытывая боль вместе со всеми гватемальцами, надеясь и стараясь найти способ переделать судьбу этой охваченной горем страны, — напишет Че Гевара. — Фидель тоже прибыл в Мексику в поисках нейтральной почвы для подготовки своих людей к большому делу. Позади остался внутренний раскол, возникший после нападения на казарму Монкада, когда откололись все малодушные, те, кто по той или иной причине присоединились к политическим партиям или революционным группам, обязывавшим их членов к меньшим жертвам. Новые силы вливались в славные ряды “Движения 26 июля”, получившего свое название в честь даты нападения на казарму Монкада в 1953 году. Начиналась труднейшая работа для тех, кто должен был подготовить этих людей в условиях неизбежного в Мексике подполья, противостоя мексиканскому правительству, агентам американского ФБР и агентам Батисты...

Опираясь на маленькую группу близких друзей, Фидель Кастро вложил все свои способности и необычайное трудолюбие в подготовку вооруженного отряда для отправки на Кубу... Мы начали постигать искусство стрельбы, и среди нас появились снайперы. Подыскав ферму в Мехико, мы под руководством генерала Байо (я в то время занимался подбором кадров) приступили к последним тренировкам, рассчитывая отправиться в путь в марте 1956 года. Однако в то время две мексиканские

¹ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 132.

полицейские организации, которые находились на содержании у Батисты, охотились за Фиделем Кастро. Одна из них добилась успеха, задержав его».

Несколько дней спустя были схвачены многие другие его соратники. Они провели в заключении два месяца, но все же были освобождены.

«С этого момента началась лихорадочная деятельность, — рассказывал Че. — “Гранма” была подготовлена к выходу чрезвычайно быстро: съестные припасы, которые, по правде говоря, удалось достать в небольшом количестве, были свалены грудями вперемешку с обмундированием, винтовками, амуницией и двумя противотанковыми ружьями, к которым почти не было патронов. Наконец 25 ноября 1956 года в два часа ночи мы приступили к выполнению того, о чем говорил Фидель и что стало поводом для издевок в проправительственной печати.

— В 1956 году мы станем свободными или мучениками, — заявил он»¹.

Итак, в ночь на 25 ноября 1956 года отряд Фиделя отплыл из мексиканского порта Туспан на яхте «Гранма» («Бабушка»), рассчитанной на 9 пассажиров. На борту было 82 смельчака, 2 противотанковых пулемета, 90 винтовок, 3 автомата, пистолеты, боеприпасы и продовольствие. Среди участников акции были брат Фиделя Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара и еще четыре иностранца — итальянец, мексиканец, гватемалец и доминиканец. Они должны были извне поддержать восстание, которое их соратники готовились поднять в провинции Орьенте.

На «Гранме» не знали, что к тому моменту, когда судно прокралось к берегам Кубы, восстание соратников на острове было уже подавлено, а на берегу пассажиров яхты ждала засада. Высаживаться пришлось в совсем не запланированном месте — около устья реки Белик, где они попали в большое болото с мангровыми зарослями. Именно болото спасло повстанцев от преследователей.

Че Гевара продолжал рассказ: «Какое-то каботажное судно заметило нас и сообщило по радио о своей находке батистовцам. Едва мы успели покинуть яхту, захватив с собой в боль-

¹ Че Гевара Э. Эпизоды революционной борьбы. М., 2022. С. 154–156.

шой спешке лишь самое необходимое, и забраться в болото, как над нами появилась вражеская авиация. Поскольку болото, по которому мы шли, было покрыто мангровыми зарослями, летчики противника, конечно, не обнаружили нас, но армия диктатуры уже шла по нашим следам...

Нам понадобилось несколько часов, чтобы выбраться из болота, в которое нас завели неопытность и безответственность одного из товарищей, назвавшегося знатоком здешних мест. И вот мы уже на твердой земле, заблудившиеся, спотыкающиеся от усталости и представляющие собой армию призраков, движущихся по воле какого-то механизма. К семи дням постоянного голода и морской болезни добавились три ужасных дня на суше. Ровно десять дней спустя после отплытия из Мексики, на рассвете 5 декабря, после ночного марша, прерывавшегося обмороками от усталости и привалами, мы добрались до места, название которого звучало как насмешка — Алегрия-де-Пио (Святая радость). Это был небольшой островок низкорослого кустарника, охваченный с одной стороны плантацией сахарного тростника, а с другой — несколькими полянками, за которыми начинался густой лес»¹.

До убежища, где можно было укрыться — гор Сьерра-Маэстра — сорок километров. Их разыскивали больше тысячи солдат правительственных войск, летавшие на бреющем полете самолеты. Группами по 2–3 человека с боями повстанцы пробивались к горам.

До условленного места — затерявшейся в горах усадьбы Кресенсио Переса, одного из организаторов «Движения 26 июля» — добрались лишь 22 революционера, остальные погибли или оказались в плену. Среди уцелевших были будущие лидеры освобожденной Кубы: Фидель и Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара, Камило Сьенфуэгос, Рамиро Вальдес, Хуан Альмейда. На всех было два автомата. Регулярная армия Батисты насчитывала 30 тысяч бойцов.

Кубинская пресса и американские информагентства сообщили о разгроме отряда мятежников и гибели Фиделя Кастро. Однако постепенно молва стала доносить сведения о все более активных партизанских вылазках в Сьерра-Маэстра. Фидель

¹ Че Гевара Э. Эпизоды революционной борьбы. М., 2022. С. 158.

с его неизменной снайперской винтовкой оказывался в первых рядах при военных вылазках.

«В течение всего периода, начиная с момента высадки с “Гранмы” и последующего поражения в бою при Алегрия-де-Пио и кончая боем при Уверо, повстанческие силы состояли лишь из одной партизанской группы, руководимой Фиделем Кастро, и мы были вынуждены находиться в постоянном движении, — писал Че. — Этот период можно было бы назвать “кочевым”.

Между 2 декабря и 28 мая (день, когда произошел бой при Уверо) начинают понемногу налаживаться наши связи с городскими подпольными организациями... К концу первого года борьбы в стране назревало всеобщее восстание. На фабриках и заводах совершались акты саботажа... Повстанческая армия достаточно окрепла в организационном отношении и располагала простейшей системой службы продовольственного снабжения, небольшими кустарными мастерскими по изготовлению самых необходимых вещей; были созданы полевые госпитали и налажена связь»¹.

К отряду стали примыкать все новые добровольцы. Местное население испытывало к ним растущую симпатию, помогая продуктами, предупреждая о приближении правительственных войск. Лозунг повстанцев — «Воюем не против армии, а против Батисты» — помогал переманивать на свою сторону и солдат режима.

«Нам благоприятствовало, во-первых, то, что враги нас вначале не принимали всерьез; во-вторых, многие люди думали, что мы просто романтики и что мы идем на верную смерть; в-третьих, кое-кто думал, что нами движет тщеславие; в-четвертых, существовало мнение, что наша группа революционных руководителей — проводники консервативных или нерадикальных идей»², — скажет Фидель Кастро.

Ширились ряды «Движения 26 июля», куда массово вступали и безработные, и землевладельцы. Репрессии режима Батисты только множили ряды сопротивления.

Сторонники Кастро за рубежом, в США, странах Центральной Америки, помогали деньгами и оружием. В марте 1958 года

¹ Че Гевара Э. Эпизоды революционной борьбы. М., 2022. С. 299.

² Всемирная история. Т. 6. Кн. 2. М., 2018. С. 411.

самолет из Коста-Рики доставил отряд бойцов во главе с Педро Миретом и оружием, после чего Фидель радостно заявил: — Теперь мы действительно выиграли войну!

Борьбу повстанцев в Сьерра-Маэстро поддержали лидеры победившей 23 января 1958 года венесуэльской революции. 6 декабря того же года аэродром в Сьерре принял самолет с грузом из Венесуэлы, что немало помогло в решающем наступлении на силы Батисты¹.

Руководство кубинских коммунистов — Социалистической народной партии (СНП) — поначалу весьма скептически отнеслось к затее Кастро, полагая, что революция должна произойти в результате восстания городского рабочего класса, и явно недооценивая самого Фиделя. Да и Фидель не нуждался ни в партии, ни в чьем-то идеологическом руководстве. Однако, когда стало ясно, что движение захватило воображение кубинцев и успешно расшатывает режим Батисты, кубинские коммунисты перешли на сторону Фиделя. Тем более что Рауль Кастро и Че Гевара по своим взглядам были весьма близки к коммунистам.

Помощь Соединенных Штатов своему преданному союзнику Батисте особого результата не приносила. Да и тактика повстанцев, избегавших антиамериканских призывов, не давала Вашингтону серьезных поводов для срочного вмешательства. Кастро — и как человек, и как политический феномен — был непонятен и американцам.

По рекомендации Аллена Даллеса, который полагал, что Батиста скомпрометировал себя и смена власти на Кубе может быть полезной, Эйзенхауэр отозвал поддерживавшего Батисту посла Артура Гарднера и заменил его в 1957 году Эрлом Смитом, бизнесменом, связанным как с Госдепартаментом, так и с ЦРУ. Он информировал Даллеса, что американские власти, включая и ЦРУ, недооценивают опасность движения против Батисты, которого считал «нашим человеком в Гаване».

По мере успехов повстанческого движения Фиделем всерьез заинтересовались в США. К нему был послан американский

¹ Хейфец Л. С., Хейфец В. Л. Традиция интернационализма в идеологии и практике кубинской революции // Звезда Че Гевары. История кубинских интернационалистов / Авт. — сост. А. И. Колпакиди. М., 2021. С. 58.

журналист Герберт Мэтьюз, получивший личное задание Даллеса изучить Кастро как личность, его политическую ориентацию, боевые возможности его партизанских отрядов. Во время встречи в лагере в горах Сьерра-Маэстра Кастро заверил Мэтьюза в своей приверженности демократическим традициям США, уважении к американскому президенту, который, по его словам, горячо поддержал бы партизан, если бы знал их добрые намерения. Интервью появилось в газете «Нью-Йорк таймс» под заголовком «Кастро все еще жив».

В своем подробном отчете Даллесу Мэтьюз утверждал, что Кастро поддерживает значительная часть кубинского народа и приход его к власти — популярного руководителя и союзника США — вполне вероятен. Помощи кубинскому партизанскому движению ЦРУ решило не оказывать, но со скрытым сочувствием наблюдало за борьбой Фиделя¹.

Весной 1957 года на Кубу отправилась группа аналитиков во главе с высокопоставленным сотрудником ЦРУ Лайманом Киркпатриком. К концу своей миссии, пообщавшись с десятками представителей кубинской элиты, аналитики как бы в шутку задавали себе вопрос: «Здесь кто-нибудь поддерживает Батисту?».

Сотрудники ЦРУ встречались с потенциальными лидерами, которые могли бы установить на Кубе новый режим «без Батисты и без Кастро». Но эти усилия не увенчались успехом.

Заместитель госсекретаря по вопросам межамериканских отношений Рой Ричард Руботтом сетовал 31 декабря 1958 года на закрытом заседании сенатского комитета по международным делам:

— Трудно было поверить, что один только Кастро, одно только «Движение 26 июля» могут взять власть в свои руки².

В тот день командующий кубинскими правительственными войсками генерал Франсиско Табернилья доложил Батисте, что армия вышла из-под контроля.

С двенадцатым ударом часов 1 января 1959 года Батиста и все высшие чиновники его режима бежали в Доминикан-

¹ Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Аллен Даллес. М., 2021. С. 291–292.

² Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 23–24.

скую Республику. Фидель Кастро вступил в Сантьяго-де-Куба во главе колонны № 1, носившей имя Хосе Марти, и с балкона муниципалитета перед сквером Сеспедеса объявил о победе революции.

Лидер

Второго января Фидель направился в Гавану во главе теперь уже многочисленного Каравана Свободы. Это триумфальное шествие отряда «бородачей» (барбудос) до столицы для Фиделя был крайне утомительным: в каждом населенном пункте требовали его выступления. И он говорил, надрывая уже севшее горло.

Третьего января было объявлено о вступлении в должность временного президента Кубы либерала Мануэля Уррутия Льео, а на следующий день сформировано Временное революционное правительство во главе с Хосе Миро Кардоной.

Наконец 8 января приветствуемый толпами народа Караван прибыл в Гавану, и Фидель произнес:

— Кубинцы, я принес вам свободу!¹

«Победа повстанческой армии искренне воспринималась большинством кубинцев как начало эпохи освобождения и безграничных возможностей, которые воплотит молодой командующий. Наверное, ни у одного политического лидера двадцатого века (а двадцатый век видел немало боготворимых массами вождей) не бывало таких благодарных и верных слушателей, как у этого высокого, бородатого, рассеянного человека в мятой униформе, который мог часами делиться своими путанными мыслями с внимательной и снисходительной аудиторией (включая автора этих строк). Революция наконец-то переживалась как всеобщий праздник»², — писал Хобсбаум.

Соединенные Штаты вместе с другими странами Америки признали новый режим. США это сделали уже 7 января 1959 года. 10 января подал в отставку американский посол на Кубе Эрл Смит. Уже в январе под давлением кубинских властей и общественности американцы были вынуждены вывести с острова свою военную миссию³.

¹ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 232–236.

² Хобсбаум Э. Эпоха крайностей... М., 2020. С. 494–495.

³ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 240.

В середине января Кастро легализовал на Кубе коммунистическую партию, а затем занялся ликвидацией всех старых органов власти (включая армию и полицию) методами революционной законности. Пособников Батисты ждал суд. Около пятисот из них были расстреляны в январе-марте 1959 года. Это рассматривалось справедливым возмездием народа, потерявшего 20 тысяч своих сыновей за годы диктатуры. По данным соцопросов, в январе 1959 года 93% кубинского населения выступали за казни и наказания сторонников Батисты¹.

Методы революционной законности вызвали сильное возмущение в Соединенных Штатах. Кастро ответил 21 января на митинге в Гаване, впервые собравшем около миллиона человек, среди которых были и четыре сотни иностранных корреспондентов:

— Никто в США не поднимал голоса в защиту жертв, даже когда палачи Батисты врываются в иностранные посольства, чтобы расстрелять очередную группу патриотов. Кампания против Кубы поднимается потому, что она хочет быть свободной. Господа представители дипломатического корпуса, господа журналисты всех стран американского континента, суд в составе миллиона кубинцев, принадлежащих к различным социальным слоям и придерживающихся различных взглядов, я высказал свое мнение².

А 23 января Кастро направился в первое зарубежное турне. И не в США, как всегда делали до этого латиноамериканские правители, а в Колумбию и Венесуэлу, где его приветствовали восторженные толпы.

Кастро поначалу не занял никакого правительственного поста, его устраивали органы власти во главе с видными либералами, ранее находившимися в оппозиции. Однако его взгляды становились все более ясными по характеру начавшихся реформ: была резко снижена плата за жилье, электричество, медицинское обслуживание. Развернулась кампания за аграрную реформу и национализацию зарубежной собственности.

Премьер-министр Кардона, выступавший против стремительного проведения реформ, 13 февраля демонстративно покинул свой пост и отправился в США, где стал одним из самых

¹ Тайбо П. П. Гевара по прозвищу Че. М., 2000. С. 350.

² Леонов Н. С., Бородаев В. А. Фидель Кастро: Политическая биография. М., 1999. С. 204.

непримиримых противников Фиделя. 16 февраля на пост премьера был назначен Фидель Кастро.

Перед его правительством встал комплекс сложнейших задач, прежде всего экономических. Началось все с мощнейшего оттока капитала: казну вывез Батиста, вывели свои деньги многие иностранные компании и успевшие сбежать в США сторонники режима Батисты. Начал замирать туризм, сворачивались казино и бордели.

Правительство Кастро оказалось вынуждено ввести строгий контроль над валютными операциями, чтобы приостановить утечку долларов и золотых запасов. Был создан Национальный банк, во главе которого Фидель поставил Че Гевару, который одновременно отвечал за вопросы экономики, финансов и торговли. Именно он стал главным идеологом политики освобождения от американского экономического диктата¹.

В течение первых недель после победы Кубинской революции администрация Эйзенхауэра не представляла, как строить отношения с Кастро.

В начале марта 1959 года Аллен Даллес доложил Эйзенхауэру свой план, предусматривавший свержение правительства Кастро — проведение «повстанческими силами» рейдов с целью разрушения инфраструктуры и убийства ответственных чиновников, создание антикастровских партизанских отрядов. Эйзенхауэр дал Даллесу санкцию на подготовку конкретной директивы о способах тайного проникновения эмигрантов на территорию Кубы с перспективой подготовки антиправительственного восстания. Операция получила наименование «Плутон». Даллесу докладывали, что в кубинских горах действуют партизанские отряды, и он распорядился об оказании им максимальной помощи. Оказалось, однако, что сведения были или сильным преувеличением, или просто обманом².

Одновременно Государственный департамент рекомендовал привлечь сверхпопулярного в Латинской Америке и в самих США лидера на сторону Вашингтона³.

¹ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 241, 250–251.

² Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Аллен Даллес. М., 2021. С. 295.

³ Фурсенко А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева: тайная история противника Америки. М., 2018. С. 335.

Кастро не только нарушил давнюю «антильскую традицию», совершив первую заграничную поездку не в Соединенные Штаты. В США он приехал не по официальной линии, а по приглашению Американской гильдии издателей¹.

Кубинская делегация вылетела в США вечером 15 апреля 1959 года. Первым пунктом назначения был Вашингтон. В полдень 16 апреля у Фиделя была намечена встреча в отеле «Статлер Хилтон» с госсекретарем США Кристианом Гертером. Под окнами гостиницы собралась восторженная толпа в несколько сот человек, не меньше, чем та, что скандировала имя Фиделя в аэропорту.

17 апреля состоялась встреча с членами комитета по международным делам Сената. В тот же день Кастро выступил перед «капитанами» североамериканской прессы, по приглашению которых прибыл в США.

Фидель Кастро прекрасно знал, что в глазах американцев любой латиноамериканский лидер приемлем или неприемлем в зависимости от отношения не к демократии, а к СССР и коммунизму. Конгрессмен-демократ Чарльз Портер поинтересовался, правда ли, что солдаты на Кубе изучают марксизм. Этот вопрос буквально завел Кастро:

— Неужели вы в это верите? Это моя армия. Я создал ее из ничего, я ею командую. Думаете, я не забил бы тревогу первым, если бы увидел, как другая сила отбирает ее у меня?²

В ходе встреч Кастро разными словами давал один и тот же по смыслу ответ:

— Мы против любых форм диктатуры. Вот почему мы — против коммунизма³.

Кастро посетил мемориал Джорджа Вашингтона. Он назвал его «человеком, посвятившим жизнь работе и знаниям», чья «честность и разумная система жизни» заслуживают восхищения. Он возложил венки к памятникам президентам Аврааму Линкольну и Томасу Джефферсону и на могилу Неизвестного Солдата на Арлингтонском кладбище.

В студии канала Эн-би-си, куда Фиделя Кастро пригласили для участия в популярной передаче «Встреча с прессой», его ждал жесткий прием, но он без особых проблем отбился.

¹ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 258, 259.

² The New York Times. April 21, 1959.

³ Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 27.

После этого Кастро в частном порядке направился к вице-президенту Ричарду Никсону. Подробности их встречи, которая длилась два с половиной часа, пресса так и не узнала. Кастро был доволен тем, как она прошла. Никсон позволил ему выговориться: «Я нарисовал ему социально-экономическую ситуацию на Кубе, рассказал о бедности, неравенстве, сотнях тысяч безработных, безземельных крестьянах, о тех мерах, которые нам приходится принимать, чтобы разрешить эту ситуацию, — и Никсон слушал, ничего не говоря и ничего не записывая на бумаге»¹. Никсон охарактеризовал его как антикоммуниста, общавшегося с Социалистической народной партией только по наивности². Но как человека опасного.

Эйзенхауэр последовал советам «не иметь дело с барбудос». Встрече с Фиделем президент предпочел турнир по гольфу в Джорджии.

После пресс-конференции в Вашингтонском пресс-клубе 20 апреля, когда он обещал не конфисковывать американскую собственность, Кастро начал путешествие по американским городам. В Нью-Йорке Фиделя принимал Колумбийский университет. Студенты были настолько очарованы этим «бородачом в оливковом френче», что подняли на плечи и пронесли вокруг всего университетского кампуса. Кастро пообщался с мэром города Робертом Вагнером, очаровал ассоциацию женщин-адвокатов Нью-Йорка, побывал в Совете по международным делам и выступил на многотысячном митинге в нью-йоркском Центральном парке. 24 апреля открыл торги на Нью-Йоркской бирже кофе и сахара. Встретился с членами ассоциации иностранных корреспондентов и с генсеком ООН Хаммершельдом.

Из Нью-Йорка Фидель на поезде отправился в Бостон, где его ждала еще одна встреча с профессорами и студентами — в Гарвардском университете. Фидель заявил, что до сих пор жалеет, что поступил не в Гарвард, а в Гаванский университет. На что Макджордж Банди, декан факультета наук и искусств, пригласивший Фиделя выступить в университете, с улыбкой

¹ Blight J., Allyn B., Welch D. Cuba on the Brink: Castro, the Missile Crisis, and the Soviet Collapse. N.Y., 1993. P. 178.

² Фурсенко А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева... М., 2018. С. 335

заметил, что учиться никогда не поздно. Вскоре их судьбы пересекутся, когда Банди станет помощником президента Кеннеди по национальной безопасности.

Вождь индейцев племени криков раскурил с Фиделем трубку мира и от имени своих сородичей присвоил ему боевое звание «Великий вождь воинов». 27 апреля Фидель прибыл в последний пункт своего путешествия — в Хьюстон.

Вне всякого сомнения, он очаровал большинство собеседников, произведя настоящий фурор¹. Он был звездой. Но не для официального Вашингтона.

После его отъезда заместитель госсекретаря Руботтом проанализировал итоги визита. Да, Фидель очень старался рассеять подозрения в своей просоветской ориентации, отрицал свою связь с коммунизмом и коммунистами. Но Руботтом ему не верил. В его голове курс на независимость был несовместим с возможным сотрудничеством с коммунистами — сторонниками ориентации на СССР².

«Тогда, в апреле 1959 года, Фидель на самом американском верху так и не был услышан, — замечает его биограф Максим Макарычев. — Именно после этого визита, когда Фидель лично убедился в высокомерии тамошнего истеблишмента, в нежелании Белого дома даже не сотрудничать, а просто общаться с ним, Северная Америка начала “окончательно терять Кубу”»³.

Турне Фиделя по США не понравилось и его ближайшим сподвижникам. Рауль Кастро и Че Гевара ясно сказали Фиделю, что им не по душе его реверансы в сторону Вашингтона и антикоммунистическая риторика. Конечно, Фидель не был марксистом, он был скорее первым фиделистом, который считал себя воплощением народа Кубы и наследником Симона Боливара, лидера войны за независимость латиноамериканских стран в начале XIX века. Рауль какое-то время даже подумывал о расколе движения, добиваясь включения коммунистов в правительство. Че Гевара грозил уехать с Кубы, если Фидель не изменит своих взглядов⁴.

¹ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 258–272.

² Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 39

³ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 272.

⁴ Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 38–40.

Впрочем, опасения соратников были напрасными. Соединенные Штаты своей реакцией на политику Фиделя сделали все, чтобы он встал на коммунистические позиции.

Важнейшим шагом правительства Фиделя Кастро стал Закон об аграрной реформе, принятый 17 мая 1959 года. Большинство латифундий было национализировано, а земля передана крестьянам в бессрочное и безвозмездное пользование. Каждая крестьянская семья обрела «жизненный минимум» земли в размере около 27 гектаров. Полностью запрещалось владение земли иностранцами, прежним собственникам выплачивалась компенсация — облигациями государственного казначейства со сроком погашения в течение 20 лет с 4,5% годовых. Всего были экспропрированы два миллиона акров земли, принадлежавших американцам¹. Реакция Соединенных Штатов была яростной.

В июне в США бежал Педро Луис Диас Ланс, командующий военно-воздушными силами Кубы. Он первым уведомил американцев, что Рауль Кастро хочет набрать испанских коммунистов для работы в армии.² Это подлило масла в огонь антикубинских настроений в США едва ли не больше, чем аграрная реформа.

Аллен Даллес объяснял «главную ошибку» Фиделя: «Кастро, когда захватил власть на Кубе, не обращался к нам за помощью, чтобы не допустить на остров коммунистов: он сам привел их туда. Подобные кризисы доказывают опасность медленной инфильтрации коммунистов и их сторонников в правительство какой-либо страны, поскольку такой инфицированный кабинет министров, конечно же, сделает все возможное, чтобы воспрепятствовать внешним силам вмешаться во внутренние дела государства с целью устранить влияние коммунистов»³.

На самом деле все обстояло еще проще. Как справедливо замечали Печатнов и Манькин, «для политической элиты США был абсолютно неприемлем сам факт существования в бывшей “банановой республике” правительства, проводящего независимый от Америки политический курс»⁴.

¹ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 252, 272–275.

² Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 56.

³ Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 364–365.

⁴ Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. М., 2018. С. 394.

В Вашингтоне решили, что настало время действовать.

«Классический американский ответ на радикализм в Латинской Америке всегда заключался в направлении на место событий морских пехотинцев — вариант, который Эйзенхауэр не стал даже рассматривать, так как, во-первых, Кастро пользовался большой популярностью не только на Кубе, но и во всей Латинской Америке и даже в самих Соединенных Штатах, и во-вторых, опасаясь нежелательного воздействия такой акции на мировое общественное мнение. В любом случае ЦРУ предоставило ему альтернативный вариант без использования морских пехотинцев»¹, — писал Амброз.

Солдат по натуре, Эйзенхауэр недолюбливал методы спецслужб, но прибегал к ним, как в Иране или Гватемале. Заботясь только, чтобы они не компрометировали его лично. Эйзенхауэр дал «добро» на реализацию операции «Плутон»².

Американцы с лета стали также оказывать давление на Кубу через региональные организации. Президент Никарагуа Сомоса потребовал созыва сессии ОАГ для обсуждения кубинского вопроса под предлогом того, что правительство Кастро сочло себя не связанным договором Рио-де-Жанейро. Ряд латиноамериканских стран охотно представил свою территорию для подготовки сил вторжения на Кубу — Никарагуа, Доминиканская Республика, Сальвадор, Парагвай. Из числа осевших в США кубинских эмигрантов под руководством инструкторов из ЦРУ стали готовиться боевые и диверсионные отряды.³

Одновременно начались меры по экономическому удушению Острова Свободы, как повсеместно стали называть Кубу. 5 июня кубинское правительство направило телеграмму министру сельского хозяйства США Бенсону с предложением закупить в 1961 году 8 млн тонн сахара по цене четыре цента за фунт. И вообще Куба готова продать в США столько сахара, сколько им нужно. 10 июня Вашингтон с порога отверг это предложение. 12 июня посол США на Кубе вручил ноту с негодованием по поводу недостаточного размера компенсации гражданам США за потерянную ими в ходе аграрной реформы

¹ Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 446.

² Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 346–347.

³ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 282–283.

собственность. В ответной ноте 15 июня правительство Кубы заявило, что «не принимает и не примет никакого указания или предложения, направленного хоть на малейшее ущемление суверенитета и национального достоинства».

Второго июля Фидель повторил по телевидению:

— Куба никогда не допустит абсолютно ничего, что наносило бы ущерб ее суверенитету и достоинству, и никакой народ, никакая организация не имеют права вмешиваться во внутренние дела нашей родины.

А в американском Конгрессе впервые был поднят вопрос о «наказании Кубы». Сенатор Линдон Джонсон, будущий вице-президент и президент США, предложил поправку, предусматривающую запрет на предоставление какой-либо помощи Кубе в наказание за конфискацию земельной собственности американских граждан и компаний. Сторонники и противники предложения разделились почти поровну, но поправка была отклонена.

Новый правительственный кризис на Кубе привел к тому, что 11 июля правительство покинуло пять министров, вскоре уехавших в США. Президент Уррутиа демонстративно прекратил посещать заседания кабинета, стал задерживать подписание законов и резолюций.

17 июля Фидель выступил по радио и телевидению с заявлением о том, что подает в отставку. Куба вышла на улицы с лозунгами: «С Фиделем до конца!», «Долой Уррутиа! Да здравствует Фидель!». Массовые шествия и митинги июля 1959 года выдали мандат доверия лично Фиделю Кастро, став предтечей последующих народных «референдумов под открытым небом», на которых будут приниматься основные кубинские законы.

Уррутиа сперва укрылся в венесуэльском посольстве, а потом бежал с Кубы. На пост президента 18 июля на заседании Совета министров был утвержден Освальдо Дортикос Торрадо — юрист, автор законопроекта об аграрной реформе и член НСПК с 1953 года¹.

С этого момента в американской прессе развернулась уже жесткая и безостановочная кампания против Фиделя. А он тоже начал свою PR-компанию на Кубе, став ведущим еженедельной двухчасовой программы на национальном телевиде-

¹ Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 43.

нии. Вечером в пятницу он разъяснял кубинцам смысл правильственной политики.

Одновременно к осени 1959 года были закрыты практически все оппозиционные периодические издания. Главной газетой Кубы стала почти коммунистическая «Нотисиас де Ой». С конца года пошла первая волна массовой эмиграции с Кубы: уехало более пятидесяти тысяч представителей среднего класса и интеллигенции.

Осенью после серии дипломатических демаршей против Кубы начались силовые действия. 24 сентября в провинции Пинар-дель-Рио была обезврежена первая группа подготовленных ЦРУ диверсантов с большой партией оружия.

Фидель 15 октября назначил на пост главы вновь созданного министерства революционных вооруженных сил Кубы, которому подчинялись и все остальные силовые структуры, Рауля Кастро. За этим немедленно последовало бегство с острова ряда высокопоставленных военных, среди которых был и команданте Убер Матос, командующий в провинции Камагуэй, заявивший о нежелании служить под началом коммунистов.

Кубу начали атаковать с воздуха самолеты без опознавательных знаков. 21 октября были сброшены бомбы на сахарную плантацию Пунта Алегре. Произошел и первый «пиратский налет» на Гавану — в дни туристического конгресса. В результате бомбежки погибли двое и были ранены 45 человек. Самолетом, вылетевшим с американской базы, управлял бывший командующий ВВС Кубы Диас Ланс.

После бомбардировки Гаваны и предательства Матоса 26 октября состоялся грандиозный митинг, принявший ярко выраженный антиамериканский характер¹.

В начале ноября президент Эйзенхауэр окончательно пришел к выводу, что у Соединенных Штатов нет иного выхода, кроме свержения режима Кастро. К этому подталкивал и Госдепартамент, в меморандуме которого говорилось: «Нет разумного основания строить нашу политику на надежде, что Кастро добровольно будет проводить такую политику и займет такую позицию, которая соответствовала бы минимальным требованиям безопасности Соединенных Штатов и их поли-

¹ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 292.

тических интересов... Длительное сохранение режима Кастро на Кубе в его нынешней форме окажет серьезное неблагоприятное воздействие на положение. Соединенных Штатов в Латинской Америке и создаст соответствующие преимущества для международного коммунизма»¹.

Эйзенхауэр полностью согласился с такой постановкой вопроса. 3 ноября он заявил, что «коммунисты ловят рыбу в мутных водах Кубы». А Никсон пошел дальше, утверждая, что США «обладают силой — и мистер Кастро знает это, — чтобы отстранить его от власти в любой день по своему выбору»².

Фидель и Советский Союз

Ну а что же Советский Союз? Его позиции в Латинской Америке на тот момент были исключительно слабы.

Сталин рассматривал Латинскую Америку как зону интересов Соединенных Штатов, уделяя первостепенное внимание собственной сфере влияния в Восточной Европе и в Восточной Азии. Хрущев уже расширил зону советских интересов на Ближний Восток и Африку, но в Латинской Америке у СССР по-прежнему не было никаких не то что плацдармов, но и зацепок.

Дипотношения поддерживались с горсткой стран, причем Куба в этом списке отсутствовала. Компартии на континенте по настоянию США были запрещены везде.

Впрочем, возможности для проникновения в Латинскую Америку находила советская разведка.

В воспоминаниях Хрущева читаем: «Куба официально наше государство не признавала, и долгое время у нас с нею никаких дипломатических связей не существовало... Раньше они знали лишь некоторых кубинских деятелей, в частности брата Фиделя — Рауля Кастро. Как-то случайно один наш товарищ плыл вместе с ним в Мексику на одном корабле. Этот товарищ потом мне рассказывал, как они познакомились, беседовали, а потом Рауля в Мексике, на глазах у нашего товарища, задержали и арестовали»³.

¹ Фурсенко А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева... М., 2018. С. 335–336.

² Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 346.

³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 648–650.

Этот «один наш товарищ» — Николай Сергеевич Леонов, знаменитый советский разведчик. В 1953 года молодой дипломат направлялся из Генуи в порт Веракрус в Мексике. На корабле он познакомился с Раулем Кастро и двумя его приятелями из Гватемалы. Позднее Леонов стал трудиться во внешней разведке КГБ, где руководил кубинским направлением.

В Латинской Америке работал еще один выдающийся разведчик — Александр Иванович Шитов, больше известный под псевдонимом Алексеев. Этот рослый, сутуловатый человек в толстых очках в студенческие годы изучал в МГУ французский и испанский, а затем был приглашен в разведку. Алексеевым он стал, когда готовился остаться в Москве на случай ее захвата фашистами в 1941 году. Затем он трудился в резидентурах в Иране и Северной франкофонной Африке. После освобождения Франции стал сотрудником советского посольства в Париже, где уже заслужил лавры звезды разведки. В середине 1950-х годов он базировался в Буэнос-Айресе, и в сфере его интересов была вся Латинская Америка.

Москва не имела никакого отношения к победе Кубинской революции, хотя, безусловно, приветствовала падение еще одного диктаторского режима. Хрущев позднее в дружеской беседе объяснит Кастро, как он понимал причины успеха Кубинской революции:

— Вы ведь победили потому, что тут получился первый такой случай среди латиноамериканских стран. Обычно у них один диктатор уступает место другому диктатору, который приходит к власти любыми доступными средствами, в том числе военными. США при этом сохраняют нейтралитет, занимают позицию невмешательства... Если бы они допускали, что с изгнанием Батисты, с разгромом его войск Фиделем Кастро они потеряют Кубу, лишатся своих капиталов и Куба перейдет на позиции социалистического строительства, то очень мало потребовалось бы средств со стороны США, чтобы помочь Батисте и не допустить его разгрома¹.

Успех Кубинской революции, свидетельствовал Хрущев, был для Москвы неожиданностью, а новое руководство страны — загадкой: «Когда Фидель Кастро добился победы и всту-

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 657.

пил со своими войсками в Гавану, мы в СССР, собственно говоря, еще не знали, какое политическое направление будет принято победителями. Знали, что в движении, возглавляемом Кастро, участвуют отдельные коммунисты-одиночки, но компартия Кубы в целом не контактировала с ним, и секретарь ЦК компартии Кубы даже вышел из партии, чтобы уйти партизанивать в горы вместе с Кастро. Когда повстанцы заняли Гавану, мы пользовались материалами только газет и радио. Слушали, что передавалось из самой Кубы и что говорили о ней другие. Положение было очень неясным»¹.

Впрочем, контакты с новыми руководителями Кубы появились достаточно быстро. Как раз в те апрельские дни, когда Фидель совершал вояж по Соединенным Штатам, Рауль Кастро командировал в Москву члена НСПК (Народно-социалистическая партия Кубы) Ласаро Пенью, бывшего президента Кубинского конгресса профсоюзов. Он обратился с просьбой направить на Кубу несколько испанских ветеранов войны против Франко в качестве советников «для помощи кубинской армии... по общим вопросам и в организации разведывательной работы»².

Хрущев отнесся к запросу положительно, но призвал проявить осторожность. 23 апреля 1959 года Президиум ЦК поручил международному отделу ЦК, Министерству обороны и КГБ договориться с руководством коммунистической партии Испании об отправке на Кубу двух испанцев, окончивших советские военные академии. Вскоре их число вырастет до семнадцати³.

Москве были известны противоречия внутри кубинского руководства — между Фиделем с одной стороны, и Раулем и Че — с другой. О них поведал, в частности, первый секретарь НСПК Блас Рока в ходе его визита в Москву в июне:

— Сегодня мы должны быть более солидарны, чем когда-либо. Фидель, конечно, повредил делу революции, сделав ряд антикоммунистических заявлений в США и на Кубе. Но ничто

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 648–649.

² Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 29.

³ Фурсенко А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева... М., 2018. С. 331.

еще не потеряно. НСПК убедила Фиделя, что его антикоммунистическая риторика губительна для революции, так что изменения в его речах уже налицо¹.

Хрущев в этой связи вспоминал не очень смешной анекдот, ходивший тогда в цеховских кругах: «Кубинское революционное руководство попало на небо. Вышел к ним апостол Петр и велел всем построиться, затем сказал: «Коммунисты, три шага вперед!» Вышел Гевара, вышел Рауль, еще кто-то, а все остальные стоят на месте. Тогда Петр крикнул Фиделю: «Эй, ты, большой, а ты не слышишь, что ли?» То есть считали, что Фидель — коммунист, а на небесах он себя вовсе не считал коммунистом и полагал, что услышанная команда к нему никакого отношения не имеет»².

В Кремле получали информацию и от Че Гевары. Он довольно много путешествовал по миру, и почти в каждой столице, которую посещал, находил возможность пообщаться с дипломатами из СССР и других социалистических стран. Он доказывал, что у соцлагеря появился союзник в развивающемся мире, которому требуется в первую очередь экономическая поддержка. При этом неизменно призывал: «Соблюдать осторожность».

— Сближение с социалистическими странами должно происходить постепенно. Враги революции постараются использовать любой шанс, чтобы осложнить внутреннюю ситуацию на Кубе под предлогом коммунистической угрозы, — объяснял Че в июле советскому атташе в Токио³.

Осенью кубинское руководство остро почувствовало, что стране необходимо вооружаться. За помощью обратились к чехам, полякам и к странам Западной Европы. Какое-то время казалось, что даже Великобритания была готова обеспечить Кубу всем необходимым, вплоть до современных военных самолетов. Однако в октябре американцы заставили Лондон присоединиться к введенному ими жесткому эмбарго на продажу оружия на Кубу. Но ряд других натовских стран — Франция, Бельгия — продолжили военное сотрудничество с Гаваной.

¹ Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 38.

² Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 650.

³ Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 42–43.

В Москве мнения разделились. МИД выступил против военной помощи Кубе, опасаясь ответной американской реакции. На заседании Президиума ЦК 23 сентября 1959 года, проходившем без участия Хрущева, путешествовавшего тогда по Америке, было признано «нецелесообразным в настоящее время поставлять оружие на Кубу»¹.

Вернувшись из поездки, Хрущев заявил, что не разделяет опасений «робких американистов» из МИДа. Кубинская революция была слишком важным и необычным явлением, чтобы проявлять чрезмерную осторожность. Уже 30 сентября Президиум ЦК одобрил «решение Польши снабдить Кубу некоторыми видами стрелкового оружия, изготовленного на польских заводах по советским лицензиям»².

Это решение стало, пожалуй, первым шагом к Карибскому кризису. Санкционируя продажу оружия на Кубу, Хрущев дал понять, что готов рискнуть и впервые в истории обозначить зону советских интересов в Латинской Америке. За первым шагом последуют многие другие.

А через день после решения Президиума ЦК на Остров Свободы прибыл первый советский гражданин, получивший визу на Кубу после победы революции. Это был собкор ТАСС по фамилии... Алексеев. Тот самый опытный разведчик.

Он вспоминал: «Я прибыл в Гавану в качестве корреспондента ТАСС 1 октября 1959 года и был фактически первым советским человеком, оказавшимся на Кубе после победы Революции, что затем способствовало установлению дружеских контактов с кубинскими руководителями и развитию советско-кубинских связей на государственном уровне.

Командировка планировалась на 2–3 месяца, и в мою задачу входило выяснение характера кубинской революции, так как мы о ней знали только по материалам информационных агентств. Никакой “руки Москвы” в революционных событиях не было. Но когда стало ясно, что кубинские лидеры относятся к СССР с симпатией и заинтересованы в установлении дружеских связей с нами, моя командировка продлилась на 8 лет»³.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 874. Л. 21.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 874. Л. 16.

³ Алексеев А. И. Записки посла // Стратегическая операция «Анадырь». Как это было. М., 2009. С. 120.

Алексеев начал с анализа ситуации. Он внимательно слушал все речи Фиделя. Разговаривал с людьми. «В кафе, ресторанах, в мастерских и на фабриках, просто у окон на улицах перед телевизорами собирались толпы людей, которые жадно, с глубоким вниманием слушали доходчивые, всегда логичные и вместе с тем эмоциональные речи Фиделя»¹. Алексеев читал все кубинские газеты, в которых антисоветчина перемежалась с выпадами против американского империализма. «Я не мог понять, — вспоминал он впоследствии, — что это за революция, куда она идет».

Но вскоре на контакт с ним вышло высшее кубинское руководство. Сначала это был Че Гевара.

Их первая беседа с ночь с 12 на 13 сентября чуть не провалилась из-за допущенного Алексеевым промаха. Он купил в подарок Че несколько пачек кубинских сигарет. Хоть и астматик, Че Гевара был заядлым курильщиком. Но Алексеев не заметил, что местом производства значился Техас. Че взглянул на сигареты и его перекосило:

— Вы знаете, что такое Техас? Это — бывшая республика Америки, которую захватили североамериканцы.

Но разговор все же продолжился. Че объяснил Алексееву:

— Другого пути к независимости нет — только через построение социалистического общества и дружбу с лагерем социализма.

Че предложил организовать встречу Алексеева с Фиделем Кастро.

Она состоялась 16 октября в 2 часа ночи. «Я надел темный костюм, серый галстук, одним словом, как на прием к премьер-министру», — рассказывал Алексеев. В гостиницу — сопроводить его — появились два бородача в кожанках и с автоматами. Алексеев захватил с собой подарки — икру, водку, любимые папиросы Сталина «Герцеговина Флор» и пластинку с записями русских народных песен.

Встреча началась с политического монолога Фиделя, который охарактеризовал революцию как восстание бедняков с целью построить общество, в котором больше не будет эксплуатации человека человеком.

После перешли к неофициальной части, обратившись к подаркам Алексеева. Открыли бутылку водки, налили, чокну-

¹ Макарычев М. Фидель Кастро. М., 2017. С. 255, 256.

лись. Пошло хорошо. Глядя на официальный костюм корреспондента ТАСС, Кастро подтрунил:

— Алехандро, сколько лет вашей революции?

Тот напомнил, что Октябрьская революция произошла в 1917 году. Фидель покачал головой:

— Стало быть, через сорок два года мы тоже будем выглядеть, как буржуи.

Это был последний раз, когда Алексеев надевал на Кубе галстук.

Понравилась Фиделю и икра:

— Какая вкусная... знаешь, Хименес, мы должны восстановить торговые отношения с Советским Союзом.

Но «Герцеговина Флор» вызвала у Фиделя острое отвращение, он заявил, что является последователем Черчилля, который курили только кубинские сигары¹.

Личный контакт был установлен. На годы вперед Алексеев стал основным связующим звеном между Москвой и Гаваной.

После этого в Кремле стали подумывать о возможности визита на Кубу кого-то из советских руководителей. Выбор пал на Микояна, как на самого опытного и авторитетного члена высшего руководства.

Однако от этих планов пришлось отказаться. Спецслужбы сразу заявили, что отсутствуют элементарные гарантии безопасности Микояна на острове и по пути к нему. Кроме того, были опасения, что визит Микояна будет использован США как повод для требований к другим латиноамериканским странам рвать отношения с Кубой. Источник, близкий к президенту Мексики Адольфо Лопесу Матеосу, в середине ноября сообщил, о непрекращавшихся попытках Вашингтона проявить жесткость в отношении Кубы².

Было решено, что Микоян поедет в Мексику, где как раз открывалась советская торговая выставка. И там можно было относительно безболезненно установить контакты с кубинскими товарищами.

Рассказывал Николай Леонов, который только начал второй год учебы в Высшей школе КГБ: «В один из октябрьских дней 1959 года меня пригласил начальник школы и сказал, что

¹ Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 49–51.

² Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 57.

меня вызывают в Кремль к начальнику Девятого управления КГБ, который ведал охраной руководства партии и правительства и держал свою штаб-квартиру непосредственно в Кремле. Шеф “девятки” встретил меня покровительственно и сказал, что намечена поездка тогдашнего первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Анастаса Микояна в Мексику в качестве личного гостя посла СССР для открытия выставки достижений советской науки и техники. Столь необычный визит не предполагал никакой свиты, но и без охраны не положено было отпускать члена Политбюро, каковым был почти всю жизнь Микоян. Вот и возникла мысль послать меня в двух качествах: личного переводчика и личного охранника».

Леонов описывал Микояна так: «Это был невысокий угловатый человек, довольно сухой в общении, говоривший по-русски с плохой дикцией... Он был на редкость целеустремлен, при этом хитер и изворотлив, как истинный представитель Востока. За плечами имел сложнейший жизненный путь, умудрился благополучно обойти все головоломные и смертельно опасные повороты в течение 1917–1959 годов. Это о нем потом будет сочинен каламбур: “От Ильича до Ильича — без инфаркта и паралича”».

Мексиканцы, не избалованные визитами гостей столь высокого ранга, составили для Микояна предельно насыщенную программу, включавшую посещение Монтеррея на севере, нефтяных промыслов близ Поса-Рики, нефтеперерабатывающих предприятий в южном штате Табаско. «Микоян все выносил стоически, горстями ел огненный мексиканский перец, не меняя выражения лица, месил в полуботинках тропическую грязь, глотал сухую пыль северных пустынь».

В Мехико в этот момент прилетел и Алексеев, впервые поделившись своими впечатлениями о кубинской ситуации. Он предложил установить отношения с Кубой и ее новым руководством.

Леонов поведал, что затем в мексиканской столице «появился специальный посланник гаванского правительства, совсем мальчик, Эктор Родригес Льомпарт, который от имени Фиделя Кастро попросил по окончании предусмотренного срока экспозиции в Мехико перебазировать выставку достижений в Гавану и пригласил А. Микояна на Кубу. Так начались первые контакты на высоком уровне между Москвой и революционной Гаваной».

О поездке Микояна в Мексику был снят документальный фильм, а маячивший за его спиной Леонов стал звездой экрана и важной политической фигурой в глазах руководства Высшей школы КГБ. Ему было досрочно присвоено звание лейтенанта¹.

В середине декабря офицер КГБ, работавший на выставке в Мехико, был направлен в Гавану, чтобы передать Алексееву полученную от польских и чешских источников информацию о готовящемся заговоре против правительства Фиделя. Алексеев строго конфиденциально предупредил его о том, что США взяли курс на подготовку вторжения на Кубу силами наемников, ядро которых составляли эмигранты с острова². Предупреждение стало подтверждением внимания к Кастро и его делу со стороны Хрущева.

Между Вашингтоном и Москвой

Американцы теперь действительно всерьез взялись за Кубу.

К январю 1960 года ЦРУ уже сформировало на Кубе зародыши «тайных разведывательных и боевых организаций», которые могли действовать от имени эмигрантов. Было подготовлено несколько самолетов и даже тайный аэродром для снабжения этих групп.

На совещании 25 января раздраженный Эйзенхауэр заявил:

— Кастро начинает походить на сумасшедшего. Если ОАГ не поможет убрать его, Соединенные Штаты должны сделать это сами, например, установив блокаду Кубы. Если кубинцы будут голодными, они сбросят Кастро.

Но возобладало мнение, что Соединенные Штаты не должны наказывать весь кубинский народ³.

В феврале Эйзенхауэр пригласил Аллена Даллеса в Овальный кабинет для обсуждения мер против Кастро. Шеф ЦРУ продемонстрировал полученные с самолета U-2 фотографии кубинского сахарного комбината, который предполагалось вы-

¹ Леонов Н. Лихолетье. Последние годы СССР. М., 2020. С. 41–44.

² Служба внешней разведки Российской Федерации. 100 лет. Документы и свидетельства. М., 2021. С. 286.

³ Амброз С. Эйзенхауэр. Солдат и президент. М., 1993. С. 469.

вести из строя методами вредительства. Эйзенхауэр только посмеялся над такими мелкими планами и поручил придумать что-нибудь посерьезнее¹.

По рекомендации Милтона Эйзенхауэра президент еще в ноябре 1959 года образовал СовеЩательный комитет по делам Америки. Тот рекомендовал Дуайту Эйзенхауэру нанести визиты в несколько стран континента с «миссией доброй воли», чтобы укрепить солидарность и, главное, создать единый антикубинский фронт.

В конце января 1960 года объявили, что президент в ближайшее время осуществит «давнее желание» посетить Латинскую Америку, чтобы встретиться с народами и руководителями, укрепить дружбу с ними, продолжить деятельность по «развитию внутриамериканской системы как примера наций, живущих в мире и согласии». С 23 февраля по 3 марта Эйзенхауэр побывал в Бразилии, Аргентине, Чили и Уругвае. В столицах этих стран его встречали восторженные толпы и немногочисленные демонстрации против американского диктатора².

Но проблема заключалась в том, что американцам никак не удавалось убедить страны-члены ОАГ в том, что Кастро — коммунист. Да и у самой администрации США не было твердых доказательств этого. Госсекретарь Гертер констатировал в марте 1960 года: «Из нашего собственного доклада, содержащего национальные разведывательные оценки, не вытекает, что Куба находится под коммунистическим контролем или господством». К его большому сожалению, из-за неясности того направления, в котором двигался Кастро, невозможно было объединить разрозненные антикастровские силы в единую оппозиционную коалицию.

Но терпеть Кастро становилось все невыносимее. 8 марта посольство США в Гаване обобщило мнения оставшихся там сотрудников ЦРУ и дипломатов: «Страноведы единодушны во мнении, что не стоит надеяться, будто США смогут когда-либо установить удовлетворительные отношения с ку-

¹ Ambrose S. Ike's Spies: Eisenhower and the Espionage Establishment. N.Y., 1981. P. 309.

² Чернявский Г. И., Дубова Л. Л. Эйзенхауэр. М., 2015. С. 348–349.

бинским правительством — до тех пор, пока его возглавляют Фидель Кастро, Рауль Кастро, Че Гевара и аналогично мыслящие товарищи»¹.

Эйзенхауэр 17 марта вновь принял Аллена Даллеса, которого сопровождал Ричард Биссел, руководивший в ЦРУ «кубинской программой». Представленная ими «Программа тайных акций против правительства Кастро» предусматривала: 1) создание «ответственного и единого» эмигрантского правительства; 2) «мощное пропагандистское наступление»; 3) «тайные разведывательные действия в интересах иммигрантской оппозиции»; 4) «подготовку военных сил за пределами Кубы для последующих партизанских действий»². Даллес считал, что для подготовки и проведения операции потребуются восемь месяцев. План Эйзенхауэру понравился, и он предложил сделать упор именно на создание альтернативного правительства, для чего требовалось найти его авторитетного главу³.

Вновь образованная Кубинская секция в Управлении планирования ЦРУ послала в Центральную Америку людей с задачей расширения географии подходящих мест для аэродромов и лагерей, где кубинцев будут обучать диверсионной работе, радиосвязи, основам шпионажа.⁴

Родившийся в Белом доме после активных обсуждений план «Запата» предусматривал подготовку в латиноамериканских странах десанта в количестве 1500 наемников. Они обеспечивались боевыми и транспортными самолетами с опознавательными знаками ВВС Кубы, судами и вооружением. На захваченный плацдарм предполагалось доставить «правительство Кубы в изгнании», которое обратится за военной помощью к США и другим странам Латинской Америки. Одновременно по сигналу из ЦРУ на Кубе, как полагали в Белом доме, начнется вооруженное восстание противников режима Кастро⁵.

¹ Фурсенко А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева... М., 2018. С. 339.

² Wyden P. Bay of Pigs: The Untold Story. L., 1979. С. 24–25.

³ Ambrose S. Ike's Spies... N.Y., 1981. С. 310.

⁴ Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 70.

⁵ Служба внешней разведки Российской Федерации. 100 лет. Документы и свидетельства. М., 2021. С. 287.

Это планы становились известны и советской разведке, и Гаване, что только приближало стремительный поворот Кубы в сторону Советского Союза.

В январе 1960 года Кремль принял решение санкционировать разработанную Прагой операцию по поставке на Кубу чешского стрелкового оружия.

В Мехико приехал помощник Че Гевары майор Эмилио Арагонес, чтобы встретиться с советским послом и рассказать ему о шагах, которые планировали коммунисты из окружения Фиделя Кастро с целью взять революцию под свой контроль. Арагонес уверял, что Фидель непременно возглавит социалистические преобразования и что ожидается создание новой политической партии, которая объединит все левые силы под его руководством¹.

В конце января Фидель Кастро подтвердил готовность пригласить на Кубу Микояна вместе с советской выставкой. И здесь вновь потребовался Леонов, который вспоминал: «Я вошел в кабинет А. И. Микояна, пожал протянутую сухую руку и сел за приставной столик, приготовившись выслушать задание. Он начал речь издалека:

— Правду ли говорят, что вы знакомы с братьями Кастро?

— Конечно, знаком. С Раулем — с 1953 года, до штурма казарм Монкады, а Фиделя встречал в Мексике в 1956 году, незадолго до отплытия экспедиции на яхте “Гранма”.

— Да, да... — выигрывая время для формулировки неприятного вопроса, протянул Микоян. — А чем вы можете доказать, что вы с ними знакомы?

Тут мне пришлось рассказать о том, как я впервые был направлен в командировку в Мексику весной 1953 года и как познакомился с Раулем Кастро. Естественно, я упомянул о сохранившихся у меня фотографиях как документальных свидетельствах моего знакомства с Раулем. По просьбе Микояна я принес дорогие памятные мне негативы. Из них было велено изготовить фотоальбом. Микоян сказал, что принято решение Политбюро (Президиума ЦК — В. Н.), в соответствии с которым ему надлежало выехать в ближайшие дни в Гавану, где он должен был открыть ту самую выставку, которую он уже

¹ Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 60–61.

открывал в Мексике. Выставка, разумеется, была предлогом. Главное заключалось в том, чтобы установить контакты с новым кубинским руководством, с лидером революции Фиделем Кастро и принципиально определить характер и пути налаживания советско-кубинских отношений, разорванных диктатором Ф. Батистой в 1952 году... На такое дело меня долго уговаривать не надо было, я согласился сразу же... Вся делегация состояла из одного Микояна, на помощь которому на всякий случай из Мексики был вызван советский посол в этой стране В. И. Базыкин».

Тогда между Москвой и Гаваной беспосадочные перелеты технически были невозможны. Летели на Ил-18 с посадками в Исландии и Канаде. Микоян во время полета читал двухтомник романов Хемингуэя, с которым надеялся повидаться на Кубе. 4 февраля Фидель Кастро лично приветствовал Микояна у трапа самолета.

«Когда Микоян вышел из самолета, его душа не могла не дрогнуть, — вспоминал Леонов. — Перед трапом колыхалась огромная толпа, которая не делилась на привычные компоненты: руководство, министры и дипкорпус, в центре возвышалась фигура Фиделя, похожего на матку в растревоженном пчелином рое».

Микояну предоставили двухэтажный особняк, который стерегли люди из личной охраны братьев Кастро. Остальные члены советской делегации разместились в гостинице «Камадора», в пяти минутах езды от резиденции Микояна. Впрочем, много времени там провести не получилось.

Это были, наверное, самые необычные переговоры в жизни Микояна: «программа формировалась на ходу под влиянием интуиции, одна неожиданность громоздилась на другую. Посол Базыкин, подавленный полным отсутствием протокольного порядка, старался только не отстать физически от стремительно перемещавшейся группы Фиделя и Микояна... Нигде нас не ждали чопорные банкеты. Мы ужинали той рыбой, которую только что сами выловили в лагуне, или ехали на обед в рабочую столовую дорожных строителей, где подавали только отварной рис с корнеплодами. Спать приходилось не в гостиничных сютах, а на бетонном полу недостроенного кемпинга, кутаясь в солдатские шинели и согреваясь время от времени душистым крепким кофе, равного которому нигде в мире нет...

Да и самые главные переговоры состоялись не за столом, а глубоко ночью на пешеходных мостках охотничьего домика под бычий рев гигантских тропических лягушек и звон комариных полчищ. Именно там было решено установить дипломатические отношения и дать зеленый свет торгово-экономическим связям»¹.

Алексееву было нелегко фиксировать содержание переговоров, но он старался выделять главное. «Никогда, даже при смертельной опасности, — телеграфировал он в Москву 7 февраля, — Кастро не пойдет на сделку с американским империализмом». И Кастро надеялся на помощь от Советского Союза — в закупке сахара, поставках нефти, оружия, в кредитах².

Леонов был в восторге от царившей на Кубе атмосферы: «Блажен тот, кому довелось увидеть в своей жизни звездный час народа, который победил тирана и без мерыпил хмель свободы и счастья. Все в этом народе сияло радостью, доброжелательностью, и в то же время он отличался строгим достоинством. Хотя бороды можно было носить только участникам боев в горах Сьерра-Маэстра, любой уважающий себя мужчина старался обзавестись если не бородой, то хотя бы бороденкой. Имеющееся оружие свидетельствовало о принадлежности к особой касте — дарителей свободы. Девушки в ладных оливковых костюмах выглядели куда привлекательнее, чем в традиционной одежде. И все кругом пело, смеялось, покачивало бедрами, похлопывало по плечам. Казалось, в любой точке столицы и страны в любое время суток можно было слышать волнующие звуки “Марша 26 июля”, он гремел повсюду. Хотя внешне не соблюдалось никакого порядка, во всем тем не менее был какой-то строго детерминированный смысл. Беспорядка не было — это уж точно».

Микоян остался доволен. Фидель буквально очаровал Микояна. Старый большевик почувствовал в нем родную душу.

— Да, это настоящая революция. Совсем как наша. Мне кажется, я вернулся в свою молодость!³

¹ Леонов Н. Лихолетье. Последние годы СССР. М., 2020. С. 45–48.

² Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 63–64.

³ Леонов Н. Лихолетье. Последние годы СССР. М., 2020. С. 46–48.

Хрущев скромно оценивал результаты визита: «Микоян поехал туда, посмотрел, поговорил. Но и только. Ведь у нас дипломатических отношений с Кубой не было, и Кастро пока придерживался в отношении нас осторожной политики»¹. Но все же результаты были налицо: достигнута договоренность о восстановлении дипломатических отношений, развитии торгово-экономических связей, включая закупку сахара и предоставление Кубе крупного займа.

Для Соединенных же Штатов визит Микояна означал «большой шаг на пути к разрыву еще сохраняющихся связей между правительством Кубы и семьей народов Америки»². Президент Эйзенхауэр отдал приказ ЦРУ ускорить подготовку отряда беженцев с Кубы в Гватемале для целей вторжения на остров³.

Четвертого марта 1960 года в порт Гаваны на борту французского корабля «Ла Кубр» прибыл военный груз из Бельгии. Буксиры привели корабль в гавань, рядом с которой находились административные кварталы. Неожиданно раздалась серия страшнейших взрывов. На берегу и на борту «Ла Кубр» погибло более ста человек.

Фидель Кастро выступил с немедленным заявлением, в котором возложил ответственность на ЦРУ:

— У нас есть основания полагать, что это была преднамеренная попытка лишить нас возможности получить оружие.

Обращаясь к Вашингтону, он заявил, что Кубу никому не испугать ни угрозой интервенции, ни «уничтожением в облаках от ядерных взрывов». Американцы, естественно, опровергли свою причастность к взрыву.

На следующий день после похорон жертв трагедии Антонио Нуньес Хименес пригласил Алексева на ланч к себе домой, где оказались также Фидель и Рауль Кастро.

— Я абсолютно уверен в том, что корабль взорвали американцы, — заявил Фидель. — В настоящих условиях кубинский народ примет с благодарностью любой дружественный жест СССР в отношении Кубы.

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 650.

² Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 65.

³ Alton Lee R. Dwight D. Eisenhower. Soldier and Statesman. Chicago, 1981. P. 306.

Фидель подтвердил, что морально готов к конфронтации с «северным колоссом» и назвал возможные ответные шаги: национализация собственности США, включая предприятия сахарной промышленности, перекрытие водопровода на базу США в Гуантанамо, мобилизация народной милиции и революционной армии, решительные меры против внутренней пятой колонны.

— Борьба будет продолжаться до последней капли крови, — уверил Кастро Алексеева. И спросил: — Может ли Куба рассчитывать на помощь Советского Союза поставками товара и вооружения в случае блокады или интервенции США?

Алексеев сообщил о разговоре в Москву, подчеркнув, что в ходе беседы Кастро признал Советский Союз образцом для Кубы.

Президиум ЦК 12 марта решил, что настала пора для контактов Хрущева с Кастро — глава правительства должен направить Кастро послание. Правда, не письменное, а устное, которое должен был передать Алексеев. Послание начиналось словами: «Вы можете не сомневаться, что наши симпатии и сочувствие целиком на стороне революционного правительства и что мы с оптимизмом смотрим на кубинские дела». Для большего оптимизма Кремль решил предоставить возможность поставлять любое вооружение из Чехословакии, «а если потребуется, то непосредственно из Советского Союза». И Фидель получил приглашение посетить СССР. Кастро был в восторге от послания Хрущева.

Еще одним жестом в его сторону стало решение Москвы выплачивать Фиделю гонорары за публикации его речей в советских издательствах, что издавна было одной из форм поддержки лидеров братских партий. Когда Алексеев сообщил об этом Кастро, то был «буквально растроган». И добавил со смехом:

— Если вы будете издавать все, что я наговорил за это время, то, чего доброго, я стану миллионером!¹

«В апреле 1960 года после взрыва в кубинском порту французского теплохода с закупленным в Бельгии оружием и боеприпасами Фидель обратился к Н. С. Хрущеву с просьбой о поставках советского оружия. Его просьба немедленно была

¹ Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 66–73.

удовлетворена»¹, — подтверждал Алексеев. Он сообщал в Москву потребности Гаваны, обозначенные Фиделем: 100 мортир со снарядами, 200 противотанковых пушек, 4 тысячи легких пулеметов, 500 зенитных пулеметов, 100 средних танков чешского производства и 10 тысяч винтовок с боеприпасами. «Доставку желательно произвести на судах Чехословакии или других стран социалистического лагеря, в том числе и Советского Союза», — просил Кастро².

Хрущев расскажет: «Кубинцы попросили у нас вооружения. Мы передали им танки, артиллерию, послали своих инструкторов. Кроме того, отправили зенитные пушки и несколько самолетов-истребителей. В результате Куба довольно солидно вооружилась»³.

Восьмого мая официально восстанавливались дипломатические отношения между Кубой и Советским Союзом, что позволило открыть советское посольство. Послом стал опытный дипломат и разведчик Сергей Михайлович Кудрявцев, ранее работавший в Турции, Канаде, Великобритании, Австрии, ФРГ, Франции. 22 августа он вручил верительные грамоты. Однако, как выяснится, Кудрявцев не был оптимальным выбором.

«Когда у нас установились дипломатические отношения с Кубой, мы направили послом туда профессионального дипломатического работника С. М. Кудрявцева, — откровенничал Хрущев. — Кроме того, там находился “журналист” из ТАСС Алексеев, особый сотрудник. Фидель и особенно Рауль Кастро сразу увидели, что это не просто журналист, а представитель определенного ведомства. Они установили с ним доверительные отношения. Когда им что-либо было нужно, то они чаще обращались прямо к Алексееву, чем к послу. Алексеев сейчас же связывался с Центром и сообщал нам о нуждах Кубы. Посол же повел себя нескладно. Обстановка на Кубе накалялась, начали уже “постреливать”, и он потребовал, чтобы

¹ Алексеев А. И. Записки посла // Стратегическая операция «Анадырь»... М., 2009. С. 122

² Фурсенко А. А. Россия и международные кризисы: середины XX века. М., 2006. С. 310.

³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 652–653.

ему предоставили особую охрану»¹. К тому же Кудрявцев не говорил по-испански.

Как бы то ни было, открытие посольства вызвало резкое недовольство США. «Посольство Советов в Гаване фактически было также центром, откуда осуществлялось руководство возглавляемым Кастро движением, особенно в его начальной стадии, когда шло проникновение коммунистических элементов во властные кубинские структуры»², — утверждал Аллен Даллес.

Ну, а дальше на повестку дня встала нефть. Американцы, объявив нефтяное эмбарго Кубе, оставили ей единственный выход — покупать ее в СССР.

Хрущев вспоминал: «Кубинцы вынуждены были обратиться к нам за помощью: американцы лишили их нефти, их главного источника энергии. Жизнь на острове едва не замерла, и нам пришлось срочно организовать доставку нефти на Кубу. По тем временам это была довольно трудная задача: у нас не имелось достаточного количества танкеров или других подходящих морских судов, и нам пришлось срочно мобилизовать из числа действующих в ущерб уже шедшим перевозкам, а также закупать и заказывать танкеры, чтобы обеспечить Кубу нефтепродуктами. Тогда итальянцы продали нам много танкеров. На этой почве возник даже конфликт Италии с США»³.

Однако сразу же возникла другая проблема: нефтеперерабатывающие предприятия на Кубе все еще принадлежали американцам. И в мае они узнали, что им придется перерабатывать советскую сырую нефть. Фидель допускал, что американские компании откажутся это делать, и он был прав. Ну что ж, это будет хорошим поводом для их национализации.

Десятого июня кубинское правительство национализировало нефтеперерабатывающие заводы. Выступая в тот же день на всенародном митинге перед президентским дворцом, Че заявил:

— Пусть остерегаются эти креатуры Пентагона и американских монополий, безнаказанно творившие свои преступле-

¹ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 651.

² Даллес А. ЦРУ против КГБ. Искусство шпионажа. М., 2016. С. 371.

³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 2. М., 2016. С. 650–651.

ния на землях Латинской Америки. Им есть над чем подумать. Куба — это уже не затерявшийся в океане одинокий остров, защищаемый голыми руками ее сыновей и благородными порывами всех обездоленных мира. Сегодняшняя Куба — это славный остров в центре Карибского моря, который находится под защитой ракет самой могущественной державы в истории!¹

Когда на советской нефти отказались работать принадлежавшие зарубежным собственникам электрические компании, их ждала та же участь — национализация².

Начались визиты кубинских официальных лиц в СССР. Первым из них стал заместитель Фиделя Кастро по Институту аграрной реформы А. Нуньес Хименес³.

Девятого июля Хрущев на Всероссийском съезде учителей сделал неожиданное для собравшихся, но недвусмысленное заявление:

— Не следует забывать, что теперь Соединенные Штаты не находятся на таком недостижимом расстоянии от Советского Союза, как прежде. Образно говоря, в случае необходимости советские артиллеристы могут своим ракетным огнем поддерживать кубинский народ, если агрессивные силы в Пентагоне осмелятся начать интервенцию против Кубы. И пусть в Пентагоне не забывают, что, как показали последние испытания, у нас имеются ракеты, способные падать точно в заданный квадрат на расстоянии тринадцати тысяч километров. Это, если хотите, предостережение для тех, кто хотел бы решать международные проблемы силой, а не разумом⁴.

По сути, это было предоставлением Кубе ядерных гарантий безопасности. Именно в этот момент Эйзенхауэр впервые публично занял предельно жесткую позицию в отношении Кубы. В тот же день — 9 июля — Белый дом распространил заявление президента, который утверждал, что новая позиция Москвы представляет собой «попытку внешней державы и международного коммунизма вмешаться в дела Западного полушария».

¹ Лаврецкий И. Р. Эрнесто Че Гевара. М., 2002. С. 177.

² Фурсенко А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева... М., 2018. С. 341.

³ Алексеев А. И. Записки посла // Стратегическая операция «Анадырь»... М., 2009. С. 120–122.

⁴ Фурсенко А., Нафтали Т. «Холодная война» Хрущева... М., 2018. С. 342–343.

Назвав это нарушением пакта Рио де Жанейро, Эйзенхауэр назвал обязанностью для себя по этому договору «не допустить утверждения режима под доминированием международного коммунизма в Западном полушарии»¹.

Через несколько дней после речи Хрущева и заявления Эйзенхауэра Рауль Кастро, находившийся в Чехословакии по вопросам приобретения оружия, засобиравшись в Москву. Как рассказывал Леонов, ему поручили встретиться с ним в Праге и конфиденциально передать приглашение Хрущева заехать и в СССР. Встретился с Раулем якобы случайно. «Улучив момент, когда Рауль повел меня, чтобы вручить сувенир, я шепнул ему, что приехал вовсе не случайно и имею поручение пригласить его в Москву. Он сразу посерьезнел, ответил, что должен посоветоваться с Гаваной и даст ответ через два-три дня. А пока просил меня присоединиться к его делегации на правах старого друга. Мне пришлось побывать на заводах, в винных погребах за Мельником, на спортивных сооружениях... Через два дня Рауль получил “добро” на поездку в Москву»².

15 июля на Президиуме ЦК Борис Николаевич Пономарев, отвечавший за связи с братскими партиями, обозначил статус приглашенного: «Учитывая, что членство Рауля Кастро в НСП не афишируется и в делегации могут быть некоммунисты, не должно быть никаких официальных встреч с лидерами КПСС»³. Принимали его как министра обороны. Поэтому встречать его поехали начальник Генштаба маршал Матвей Васильевич Захаров и его заместитель Семен Павлович Иванов.

«Два с половиной часа полета Ту-104 из Праги в Москву прошли незаметно: мы с Раулем вспоминали о давно минувших временах, я с большим интересом слушал его рассказы о революционной войне», — напишет Леонов. Рауль Кастро прибыл в аэропорт «Шереметьево» 17 июля. «Из самолета мы вышли почти рядом. Внизу у трапа его ждала толпа маршалов, генералов в серо-золотой амуниции»⁴.

¹ Martin E. Kennedy and Latin America. Lanham (N.Y.), 1994. P. 18.

² Леонов Н. Лихолетье. Последние годы СССР. М., 2020. С. 52.

³ Фурсенко А., Нафтали Т. Безумный риск... М., 2016. С. 82.

⁴ Леонов Н. Лихолетье. Последние годы СССР. М., 2020. С. 50–52.